АССОЦІАЦІЯ СХОДСТВА.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Александра Нечаева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

АССОЦІАЦІЯ СХОДСТВА.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Александра Нечаева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

Пров 36
Пров. 1959

Пр.

BF
365

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1766
V26

ОТЪ АВТОРА.

VII глава первой части и I глава второй части этого сочиненія первоначально были напечатаны въ „Вѣстникѣ Психологіи" (1904 г.). Остальныя главы предварительно нигдѣ не печатались.

С.-Петербургъ,
28-го января 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Историко-критическій обзоръ ученій объ ассоціаціи сходства.

СТР.

I. **Аристотель. Стоики. Эпикурейцы.** Ученіе Аристотеля о припоминаніи.—Сходство, противоположность и смежность, какъ принципы воспроизведенія, по ученію Аристотеля.—Неясныя стороны теоріи Аристотеля.—Ученіе о сходствѣ въ сочиненіяхъ стоиковъ и эпикурейцевъ. — Недостатки ихъ классификаціи 1

II. **Локкъ. Юмъ.** Понятіе ассоціаціи въ психологіи Локка.—Опредѣленіе законовъ ассоціаціи Юмомъ.—Достоинства и недостатки классификаціи Юма. . . 9

III. **Отъ Юма къ Гербарту и Миллю.** Отношеніе теоріи ассоціацій Юма къ традиціямъ англійской и нѣмецкой психологіи.—Общее значеніе Гербарта и Милля въ исторіи пониманія «законовъ ассоціацій», опредѣленныхъ Юмомъ. — Гертли. — Ирвингъ. — Герцъ.—Ученіе объ ассоціаціи сходства у Вольфа и его школы.—Взглядъ на воспроизведеніе по сходству въ сочиненіяхъ Мааса, Гоффбауера и Біунде.—Запутанное положеніе вопроса объ ассоціаціи сходства къ началу XIX вѣка 15

IV. **Гербартъ.** Основные взгляды Гербарта на процессъ воспроизведенія представленій.—Статическій и механическій порогъ сознанія. — Представленія, какъ силы.—Отношеніе отдѣльныхъ представленій къ понятію «я».—Единство души.—Взглядъ Гербарта на психо-

стр.

логическую природу ассоціаціонныхъ процессовъ.—Воспроизведеніе непосредственное и опосредствованное.—Метафизическіе и эмпирическіе элементы въ ученіи Гербарта о процессахъ воспроизведенія представленій.—Недостатки ученія Гербарта о припоминаніи по сходству.—Основныя тенденціи представителей нѣмецкой идеалистической психологіи по вопросу объ ассоціаціи сходства. 29

V. **Джемсъ Милль и его англійскіе критики.** Ученіе Милля объ ассоціаціяхъ вообще и ассоціаціи сходства въ частности.—Возраженія Гамильтона противъ теоріи Милля и его предшественниковъ.—Разборъ этихъ возраженій.—Критика взглядовъ Джемса Милля, представленная Д. С. Миллемъ и Александромъ Бэномъ.—Значеніе этой критики въ исторіи вопроса объ ассоціаціи сходства 43

VI. **Споръ объ ассоціаціи сходства во французской литературѣ конца XIX вѣка.** Брошаръ и Рабье. — Ихъ отрицательное отношеніе къ ассоціаціи сходства, какъ особому принципу воспроизведенія представленій, отличному отъ ассоціаціи смежности.—Отношеніе теоріи Брошара къ взглядамъ С. Милля и Мааса.—Возраженія Пильона.—Отвѣты Рабье и Полана.—Разборъ этой полемики 66

VII. **Леманъ, Геффдингъ и Вундтъ.** Отрицательный взглядъ Лемана на ассоціацію сходства.—Доказательства безполезности признанія ассоціаціи сходства и противорѣчія теоріи ассоціаціи сходства какъ себѣ самой, такъ и даннымъ опыта.—Возраженія Геффдинга.—Споръ о непосредственномъ узнаваніи.—Мнѣніе Вундта по вопросу о полемикѣ Геффдинга съ Леманомъ.—Отвѣты Лемана и Геффдинга.—Научное значеніе этой полемики 79

VIII. **Новѣйшія теоріи ассоціаціи сходства.** Липпсъ. — Джэмсъ. Кюльпе. Ремке. Іодль. Эббингаусъ. — Ціэнъ.—Общій обзоръ главныхъ моментовъ исторіи ученія объ ассоціаціи сходства. 175

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Основы ученія объ ассоціаціи сходства.

СТР.

I. **Ассоціація, какъ законъ воспроизведенія представленій.** Критика ходячаго взгляда на память, какъ хранилище пережитыхъ нами душевныхъ состояній.—Критика ученія Гербарта о воспроизведеніи представленій.—Въ какомъ смыслѣ можно говорить о воспроизведеніи пережитыхъ душевныхъ состояній?—Ученіе о безсознательной душевной жизни.—Его недостатки.—Иллюзія воспроизведенія представленій.—Опредѣленіе основного закона ассоціаціи представленій. — Первоначальная или потенціальная ассоціація.—Вторичная или дѣйствующая ассоціація.—Ихъ взаимное отношеніе. 201

II. **Сходство, какъ ассоціація.** Понятіе сходства въ современной психологической литературѣ по вопросу о воспроизведеніи.—Отношеніе принципа сходства къ принципу тожества и смежности.—Состоянія отожествленія и неразличенія.—Узнаваніе.—Проблема сходства и проблема личности. 222

III. **Безсознательныя ассоціаціи.** Опредѣленіе понятія «безсознательныхъ ассоціацій». — Вопросъ о вліяніи безсознательныхъ ассоціацій на качественныя измѣненія сознанія.—Наблюденіе Баумгартена.—Опыты Скрипчюра, Смита, Мюнстерберга, Ашаффенбурга, Кордеса и Конорова. — Вопросъ о вліяніи безсознательныхъ ассоціацій на количественныя измѣненія сознанія.—Опыты Королькова.—Участіе безсознательныхъ ассоціацій въ процессахъ непосредственнаго узнаванія.—Опыты Лемана и Добросѣцева.—Общіе выводы 232

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Указатель собственныхъ именъ 277

Часть первая.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ УЧЕНІЙ ОБЪ АССОЦІАЦІИ СХОДСТВА.

I.

Аристотель. Стоики. Эпикурейцы.

Хотя самое выраженіе «ассоціація представленій» впервые появляется только въ сочиненіяхъ Локка [1]), однако описанія и толкованія тѣхъ психическихъ явленій, которыя впослѣдствіи стали разсматриваться какъ выраженія законовъ ассоціаціи, встрѣчаются несравненно раньше. Зачатки современнаго ученія объ ассоціаціяхъ можно найти еще у Аристотеля.

Излагая свое ученіе о памяти и припоминаніи, Аристотель широко пользуется понятіемъ «движенія» (κίνησις), — понятіемъ, имѣвшимъ такое важное значеніе во всей его философской системѣ.

Всякій актъ припоминанія, по воззрѣнію Аристотеля, предполагаетъ движеніе, которое въ данномъ случаѣ понимается, какъ соединенное движеніе души и тѣла [2]). При этомъ Аристотель указываетъ, что возможность движенія, характеризующаго воспоминаніе, обусловливается связью его съ другими, наличными движеніями: συμβαίνουσι δ'αἱ ἀναμνήσεις, ἐπειδὴ πέφυκεν ἡ κίνησις ἥδε γενέσθαι μετὰ τήνδε... Ὅταν οὖν ἀναμιμνησκώμεθα, κινούμεθα τῶν πρότερόν τινα κινήσεων, ἕως ἂν κινηθῶμεν μεθ' ἣν ἐκείνη εἴωθεν· διὸ καὶ τὸ ἐφεξῆς ζητεῦν ἐν

---

[1]) R. Eucken, «Geschichte der philosophischen Terminologie», Leipzig, 1879, 98.

[2]) A.-Ed. Chaignet, «Essai sur la psychologie d'Aristote». Paris, 1883, стр. 457.

νοήσαντες ἀπὸ τοῦ νῦν, ἢ ἄλλου τινὸς, καὶ ἀφ' ὁμοίου, ἢ ἐναντίου, ἢ του σύγγυς. Διὰ τοῦτο γίγνεται ἡ ἀνάμνησις· αἱ γὰρ κινήσεις τούτων τῶν μὲν αἱ αὐταὶ, τῶν δ'ἅμα, τῶν δὲ μέρος ἔχουσιν, ὥστε τὸ λοιπὸν μικρὸν ὃ ἐκινήθη μετ' ἐκεῖνο [1]). (Воспоминанія возникаютъ, когда одно движеніе естественно порождается вслѣдъ за другимъ... Итакъ, когда мы припоминаемъ, то нами овладѣваетъ какое-нибудь прежнее движеніе, пока не явится движенія, за которымъ обыкновенно слѣдуетъ искомое. Поэтому-то мы пытаемся найти послѣдовательную связь, начиная думать отъ даннаго въ настоящій моментъ, или отъ чего нибудь иного, или отъ сходнаго, или отъ противоположнаго, или отъ смежнаго. Припоминаніе совершается вслѣдствіе того, что эти движенія, служащія его исходнымъ пунктомъ, или тожественны съ тѣми которыми характеризуется припоминаемое, или совмѣстны съ ними, или заключаютъ въ себѣ часть ихъ, вслѣдъ за которой приводится въ движеніе и остальная небольшая ихъ часть).

Какъ видно изъ этого мѣста, Аристотель, разсуждая о припоминаніи, различаетъ два основныхъ вопроса: 1) объ исходномъ пунктѣ припоминанія, насколько онъ сознается самимъ припоминающимъ субъектомъ (θυρεύομεν νοήσαντες), и 2) о реальной причинѣ воспроизведенія (γίγνεται ἡ ἀνάμνησις).

Исходнымъ пунктомъ припоминанія, по Аристотелю, можетъ быть или «что-нибудь данное въ настоящій моментъ» или «что-нибудь иное» (νοήσαντες ἀπὸ τοῦ νῦν, ἢ ἄλλου τινός). Значеніе этого выраженія можно понять довольно легко. Дѣйствительно, на воспроизведеніе прежде пережитыхъ нами душевныхъ явленій оказываютъ вліяніе или наличныя впе-

---

[1]) Περὶ μνήμης, II. (Aristotelis opera omnia. Volumen tertium. Parisiis, editore Didot. MDCCCLIV).

чатлѣнія, или какія-нибудь, воспроизводимыя нами, представленія и чувства, относящіяся къ области прежняго опыта. Это «данное въ настоящій моментъ» или «иное», по отношенію къ воспроизводимому, можетъ быть или сходнымъ, или противоположнымъ, или смежнымъ.

Такимъ образомъ, говоря объ исходномъ пунктѣ припоминанія, Аристотель различаетъ три вида ассоціацій—сходство, противоположность и смежность. Но, объясняя припоминаніе сходствомъ, противоположностью или смежностью, мы только описываемъ данный психическій процессъ, какъ онъ сознается самимъ припоминающимъ субъектомъ, но еще не указываетъ настоящей, реальной причины припоминанія, не указываетъ того, о чемъ можно было бы сказать: «διὰ τοῦτο γίγνεται ἡ ἀνάμνησις».

Реальной причиной припоминанія, по Аристотелю, является отношеніе движеній, характеризующихъ, съ одной стороны, припоминаемое, а съ другой—душевное состояніе, служащее исходнымъ пунктомъ припоминанія. Припоминая что-нибудь сходное, противоположное или смежное съ сознаваемымъ нами въ данный моментъ (независимо отъ того, относится ли это сознаніе къ настоящему или къ чему-нибудь иному), мы, согласно теоріи Аристотеля, переживаемъ движенія, которыя или прямо тожественны съ движеніями, характеризующими припоминаемое нами душевное состояніе, или ближайшимъ образомъ съ ними связаны. Эта послѣдняя связь, въ свою очередь, можетъ быть двухъ родовъ: 1) какъ тѣ, такъ и другія движенія могутъ быть одновременны и 2) онѣ могутъ быть послѣдовательны (αἱ γὰρ κινήσεις τούτων ... τῶν δ'ἅμα, τῶν δὲ μέρος ἔχουσιν, ὥστε τὸ λοιπὸν μικρὸν δ ἐκινήθη μετ' ἐκεῖνο). Но эти два рода реальной связи воспроизводимаго съ воспроизводящимъ легко

могутъ быть сведены къ принципу смежности въ широкомъ значеніи этого слова, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда воспроизводимое движеніе не является непосредственно связаннымъ съ движеніемъ воспроизводящимъ, всегда существуетъ какое-нибудь движеніе, являющееся между ними посредствующимъ звеномъ (подобно тому, какъ въ силлогизмѣ terminus medius является посредствующимъ звеномъ между подлежащимъ и сказуемымъ вывода): Ἔοικε δε καθόλου ἀρχὴ καὶ τὸ μέσον πάντων· εἰ γὰρ μὴ πρότερον, ὅταν ἐπὶ τοῦτο ἔλθῃ μνησθήσεται, ἢ οὐκέτι, οὐδ' ἄλλοθεν, οἷον εἴ τις νοήσειεν ἐφ'ὧν ΑΒΓΔΕΖΗΘ· εἰ γὰρ μὴ ἐπὶ τοῦ Ε μέμνηται, ἐπὶ τοῦ Θ ἐμνήσθη· ἐντεῦθεν γὰρ ἐπ' ἄμφω κινηθῆναι ἐνθέχεται, καὶ ἐπὶ τὸ Δ, καὶ ἐπὶ τὸ Ε. Εἰ δὲ μη τούτων τι ἐπιζητεῖ, ἐπὶ τὸ Γ ἐλθὼν μνησθήσεται, εἰ τὸ Η, ἢ τὸ Θ ἐπιζητεῖ· εἰ δὲ μὴ, ἐπὶ τὸ Α, καὶ οὕτως ἀεί [1]).

Итакъ, Аристотель, разсуждая о припоминаніи съ точки зрѣнія (психическаго) исходнаго пункта воспроизведенія, различаетъ связь по сходству, противоположности и смежности. Говоря же о реальныхъ причинахъ воспроизведенія, онъ выставляетъ принципы тожества, одновременности и послѣдовательности. При этомъ остается недостаточно яснымъ взаимное отношеніе принциповъ, устанавливаемыхъ съ двухъ этихъ точекъ зрѣнія. Если признать, что, по ученію Аристотеля, сознанію смежности соотвѣтствуетъ одновременность или послѣдовательность движеній, а сознанію сходства—ихъ тожество, то все-таки остается совершенно невыясненнымъ вопросъ: какія движенія соотвѣтствуютъ сознанію противоположности, какъ исходному пункту воспроизведенія? Съ другой стороны, неясно, какъ слѣдуетъ понимать, съ точки

[1]) Ibidem.

зрѣнія Аристотеля, отношеніе сходства къ тожеству: можно ли свести всякое припоминаніе по сходству къ тожеству переживаемыхъ нами (воспроизводящихъ и воспроизводимыхъ) движеній? И всякое ли тожество этихъ движеній сознается нами именно какъ сходство или, быть можетъ, кромѣ припоминанія по сходству, есть еще, съ точки зрѣнія Аристотеля, особый и не совпадающій съ нимъ видъ припоминанія по тожеству?

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ неясностей и недоговорокъ, намъ очень трудно составить отчетливое представленіе о томъ, какъ именно понималъ Аристотель сходство, въ смыслѣ закона припоминанія. Вѣрнѣе всего предположить, что многія стороны этого сложнаго психологическаго вопроса для него самого оставались еще скрытыми. Несомнѣнно лишь, что:

1) Аристотель оцѣнилъ припоминаніе по сходству, какъ извѣстный закономѣрный фактъ [1]),

2) онъ описывалъ этотъ фактъ, обращая вниманіе, главнымъ образомъ, на сознаніе самаго акта припоминанія,

3) съ точки зрѣнія самаго акта припоминанія, Аристотель противополагалъ сознаніе сходства сознанію смежности и противоположности и

4) онъ отличалъ вопросъ объ исходномъ (сознаваемомъ нами) пунктѣ воспроизведенія отъ вопроса о реальной причинѣ, порождающей воспоминаніе,

---

[1]) Значеніе сходства, какъ принципа припоминанія, еще раньше Аристотеля было подмѣчено и широко использовано для метафизическихъ и гносеологическихъ цѣлей Платономъ въ его ученіи о знаніи, какъ припоминаніи, въ связи съ вопросомъ объ отношеніи сверхчувственныхъ идей къ познанію чувственнаго міра (Φαίδων, XVIII, in aedibus Teubneri). Но Аристотель первый сдѣлалъ попытку изслѣдовать вопросы о сходствѣ съ чисто-психологической точки зрѣнія, стараясь въ то же время уяснить отношеніе этого принципа припоминанія къ другимъ.

т.-е., иначе говоря, отличалъ въ данномъ случаѣ извѣстный психическій фактъ отъ его истолкованія.

Если, помимо Аристотеля, мы обратимся къ другимъ древнимъ психологическимъ теоріямъ, то въ ихъ ученіи о сходствѣ, какъ принципѣ, обусловливающемъ связь и вызовъ представленій, опять-таки не найдемъ ни достаточной полноты, ни опредѣленной ясности.

Для примѣра, остановимся на воззрѣніяхъ стоиковъ и эпикурейцевъ, удѣлявшихъ, какъ извѣстно, много вниманія психологическимъ вопросамъ.

Характеризуя пріемы, при помощи которыхъ происходитъ переработка доставляемаго чувствами матеріала въ воспоминанія, образы и общія представленія, стоики (виднѣйшимъ представителемъ которыхъ въ данномъ случаѣ является Хризиппъ) различали слѣдующія умственныя операціи:

1) Сопоставленіе по сходству (καθ' ὁμοιότητα), которое обнаруживается, напримѣръ, въ томъ, что Сократа узнаютъ по его портрету;

2) аналогію (ἀναλογία), которая выражается въ уменьшеніи или увеличиваніи предметовъ (этимъ способомъ изъ представленія человѣка, путемъ увеличенія, получается представленіе циклопа, а путемъ уменьшенія—представленіе пигмея);

3) противоположеніе (ἐναντίωσις), примѣромъ котораго можетъ служить образованіе понятія смерти въ противоположность жизни;

4) перестановку (μετάθεσις), выражающуюся въ измѣненіи естественнаго порядка элементовъ предметовъ (примѣромъ такой перестановки можетъ служить случай, когда сердцу приписываютъ глаза);

5) соединеніе (σύνθεσις), т.-е. образованіе изъ данныхъ элементовъ новыхъ группъ (напр., пред-

ставленіе гиппоцентавра является соединеніемъ представленій лошади и быка);

6) отборъ (ἀφαίρεσις), т.-е. образованіе новой группы элементарныхъ представленій путемъ выбора нѣкоторыхъ характерныхъ чертъ изъ группы уже образованной или реальной (такимъ путемъ получается, напр., представленіе циклопа, которому миѳъ приписываетъ только одинъ глазъ);

7) послѣдовательность (μετάβασις, ἀναλογιστική), которая выражается въ построеніи пространственныхъ представленій;

8) отрицаніе (στέρησις), примѣромъ котораго является образованіе представленія «безрукаго», посредствомъ отрицанія того, что уже было ранѣе дано знаніемъ о человѣкѣ [1]).

Недостатки этой классификаціи въ настоящее время слишкомъ замѣтны для того, чтобы на нихъ стоило долго останавливаться. Сходство противополагается здѣсь аналогіи. Но развѣ портретъ Сократа, въ которомъ мы узнаемъ оригиналъ, не заключаетъ въ себѣ образа, аналогичнаго самому Сократу и отличающагося отъ образа дѣйствительнаго Сократа меньшимъ или большимъ размѣромъ? Съ другой стороны, въ этой классификаціи, при рѣзкомъ противоположеніи «ὁμοιότης» и «σύνθεσις», совсѣмъ не ясно отношеніе принципа сходства къ принципу тожества. Какъ видно изъ приведеннаго примѣра сходства (Сократъ и его портретъ), послѣднее въ данномъ случаѣ понимается не какъ простое тожество: здѣсь есть признаки «отбора» (такъ какъ въ портретѣ обращается вниманіе только на нѣкоторыя характерныя, сходныя черты) и «соединенія» (такъ какъ

---

[1]) Подробное изложеніе см. въ сочиненіи: A.-Ed. Chaignet, «Histoire de la Psychologie des Grecs», X, стр. 100 и слѣд.

черты, тожественныя съ оригиналомъ, въ портретѣ являются въ соединеніи съ нѣкоторыми новыми, не данными въ самой природѣ признаками). Но въ какомъ же именно ближайшемъ отношеніи находятся между собою принципы сходства, отбора и соединенія, — объ этомъ данная классификація намъ ничего не говоритъ. Факты были подмѣчены, зарегистрированы, но въ нихъ еще не успѣли какъ слѣдуетъ разобраться.

Не больше опредѣленности по данному вопросу найдемъ мы и въ ученіи эпикурейцевъ, противополагавшихъ сходство (ὁμοιότης) аналогіи (ἀναλογία) соединенію (σύνθεσις) и совпаденію (περίπτωσις) [1]).

Положеніе психологіи въ первые вѣка христіанства и въ продолженіи всего средневѣковья мало благопріятствовало успѣхамъ точнаго анализа проблемы сходства. Интересы ученыхъ въ это время слишкомъ были отвлечены въ сторону метафизики и этики. Только съ появленіемъ англійскаго эмпиризма, основаннаго Бэкономъ, наступаетъ благопріятная пора для болѣе точнаго выясненія ученія о сходствѣ, какъ законѣ связи и воспроизведенія душевныхъ явленій.

---

[1]) Подробнѣе см. A. E. Chaignet, «Histoire de la psychologie des Grecs», X, стр. 371 и слѣд.

II.

Локкъ. Юмъ.

Хотя самый терминъ «ассоціація идей» впервые встрѣчается у Локка [1]), тѣмъ не менѣе этого психолога еще нельзя считать родоначальникомъ современнаго ученія о сходствѣ, какъ ассоціаціи. Ему нельзя приписать даже чести постановки вопроса объ этомъ, и въ этомъ смыслѣ значеніе стараго Аристотеля несравненно выше. Локкъ пользовался выраженіемъ «association of ideas» для обозначенія «сочетанія душою идей, не соединенныхъ отъ природы» [2]). При этомъ Локкъ противополагаетъ принципъ ассоціаціи, какъ нѣчто, основанное на «случаѣ» и «обычаѣ», разуму. «Нѣкоторыя идеи,—говоритъ онъ,—находятся въ естественномъ взаимномъ соотвѣтствіи и связи. Задача и превосходство нашего разума заключаются въ томъ, чтобъ прослѣдить ихъ и поддерживать ихъ вмѣстѣ въ томъ единствѣ и соотвѣтствіи, которое находятъ въ ихъ своеобразномъ существѣ. Кромѣ этой связи, есть еще другая связь идей, всѣмъ обязанная случаю или обычаю: идеи, сами по себѣ вовсе не родственныя, въ душѣ нѣкоторыхъ людей соединяются такъ, что очень трудно раздѣлить ихъ. Онѣ всегда держатся въ сообще-

---

[1]) Locke, «Essay concerning human understanding», 1690, Book II, ch. XXXIII.

[2]) Ibidem, 6.

ствѣ, и никогда одна такая идея не привзойдетъ въ разумъ безъ того, чтобы вмѣстѣ съ нею сейчасъ же не появилась ассоціированная идея (its associate); а если такимъ образомъ соединено болѣе двухъ идей, то вмѣстѣ показывается всегда вся неразлучная толпа» [1]).

Изъ этого видно, что именемъ «ассоціацій» Локкъ обозначалъ собственно то, что въ настоящее время принято называть «случайными неразрывными ассоціаціями». Вліяніемъ ассоціацій Локкъ объяснялъ всякаго рода предразсудки и странности взглядовъ.

Опредѣленіе ассоціаціи, какъ общаго закона, управляющаго воспроизведеніемъ идей, въ первый разъ вполнѣ отчетливо устанавливается Юмомъ [2]), который вмѣстѣ съ тѣмъ намѣчаетъ и отдѣльные виды ассоціацій. Въ виду громадной исторической важности, представляемой въ данномъ случаѣ ученіемъ Юма, мы приведемъ его подробное опредѣленіе ассоціацій въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ его «Inquiry concerning human understanding» [3]):

«Очевидно, что существуетъ какой-то принципъ связи между отдѣльными мыслями или идеями духа, и что, являясь въ памяти или воображеніи, онѣ вызываютъ одна другую по извѣстному методу и съ извѣстной правильностью. При болѣе серьезныхъ думахъ или разсужденіяхъ это до такой степени бросается въ глаза, что всякая частная мысль, нарушающая правильную цѣпь идей, непосредственно замѣчается и откидывается. Да и въ нашихъ самыхъ странныхъ и причудливыхъ грезахъ, даже въ нашихъ снахъ, при внимательномъ наблюденіи, мы найдемъ,

---

[1]) Локкъ. «Опытъ о человѣческомъ разумѣ», перев. Савина. М. 1898, стр. 388—389.

[2]) D. Hume, «Treatise on human nature», 1739—40.

[3]) London, 1748.

что дѣятельность воображенія управляется не совершенной случайностью, но что между различными идеями, слѣдующими одна за другою, всегда есть какая-то связь... Хотя эта связь между различными идеями слишкомъ очевидна для того, чтобы остаться незамѣченной, я не знаю ни одного философа, который пытался бы перечислить или классифицировать всѣ принципы ассоціаціи. Между тѣмъ, этотъ предметъ достоинъ вниманія. Мнѣ кажется, что существуютъ только три принципа связи идей, а именно: сходство (Ressemblance), смежность во времени или пространствѣ (Contiguity in time or place) и причинность (Cause or Effect). Я думаю, нельзя особенно сомнѣваться въ томъ, что эти принципы лежатъ въ основѣ связи идей. Портретъ естественно направляетъ нашу мысль къ оригиналу (сходство). Подумавъ объ одной комнатѣ въ домѣ, мы естественно начинаемъ думать или говорить о другихъ (смежность). Представивъ рану, мы невольно начинаемъ думать о боли, которая за нею слѣдуетъ (причинность). Однако доказать, что данное перечисленіе отличается полнотою и что нѣтъ другихъ принциповъ ассоціаціи, кромѣ указанныхъ, очень трудно не только для убѣжденія читателя, но и для убѣжденія самого себя. Все, что можно сдѣлать въ такихъ случаяхъ, — это разбирать разные примѣры и тщательно изслѣдовать принципы, соединяющіе между собою разныя мысли, пока не будетъ найдено принциповъ, отличающихся возможно большей общностью. (Такъ, напримѣръ, противоположность [Contrast or Contrariety] также служитъ связью между идеями, но, быть можетъ, ее возможно разсматривать, какъ смѣшеніе причинности и сходства. Если два предмета противоположны, то одинъ изъ нихъ уничтожаетъ другой, т.-е. причина его уничтоженія

и идея уничтоженія предмета заключаютъ въ себѣ идею его предшествующаго существованія). Чѣмъ болѣе случаевъ мы изслѣдуемъ и чѣмъ больше при этомъ мы прилагаемъ старанія, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ увѣренность, что данное нами перечисленіе полно и законченно» [1]).

Вдумываясь въ это разсужденіе, нельзя не признать его большимъ достоинствомъ ясность опредѣленія общаго метода классификаціи ассоціацій. Юмъ очень далекъ отъ мысли считать свою классификацію чѣмъ-то абсолютно непогрѣшимымъ. Онъ видитъ въ ней только результатъ обобщенія опредѣленныхъ наблюденій. При этомъ какъ идеалъ изслѣдованія ассоціацій выставляется нахожденіе такого принципа, который отличался бы возможно большею общностью. Слѣдовательно, если послѣдующіе психологи, оставаясь на строго эмпирической почвѣ, не довольствовались юмовскимъ тройнымъ дѣленіемъ ассоціацій, но старались всѣ ихъ подвести подъ меньшее количество принциповъ, понятыхъ однако въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ у Юма, то они только разрѣшали задачу, намѣченную самимъ же Юмомъ.

Что касается появленія попытокъ улучшить классификацію ассоціацій Юма, то ихъ неизбѣжность легко предугадать, если мы обратимъ вниманіе на то положеніе, которое занимаетъ въ этой классификаціи «ассоціація причинности».

Признаніе причинности однимъ изъ видовъ ассоціаціи было для Юма очень смѣлымъ шагомъ, значеніе котораго станетъ намъ ясно, если мы примемъ во вниманіе то широко распространенное въ фило-

---

[1]) David Hume, «An Enquiry concerning the Human Understanding», Section III.

софской литературѣ XVII—XVIII вв. противоположеніе «разума» и «воображенія», вліяніе котораго еще такъ замѣтно и въ сочиненіяхъ Локка. Но естественно, что тотъ, кто не хотѣлъ, вслѣдъ за Юмомъ, признать знаніе причинъ вытекающимъ изъ опыта, а не изъ разума [1]), не долженъ былъ допускать и особаго вида «ассоціаціи причинности». Съ другой стороны, для лицъ, проникшихся желаніемъ, подобно Юму, стоя на эмпирической почвѣ, постепенно восходить все къ болѣе и болѣе общимъ принципамъ ассоціаціи, не могло казаться достаточно обоснованнымъ выдѣленіе ассоціаціи причинности въ особый видъ, существующій наряду съ ассоціаціями сходства и смежности. Дѣйствительно, по словамъ Юма, причину можно опредѣлить какъ «объектъ, за которымъ слѣдуетъ другой, если только вслѣдъ за всѣми объектами, сходными съ первымъ, слѣдовали объекты, сходные со вторымъ» [2]). Какъ видно изъ этого, въ своемъ опредѣленіи причины Юмъ пользуется понятіями сходства, слѣдованія и всеобщности (насколько она опредѣляется предшествующимъ опытомъ). Первыя два изъ этихъ понятій уже послужили Юму исходнымъ пунктомъ для двухъ соотвѣтствующихъ имъ видовъ ассоціаціи (Ressemblance, Contiguity in time). Что же касается третьяго понятія, то оно, въ сравненіи съ первыми, является прежде всего понятіемъ другого рода, устанавливаемымъ совершенно съ другой (не качественной, а количественной) точки зрѣнія. Вѣдь всеобщность (насколько она обусловливается предшествующимъ опытомъ) можетъ существовать въ такъ называемыхъ чистыхъ

---

[1]) Ibidem, Sect. IV, Part II.

[2]) ...we may define a cause to be an object, followed by another, and where all the objects similar to the first are followed by objects similar to the second. Ibidem, Sect. VII, Part II.

случаяхъ ассоціаціи сходства, равно какъ и въ чистыхъ случаяхъ ассоціаціи смежности: намъ можетъ нравиться какое-нибудь лицо, потому что оно постоянно напоминаетъ намъ другого любимаго человѣка; видъ опредѣленнаго платья можетъ всегда соединяться въ нашемъ сознаніи съ представленіемъ какихъ-нибудь принадлежащихъ ему украшеній, и т. д. Изъ этого слѣдуетъ, что было бы неправильнымъ раздѣлять ассоціаціи на ассоціаціи сходства, смежности и всеобщности. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же, говоря о наиболѣе общихъ принципахъ ассоціаціи, выдѣлять въ особый видъ ассоціацію причинности, опредѣляя въ то же время причинность при помощи понятій сходства, смежности и всеобщности? Такое выдѣленіе могло бы имѣть извѣстное основаніе въ устахъ раціоналистовъ, которые, характеризуя причинность признакомъ всеобщности, разумѣли подъ этой всеобщностью нѣчто данное независимо отъ опыта. Но вѣдь Юмъ, какъ извѣстно, говоритъ здѣсь только о всеобщности, насколько она обусловлена эмпирическими данными.

III.

Отъ Юма къ Гербарту и Миллю.

Въ первой половинѣ XIX вѣка въ англійской психологіи дѣлаются рѣшительныя попытки завершить дѣло, начатое Юмомъ,—свести къ одной основной формѣ всѣ отдѣльные виды ассоціацій. Эти смѣлыя попытки встрѣчаютъ сильное сопротивленіе. Большой споръ, загорѣвшійся въ Англіи, переносится во Францію и Германію. Изслѣдовать основы и научное значеніе этого спора составляетъ задачу нашего труда. Но подобно тому, какъ для пониманія рѣшительной битвы необходимо хорошо познакомиться съ предшествующими дѣйствіями обѣихъ сторонъ, такъ и въ данномъ случаѣ необходимо сначала заняться изслѣдованіемъ вопроса: какое же мѣсто занимало ученіе Юма объ ассоціаціи сходства въ наукѣ начала XIX вѣка?

Такъ какъ въ исторіи психологіи XIX вѣка вообще и въ выясненіи вопроса объ ассоціаціи сходства, въ частности, особенно важное значеніе имѣли труды англійскихъ и нѣмецкихъ психологовъ, то, отвѣчая на данный вопросъ, мы можемъ ограничиться обзоромъ тѣхъ главнѣйшихъ фактовъ, которыми характеризуется отношеніе къ теоріи Юма въ нѣмецкой и англійской литературѣ указаннаго періода.

Изложенное выше ученіе Юма объ ассоціаціяхъ встрѣтило, вообще говоря, много возраженій, кото-

рыя направлялись отчасти противъ того универсальнаго значенія, какое Юмъ приписывалъ ассоціаціонной дѣятельности, отчасти противъ пониманія закона ассоціаціи, какъ первоначальнаго (а не производнаго) закона воспроизведенія, отчасти же противъ предложенной Юмомъ классификаціи ассоціацій.

Къ основной задачѣ нашего изслѣдованія непосредственно относятся только возраженія послѣдняго рода. Поэтому, остановившись подробнѣе только на нихъ, мы коснемся другихъ возраженій лишь вкратцѣ.

Юмъ придавалъ ассоціаціонной дѣятельности очень широкое значеніе, подводя подъ ея формы даже идею причинности. Такое пониманіе не соотвѣтствовало ни взглядомъ Локка, о которыхъ нами уже упоминалось, ни традиціямъ нѣмецкой психологіи, установленнымъ Лейбницемъ, который въ ассоціаціонномъ теченіи представленій видѣлъ сущность низшей интеллигенціи. Съ этими крѣпкими традиціями новое ученіе должно было считаться долгіе годы. Въ нѣмецкой психологіи лейбницевское пониманіе закона ассоціаціи еще находитъ себѣ отзвуки даже въ трудахъ такого оригинальнаго писателя, какимъ былъ Тетенсъ: въ первой части своего сочиненія «Philosophische Versuche über die menschliche Natur und ihre Entwickelung» (1777 г.) онъ опредѣляетъ законъ ассоціаціи, какъ законъ фантазіи при воспроизведеніи представленій, отказываясь видѣть обнаруженіе этого закона въ явленіяхъ связыванія идей въ новый рядъ [1]). Однако, на ряду съ этимъ, въ нѣмецкой литературѣ конца XVIII вѣка обнаруживается ясное пониманіе того,

---

[1]) Tetens, «Philosophische Versuch», I, 117, 751. (Цит. Dessoir, Geschichte der neueren deutschen Psychologie» II Aufl. Berlin. 1902).

БИБЛІОТЕКА КОММ. СТ. ШКОЛЫ АКАДЕМІИ.

что, несмотря на существованіе извѣстныхъ характерныхъ различій между тѣми душевными комплексами, части которыхъ соединены ассоціаціей смежности или сходства, и тѣми цѣлостными представленіями, элементы которыхъ соединены другъ съ другомъ логическимъ отношеніемъ, законъ ассоціаціи распространяется на всѣ наши понятія. Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляетъ, напримѣръ, слѣдующее мѣсто изъ сочиненія Гиссмана: «Geschichte der Lehre von der Assoziation der Ideen» (1777 г.): «Всѣ наши сложныя понятія суть ассоціированныя представленія. Но характерный признакъ сложныхъ понятій состоитъ въ объединеніи ассоціацій въ единое цѣлое» [1]). Для дальнѣйшаго разъясненія отношенія «законовъ ассоціацій» къ проявленіямъ «дѣятельности разума» требовалось, съ одной стороны, съ большей детальностью, чѣмъ у Юма, обосновать широкое опредѣленіе понятія ассоціаціи, а съ другой—положить начало болѣе подробному психологическому анализу тѣхъ явленій апперцепціоннаго характера, въ которыхъ издавна привыкли видѣть что-то діаметрально противоположное ассоціаціонной дѣятельности. Разрѣшенію первой задачи были посвящены труды Джемса Милля, а второй—Гербарта.

Что касается вопроса о значеніи законовъ ассоціаціи, какъ первоначальныхъ принциповъ объясненія явленій воспроизведенія представленій, то еще Гертли старался объяснять ассоціаціонныя явленія просто какъ дѣйствія нервныхъ возбужденій, передаваемыхъ отъ одной частицы мозга къ другой [2]). Въ связи съ воззрѣніями Гертли находится и взглядъ

---

[1]) Hissmann, «Gesch. d. L. v. d. Assoz.», S. 136—137. (Dessoir, 392).
[2]) Hartley, «Observations on Man.». London. 1749.

Ирвинга, сводившаго законы ассоціаціи на законъ содѣятельности нервовъ (Mitwirksamkeit der Nerven) [1]). По мнѣнію Ирвинга, существуетъ три рода ассоціацій идей, потому что есть три главныхъ рода содѣятельности нервовъ. Впечатлѣнія отъ предметовъ, существующихъ заразъ, слѣдующихъ другъ за другомъ и сходныхъ, объединяются между собою. «Удивительная связь, все болѣе и болѣе пробуждающаяся въ тонкомъ нервномъ организмѣ нашего мозга, ведетъ къ тому, что, какъ только нѣкоторые нервы приходятъ въ дѣятельное состояніе, снова возбуждаются къ дѣятельности не только тѣ нервы, которые прежде дѣйствовали вмѣстѣ съ ними, но и тѣ, которые дѣйствовали прежде или послѣ нихъ» [2]).

Подобнаго рода стремленіе свести всѣ законы ассоціаціи идей на что-нибудь болѣе первоначальное замѣчалось не только у писателей съ матеріалистическими тенденціями (какимъ былъ Гертли) или съ явно выраженнымъ предпочтеніемъ чисто-физіологическому толкованію душевной жизни (какимъ былъ Ирвингъ, старавшійся, по его собственному выраженію, забыть все, чему только его научила о душѣ и ея природѣ трансцендентальная наука). Первоначальность закона ассоціаціи отрицалъ и остроумный противникъ матеріализма Герцъ [3]), и Маасъ [4]), который, исходя изъ положеній Канта и Вольфа, во многихъ отношеніяхъ явился предшественникомъ Гербарта. Въ основѣ всѣхъ ассоціацій, по мнѣнію Герца, лежитъ порождаемая каждымъ обнаруженіемъ силы въ душѣ готовность (Fertigkeit)

---

[1]) K. F. Irwing, «Erfahrungen und Untersuchungen über den Menschen». Berlin. 1772. Цит. Dessoir, «Gesch. d. neueren deutsch. Psych.», 395.

[2]) Ibidem, I, 417 (Dessoir, 395).

[3]) Herz, «Versuch über den Schwindel», 1791.

[4]) Maass, «Versuch über die Einbildungskraft», 1792.

повторно проявить ту же самую дѣятельность съ меньшимъ напряженіемъ и, слѣдовательно, въ меньшій промежутокъ времени [1]). Въ ученіи Мааса невозможность выводить законъ пробужденія представленій изъ закона ассоціаціи доказывается при помощи анализа понятія сознанія. «Сознаніе, — говоритъ Маасъ, — всегда отлично отъ представленія *a*, которое мы сознаемъ. Если бы оно было тожественно съ нимъ, то *a* никогда не могло бы быть неяснымъ представленіемъ... Тогда было бы невозможно сравнивать одно представленіе съ другимъ или различать ихъ. Въ душѣ каждое представленіе существовало бы совершенно изолированнымъ, если бы только сознаніе не являлось чѣмъ-то третьимъ, отличнымъ отъ отдѣльныхъ представленій, благодаря чему они могли бы быть сопоставлены (wodurch sie zusammengefasst könnten). Поэтому-то сознанія нельзя считать какимъ бы то ни было видоизмѣненіемъ сознаваемаго нами представленія *a*» [2]). А изъ этого слѣдуетъ, что основанія ассоціированія представленій другъ съ другомъ не являются въ то же время основаніями ихъ воспроизведенія, т.-е., что законъ ассоціаціи представленій нельзя разсматривать, какъ непроизводный законъ, объясняющій воспроизведеніе идей. Это послѣднее явленіе объясняется Маасомъ при помощи слѣдующей гипотезы: «Если движеніе мозга, порожденное ощущеніемъ, впослѣдствіи снова возникаетъ при отсутствіи внѣшняго предмета, то

---

[1]) Herz, ibidem, 124. Цит. Dessoir, «Gesch. d. n. d. Psych.», 237. Близкій къ этому взглядъ высказывалъ въ половинѣ XVIII в. и Ch. Bonnet въ сочиненіи «Essai analytique sur l'âme« (1760): «la souplesse ou la mobilité des fibres augmente par le retour des mêmes ébranlements». Общія основы такого воззрѣнія были намѣчены уже Декартомъ («Des passions en général et par occasion de toute la nature de l'homme», I, art. 21—42), а въ болѣе неопредѣленной схемѣ—даже Аристотелемъ (περὶ μνήμης, II).

[2]) Maass, ibidem, 69. Цит. Dessoir, 239.

*

мы также снова получаемъ то же самое представленіе. Возможность этого объясняется тѣмъ, что мозговое волокно, благодаря ощущенію, получаетъ наклонность къ испытанному имъ движенію. Кромѣ того, между волокнами мозга существуетъ такая связь, что движенія, возникающія въ одно и то же время, возобновляются одно вслѣдъ за другимъ, или взаимно вызываютъ другъ друга» [1]).

Итакъ, мы видимъ, что къ началу XIX вѣка въ психологіи ясно ставится вопросъ о томъ, чѣмъ обусловливается существованіе самого закона ассоціаціи представленій, причемъ на первый планъ выдвигаются стремленія получить объясненіе на почвѣ физіологическихъ гипотезъ. Дальнѣйшаго развитія этой проблемы естественно было ожидать отъ представителей новѣйшей физіологической психологіи. Дѣйствительно, труды Вундта и его школы, какъ мы увидимъ, дали намъ новые факты для пониманія этого вопроса.

Теперь разсмотримъ вопросъ о томъ, какое отношеніе господствовало въ литературѣ конца XVIII и начала XIX в. къ предложенному Юмомъ раздѣленію ассоціацій на три вида--сходства, смежности и причинности.

Выше нами были отмѣчены возраженія, которыя естественно должны были возникнуть противъ указаннаго Юмомъ особаго вида «ассоціаціи причинности», существующей на ряду со смежностью и сходствомъ. И дѣйствительно въ этомъ отношеніи Юмъ не имѣлъ ни одного серьезнаго послѣдователя. Точно также и предложенное Юмомъ истолкованіе ассоціаціи контраста, какъ соединенія ассоціацій сходства и причинности, не имѣло успѣха, и еще

[1]) Maass, ibidem, 67. Цит. Dessoir, «Gesch. d. n. d. Psych.», 396.

Герцъ доказывалъ, что въ данномъ случаѣ Юмомъ смѣшивается психологическая точка зрѣнія съ логической. По мнѣнію Герца, если бы Юмъ въ данномъ случаѣ былъ правъ, то воспроизведеніе одного противоположнаго представленія другимъ должно было бы легко совершаться въ обоихъ направленіяхъ (такъ какъ объекты каждаго изъ этихъ представленій уничтожаютъ существованіе другъ друга). Между тѣмъ, психологическое наблюденіе этого не подтверждаетъ, и хотя дѣйствительно нельзя мыслить *non-a*, не имѣя въ то же время представленія о существованіи *a*, но возможно мыслить *a*, не связывая съ нимъ представленія о его несуществованіи [1]).

Отрицая подобнаго рода соображеніями существованіе причинности и контраста, какъ самостоятельныхъ видовъ ассоціаціи представленій, психологи должны были пытаться уяснить взаимное отношеніе и значеніе въ умственной жизни двухъ остальныхъ видовъ ассоціацій, указанныхъ Юмомъ,—сходства и смежности. Въ какомъ же направленіи могло пойти это уясненіе?

Въ нѣмецкой психологіи второй половины XVIII вѣка замѣчалось сильное вліяніе взглядовъ Вольфа, который, примыкая въ данномъ случаѣ къ Малебраншу [2]), считалъ главнымъ закономъ дѣятельности воображенія воспроизведеніе цѣлаго по части, т.-е. то, что, слѣдуя современной терминологіи, придется назвать ассоціаціей смежности въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ «Эмпирической психологіи» Вольфа этотъ главный законъ воображенія формулируется

---

[1]) Herz, «Versuch über den Schwindel», 1791, 73. Цит. Dessoir, «Gesch. d. n. d. Psych.», 397.

[2]) N. Malebranche, «De la recherche de la verité». 1712. Ср. Dessoir, «Gesch. d. n. d. Psych.», 64—80, и Volkmann, «Lehrbuch der Psychologie von Standpunkte des Realismus». 1884. I B, 441—446.

такъ: «Perceptio praeterita integra recurrit cujus praesens continet partem» [1]), т.-е. прежнее цѣлое воспріятіе воспроизводится, если наличное состояніе сознанія заключаетъ въ себѣ его часть.

Эта формула, основанная болѣе на соображеніяхъ общефилософскаго характера [2]), чѣмъ на тщательномъ психологическомъ анализѣ, неоднократно повторялась послѣдующими нѣмецкими психологами. Иногда ей слѣдовали совершенно рабски и, признавъ общимъ закономъ воспроизведенія (das allgemeine Gesetz der reproducirenden Kraft) сосуществованіе или слѣдованіе представленій (Coexistenz oder Folge der Vorstellungen), въ силу котораго «при возобновленіи одного частичнаго представленія вызываются другія частичныя представленія, связанныя съ нимъ, и такимъ образомъ вызывается представленіе цѣлаго», затѣмъ начинали перечислять спеціальные законы или особые виды отношеній, по которымъ обыкновенно ассоціируются представленія. Описывая эти «спеціальные законы», указывали на то, что вызываютъ другъ друга представленія сходныя, контрастирующія, связанныя другъ съ другомъ пространствомъ и временемъ, представленія части и цѣлаго, вещи и ея свойствъ, причины и дѣйствія. При этомъ не тратилось труда на подробное уясненіе того, какимъ образомъ возможно каждый изъ этихъ «спеціальныхъ законовъ» понять какъ частный видъ «общаго закона» сосуществованія. Хорошимъ примѣромъ подобнаго рода схоластическаго схематезированія ассоціацій, при отсутствіи какихъ бы то ни было

---

[1]) Wolfii, «Psychologia empirica methodo scientifica perfecta», 1732, § 104; ср. также §§ 105 и 117, editio nova, 1738.

[2]) Въ «Эмпирической психологіи» Вольфъ самъ указываетъ на то, что обоснованіе выставленнаго имъ закона воображенія (lex imaginationis) требуетъ обращенія къ онтологіи («Psychologia empirica», § 117).

признаковъ истиннаго психологическаго анализа, можетъ служить разсужденіе о памяти Юбервассера [1]). Въ другихъ сочиненіяхъ формула Вольфа нѣсколько варіируется, не измѣняясь по существу и не оживляясь новыми пріемами эмпирическаго анализа. Такъ, напримѣръ, Тидеманъ указывалъ три главныхъ закона ассоціаціи, по которымъ: 1) часть сложной идеи возобновляетъ цѣлое и, слѣдовательно, какая-нибудь часть однажды составленнаго ряда идей возобновляетъ остальное, 2) часть представленій, образующихъ послѣдовательный рядъ, возобновляетъ остальные члены этого ряда въ обоихъ направленіяхъ и 3) одна изъ одновременныхъ мыслей возобновляетъ всѣ остальныя [2]).

Впрочемъ, въ нѣмецкой литературѣ XVIII в. встрѣчается одно сочиненіе, авторъ котораго, идя въ своемъ ученіи объ ассоціаціяхъ по общему направленію, указанному Вольфомъ, дѣлаетъ попытку психологически разобрать отношеніе сходства къ смежности, доказавъ несамостоятельность перваго изъ этихъ принциповъ. Это—сочиненіе Мааса о воображеніи [3]).

«Сходныя представленія, — говоритъ Маасъ, — могутъ ассоціироваться лишь постольку, поскольку они или составляющія ихъ свойства принадлежатъ къ одному и тому же цѣлому представленію; и это безъ исключенія во всѣхъ случаяхъ. Два представленія *A* и *B* постольку сходны между собою, поскольку они оба содержатъ въ себѣ свойство *b*. Если, слѣдовательно, *B*, которому присущи свойства *b d e*,

---

[1]) Ferdinand Ueberwasser, «Anweisungen zum regelmässigen Studium der empirischen Psychologie für die Candidaten der Philosophie zu Münster», 1794, §§ 123—140.

[2]) Dessoir, «Geschichte der neueren deutschen Psychologie», 394.

[3]) Maass, «Versuch über die Einbildungskraft», 1792.

ассоціировано съ *A*, которое содержитъ признаки *b a c*, то въ этомъ случаѣ *a c* ассоціируется съ *b* и, слѣдовательно, все это, взятое вмѣстѣ, составляетъ части одного цѣльнаго представленія... Сходство двухъ представленій само по себѣ не могло дать основанія для ихъ ассоціаціи, такъ какъ сходство есть объективное отношеніе, существующее между ними, изъ котораго нисколько еще не слѣдуетъ ихъ субъективная зависимость въ нашемъ умѣ» [1]).

Конечно, въ этомъ анализѣ ассоціаціи сходства много несовершеннаго. Въ немъ больше намековъ, чѣмъ доказательствъ, и его неясность впослѣдствіи послужила благодарной почвой для критики Гамильтона, о которой рѣчь будетъ еще впереди. Тѣмъ не менѣе, разбирая послѣдующую исторію вопроса объ ассоціаціи сходства, нельзя все-таки не признать даннаго разсужденія Мааса очень замѣчательнымъ для своего времени. Въ немъ, прежде всего, указывается на необходимость помнить при всякомъ разсужденіи объ основахъ ассоціаціи сходства, что въ этомъ вопросѣ ни на одну минуту нельзя покидать почвы чисто психологическаго анализа и подмѣнять «субъективную зависимость въ нашемъ умѣ» объективнымъ отношеніемъ, существующимъ помимо состоянія нашего сознанія. Это требованіе могло имѣть особенное значеніе для тѣхъ любителей пріемовъ раціоналистической психологіи, которые, сознательно или безсознательно подчиняясь положенію Спинозы «ordo et connexio idearum idem est, ac ordo et connexio causarum» [2]), готовы были на основаніи логическаго анализа отношеній объективнаго рода выводить законы психической

---

[1]) Ibidem, § 20. Цит. Thomas Reid, Vol. II, Seventh ed., § II, X.

[2]) Spinoza, «Ethica», p. II, prop. XIX, demonstratio.

жизни. И вотъ, отрицая законность подобнаго рода объективно-логической точки зрѣнія на ассоціацію сходства, Маасъ указываетъ, что съ субъективной точки зрѣнія въ двухъ сходныхъ представленіяхъ (*A* и *B*) всегда присутствуетъ одинъ и тотъ же признакъ (*b*), который только въ одномъ случаѣ соединенъ съ одними частичными представленіями (*d e*), а въ другомъ—съ другими (*a c*). Иначе говоря, по мнѣнію Мааса, всякое сходство слѣдуетъ понимать, какъ частичное тожество, и, съ этой точки зрѣнія, смѣна представленія *A* сходнымъ съ нимъ представленіемъ *B* будетъ, дѣйствительно, единымъ, непрерывнымъ процессомъ, въ которомъ, выражаясь словами Мааса, *A* и *B*, взятыя вмѣстѣ, составляютъ части одного цѣльнаго представленія. Въ этомъ процессѣ не будетъ такого момента, который можно было бы назвать пустымъ промежуткомъ между исчезнувшимъ *A* и еще не появившимся *B*, потому что часть *A*, сходная съ *B*, т.-е. *b*, въ то же самое время есть и часть самого *B*. Иначе говоря, процессъ ассоціированія по сходству слѣдуетъ представлять не въ видѣ формулы:

$$A\ (=b+a+c)+B\ (=b+d+e),$$

но въ видѣ формулы:

$$\underbrace{c+a+\overbrace{b}^{=A}}_{=B}+d+e$$

Соображенія Мааса объ основахъ ассоціаціи сходства не остались незамѣченными въ нѣмецкой литературѣ. Такъ, Гоффбауеръ, выставивъ въ качествѣ общаго закона воспроизведенія вольфовское положеніе «если одно представленіе можетъ вызывать другое, то они оба должны быть связаны представленіемъ цѣлаго (müssen beide durch eine Totalvorstel-

lung geknüpft sein), и, разумѣя подъ «представленіемъ цѣлаго» (Totalvorstellung) все содержаніе сознанія въ опредѣленный моментъ времени [1]), дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе объ ассоціаціи по сходству: «Мы называемъ вещи сходными, когда онѣ обладаютъ извѣстными общими свойствами. Свойство, найденное въ одной изъ нихъ, должно быть, слѣдовательно, найдено и въ другой. Въ представленіи предмета *A*, который сходенъ съ другимъ предметомъ *B*, заключается представленіе общаго свойства, которое содержится въ *B*, равно какъ и въ общемъ для нихъ представленіи». Зависимость этого разсужденія отъ Мааса очевидна. Такую же тѣсную зависимость отъ воззрѣній Мааса можно прослѣдить и въ «Эмпирической психологіи» Біунде [2]).

Сведеніе всѣхъ видовъ ассоціаціи къ смежности являлось также опредѣленной тенденціей у Гертли [3]) и его школы. Но тамъ оно являлось слѣдствіемъ извѣстныхъ метафизическихъ предположеній, а не результатомъ строгаго психологическаго анализа.

Впрочемъ, среди психологовъ характеризуемаго нами періода были и такіе, которые не желали признавать сведенія ассоціаціи сходства на смежность. Къ числу такихъ психологовъ относятся, напримѣръ, Тетенсъ («Philosophische Versuch», 1777), Платтнеръ («Neue Anthropologie», 1790), Якобъ («Grundriss der empirischen Psychologie», 1814) и Шульце («Psychische Anthropologie», 1819) [4]). Признавая ассоціацію сход-

[1]) J. Chr. Hoffbauer, «Naturlehre der Seele in Briefen», 1796, 23. Цит. Dessoir («Gesch. d. n. d. Psych.», 394) и Hamilton (Reid, Seventh ed., II, X).

[2]) Biunde, «Versuch einer systematischen Behandlung der empirischen Psychologie». 1831. Цит. Volkmann, «Lehrbuch der Psychologie», 1894, I, 452 сл.

[3]) Hartley, «Observations on man», 1749.

[4]) См. Volkmann, «Lehrbuch der Psychologie», 1884, I B, 441 сл.; 1894, I B, 452 сл.

ства несводимой на ассоціацію смежности, они или видѣли въ установкѣ одной общей формы (въ родѣ вольфовской) для всѣхъ видовъ ассоціацій только проявленіе безплоднаго схематизма [1]), или считали принципы сходства и смежности ограничивающими другъ друга и пригодными для объясненія различныхъ сторонъ процесса воспроизведенія [2]), или, безъ дальнихъ объясненій, слѣдовали традиціи, установленной Аристотелемъ и Юмомъ.

Для того, чтобы еще полнѣе представить себѣ неопредѣленное положеніе, въ которомъ къ началу XIX вѣка находился вопросъ объ ассоціаціи сходства, надо имѣть въ виду, что нѣкоторые психологи, разсуждая объ ассоціаціяхъ, готовы были допускать физіологическую точку зрѣнія для объясненія не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ случаевъ ассоціаціи, причемъ проявленіе «закона физической связи нашихъ внутреннихъ органовъ» отличали отъ проявленій какъ «закона сходства», такъ и «закона сосуществованія» (Гиссманъ, Якобъ). Если же къ этому прибавить еще то рѣзкое противоположеніе, которое существовало у многихъ нѣмецкихъ психо-

---

[1]) Упомянувъ объ единой формулѣ, подъ которую подводятся, какъ виды, сходныя, одновременныя и послѣдовательныя представленія, Якобъ замѣчаетъ: «но такой законъ не есть законъ основной (Urgesetz), изъ котораго возможно выводить другіе законы, потому что производный законъ долженъ заключаться въ основномъ, виды же никогда не заключаются въ родѣ, а лишь подчиняются ему, и поэтому ихъ никогда нельзя выводить изъ него (die Arten sind aber nie in der Gattung, sondern nur unter ihr enthalten, und lassen sich daher nie von jener ableiten). L. H. Jakob, «Grundriss der Erfahrungsseelenlehre», 1880, 168. Цит. Dessoir, «Gesch. d. n. d. Psych.», 246.

[2]) «Какая нибудь вещь,—говоритъ Шульце,—можетъ имѣть сходство съ безчисленнымъ количествомъ другихъ вещей. Но законъ сходства не дѣлаетъ понятнымъ, почему воображеніе, дѣйствуя по этому закону, въ данномъ случаѣ не вызываетъ вмѣсто одного представленія другого, также сходнаго съ предшествующимъ. И опытъ не свидѣтельствуетъ, чтобы самыя сходныя представленія всегда слѣдовали другъ за другомъ». G. E. Schulze, «Psychische Anthropologie», Göttingen, 1819, § 113.

логовъ XVIII вѣка въ опредѣленіяхъ ассоціаціонныхъ и логическихъ процессовъ [1]), то намъ станетъ яснымъ, какъ много затрудненій должно было возникнуть передъ тѣмъ, кто, при подобнаго рода условіяхъ, пожелалъ бы подвергнуть подробному психологическому анализу проблему припоминанія по сходству.

---

[1]) Здѣсь кстати будетъ привести слѣдующее мѣсто изъ сочиненія Я к о б а: «Первоначально ясные образы затемняются и пробуждаются снова по слѣдующимъ законамъ: 1) посредствомъ извѣстныхъ измѣненій въ органахъ, которыхъ нельзя точно опредѣлить, 2) посредствомъ представленій, связанныхъ съ ними: a) законами ассоціаціи—сходства, одновременности и слѣдованія, b) логической связью. L. J a k o b, «Grundriss der empirischen Psychologie zum Gebrauch für Schulen», Leipzig, 1814, § 95.

IV.

Гербартъ.

Обращаясь къ исторіи нѣмецкой психологіи первой половины XIX вѣка, мы находимъ въ ней два основныхъ направленія, изъ которыхъ одно отличается преимущественно идеалистическимъ, спекулятивнымъ характеромъ, а другое — реальнымъ, эмпирическимъ. Для послѣдующей исторіи изучаемаго нами вопроса объ ассоціаціи сходства представители послѣдняго направленія несомнѣнно имѣли больше значенія, а изъ нихъ ни одинъ ученый не оказалъ на нѣмецкую психологію такого сильнаго вліянія, какъ Гербартъ, ученіе котораго о памяти, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, еще до сихъ поръ находитъ отзвуки въ трудахъ нѣмецкихъ психологовъ. Поэтому намъ необходимо теперь отдать себѣ подробный отчетъ о томъ положеніи, какое занимало въ психологической теоріи Гербарта ученіе объ ассоціаціи сходства.

По ученію Гербарта, вся душевная жизнь слагается изъ массы отдѣльныхъ представленій. Каждое изъ этихъ представленій, взятое само по себѣ, является извѣстной напряженной единицей. Будучи разъ образовано, ни одно представленіе не можетъ окончательно исчезнуть: если мы перестаемъ его сознавать, это значитъ, что оно только «погрузилось ниже порога сознанія» и продолжаетъ существовать

за этимъ порогомъ, какъ «стремленіе къ представливанію». При этомъ если предполагается, что извѣстное представленіе не оказываетъ никакого вліянія на данное состояніе сознанія, то Гербартъ называетъ его погрузившимся ниже статическаго порога сознанія; если же несознаваемое нами представленіе все-таки разсматривается, какъ скрытая причина даннаго душевнаго явленія, то оно получаетъ названіе погрузившагося ниже механическаго порога сознанія [1]). Такъ какъ всякое исчезнувшее изъ сознанія представленіе стремится къ дѣйствительному представливанію, то проясненіе затмившихся представленій, или, говоря иначе, припоминаніе забытаго, дѣлается понятнымъ само собою. Что же касается исчезновенія представленій изъ сознанія, или хотя бы нѣкотораго затменія ихъ, то причины этихъ явленій, по Гербарту, прежде всего надо искать въ самихъ же представленіяхъ, которыя, вслѣдствіе взаимной противоположности, вытѣсняютъ другъ друга. Вытѣсняя же изъ сознанія противоположныя себѣ представленія, они этимъ самымъ помогаютъ вернуться въ сознаніе тѣмъ изъ однородныхъ себѣ представленій, которыя до сихъ поръ были задержаны этими. Такимъ образомъ, представленія разсматриваются Гербартомъ какъ взаимодѣйствующія силы, и вся душевная жизнь въ его ученіи принимаетъ механическій характеръ движенія представленій.

Для того, чтобы уяснить, какое мѣсто въ этой «механикѣ духа» занимаетъ явленіе, извѣстное подъ именемъ воспроизведенія по ассоціаціи сходства, намъ необходимо ближе остановиться на выставленномъ у Гербарта понятіи представленія, какъ силы.

---

[1]) J. F. Herbart, «Psychologie als Wissenschaft, neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik», 1824, § 47; «Lehrbuch zur Psychologie», 1834, § 19.

«Представленія,—говоритъ Гербартъ,—становятся силами, сопротивляясь другъ другу... Сами же по себѣ, представленія не—силы» [1]). «Каждое отдѣльное представленіе,—говорится въ другомъ сочиненіи Гербарта,—прежде всего и по себѣ существуетъ только благодаря своему объекту, благодаря тому, что представляется... Въ немъ совсѣмъ нѣтъ никакой дѣятельности, которая была бы направлена на что-нибудь чуждое и, такъ сказать, внѣшнее, потому что, по самому понятію представленія, оно состоитъ только въ порожденіи и удерживаніи представляемаго имъ образа; этимъ оно исчерпывается и, кромѣ этого, въ немъ ничего нельзя найти. Встрѣчаясь въ одномъ и томъ же субъектѣ съ другимъ, противоположнымъ себѣ, представленіемъ, оно впервые приходитъ въ дѣятельность, чрезъ которую выступаетъ изъ самого себя. Оно стѣсняетъ другое, потому что стѣсняется другимъ; а оба они стѣсняютъ другъ друга въ силу возникшей между ними противоположности» [2]).

Итакъ, вступивъ въ сознаніе, представленія, вслѣдствіе взаимной противоположности, становятся силами и начинаютъ оттѣснять другъ друга за порогъ сознанія, такъ что въ каждый данный моментъ многія существующія въ нашей душѣ представленія совершенно нами не сознаются, а другія сознаются только отчасти. Эти незадержанныя части отдѣльныхъ представленій вступаютъ между собою въ связь, образуя единое состояніе сознанія, при чемъ противоположныя представленія «сливаются», а непротивоположныя «соединяются». Главнымъ различіемъ между сліяніями и соединеніями представленій яв-

---

[1]) Lehrbuch zur Psychologie, § 10.
[2]) Psychologie als Wissenschaft, § 39.

ляется, по Гербарту, то, что въ первомъ случаѣ представленія взаимно задерживаются другъ другомъ, отчего сліяніе никогда не можетъ быть полнымъ, при соединеніяхъ же задержка представленій является дѣломъ случайнымъ, отчего возможно говорить о полныхъ соединеніяхъ [1]).

Противоположными представленіями Гербартъ называетъ представленія, принадлежащія къ одной группѣ ощущеній [2]). «Внутреннее воспріятіе,—говоритъ онъ,—учитъ, что наши простѣйшія чувственныя ощущенія образуютъ различные ряды, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ безчисленное множество представленій, стоящихъ другъ къ другу во всѣхъ возможныхъ степеняхъ противоположности. Различные цвѣта вытѣсняютъ другъ друга изъ сознанія; не менѣе подлежатъ этому звуки, запахи, вкусовыя и осязательныя ощущенія» [3]).

Выясняя взаимное отношеніе представленій, Гербартъ пользуется, какъ принципомъ, понятіемъ нашего *я*, которое является общимъ спутникомъ всѣхъ душевныхъ состояній [4]). Его длинныя разсужденія по этому вопросу [5]), въ главномъ, сводятся къ слѣдующему.

Наше *я* обыкновенно считается чѣмъ-то такимъ, что не только само себя познаетъ, но и возвышается надъ всѣми временными представленіями. Различныя частныя представленія, дающія нашему *я* индивидуальную окраску, обыкновенно разсматриваютея какъ нѣчто для него совершенно случайное. Но если бы мы захотѣли выкинуть изъ понятія *я* всѣ индиви-

---

[1]) Psychologie als Wissenschaft, § 57.
[2]) Lehrbuch der Psychologie, § 10; «Psychologie als Wissenschaft», § 57.
[3]) Psychologie als Wissenschaft, § 29.
[4]) Psychologie als Wissenschaft, § 13.
[5]) Psychologie als Wissenschaft, §§ 24—39.

дуальныя опредѣленія, то у насъ получилось бы представленіе чистаго *я*, которое мы могли бы опредѣлить какъ тожество субъекта и объекта. Такое опредѣленіе заключало бы въ себѣ много противорѣчій и потому являлось бы немыслимымъ [1]). Съ другой стороны, немыслимо считать *я* и аггрегатомъ тѣхъ представленій, которыми опредѣляется моя индивидуальность [2]). Такимъ образомъ, для правильнаго опредѣленія общаго понятія *я* надо вскрыть его отношенія къ частнымъ представленіямъ, дающимъ ему индивидуальную окраску [3]). А эти отношенія сводятся къ тому, что хотя въ каждый отдѣльный моментъ времени мое *я* характеризуется извѣстными индивидуальными признаками, однако ни одинъ изъ этихъ признаковъ, взятый самъ по себѣ, не можетъ считаться чѣмъ-нибудь неотъемлемымъ отъ этого *я*, такъ какъ въ послѣдующіе моменты онъ можетъ быть замѣненъ какимъ-нибудь другимъ, настолько же случайнымъ, признакомъ [4]). Словомъ, понятіе нашего *я*, хотя и не стоитъ въ необходимой связи съ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ представленіемъ, однако оно необходимо связано съ отдѣльными представленіями вообще. Но такъ какъ ни одно изъ отдѣльныхъ представленій, взятое само по себѣ, не даетъ представленія *я*, то, по мнѣнію Гербарта, «само представляемое въ своемъ многообразіи должно обладать свойствомъ сбрасывать оковы, въ которыя былъ бы заключенъ субъектъ, могущій познавать одни только предметы и никогда—себя» [5]). Иначе говоря: для произведенія понятія *я*, находящіяся въ нашемъ

---

[1]) Psychologie als Wissenschaft, § 27.
[2]) ibidem, § 25.
[3]) ibidem, § 26.
[4]) ibidem, § 28.
[5]) ibidem, § 29.

сознаніи представленія должны вступить между собою въ такія отношенія, чтобы мы были «перенесены изъ представливанія» того, что дано въ каждомъ представленіи, взятомъ отдѣльно [1]). А для этого отдѣльныя представленія, изъ которыхъ возникаетъ *я*, должны потерпѣть какое-то измѣненіе. Но если бы это измѣненіе сводилось къ замѣнѣ одного объективнаго представленія другимъ, то въ результатѣ мы все-таки не перешли бы отъ *не я* къ *я*. Съ другой стороны, этого измѣненія нельзя понимать и какъ всецѣлаго перехода того, что представляется нами какъ *не я*, въ представленіе *я*, потому что, даже независимо отъ вопроса о возможности такого перехода, понятіе чистаго *я* полно противорѣчій. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ измѣненіе представленій не можетъ касаться ихъ качества и, слѣдовательно, оно можетъ относиться только къ количественной сторонѣ представленій. «Однако и здѣсь,— говоритъ Гербартъ, — надо остерегаться недоразумѣнія, будто можетъ быть излишекъ въ числѣ или степени представливанія, такъ какъ не можетъ быть никакого излишка въ томъ, что мы приняли какъ прямое условіе *я*. Слѣдовательно, и количество представливанія въ извѣстномъ смыслѣ должно оставаться тѣмъ же самымъ. Но въ другомъ смыслѣ оно должно уменьшаться» [2]). Эти соображенія заставляютъ Гербарта разсматривать количественную сторону представленій съ двоякой точки зрѣнія: во-первыхъ, съ точки зрѣнія представляемаго и, во-вторыхъ, съ точки зрѣнія представливанія. Благодаря такому разграниченію, Гербартъ находитъ возможнымъ утверждать, что для порожденія *я* должно измѣняться количе-

---

[1]) ibidem, § 29.
[2]) ibidem, § 36.

ство представляемаго, но не представливанія. Говоря словами Гербарта, «дѣятельность субъекта въ представливаніи должна пребывать неуменьшаемой, но ея эффектъ, представляемый образъ, долженъ ослабѣвать или совсѣмъ уничтожаться, и въ этомъ должно проявлять свое бытіе то, что является результатомъ дѣйствія нѣсколькихъ взаимно противоположныхъ представленій» [1]). Это представливаніе безъ представляемаго, или эта дѣятельность безъ дѣйствія, называется у Гербарта «стремленіемъ къ представливанію», отчего, въ концѣ концовъ, получается, что «если противоположныя представленія объединены въ одномъ и томъ же субъектѣ, который долженъ достичь самосознанія, то представленія превращаются въ стремленіе къ представливанію» [2]).

Выяснивъ отношеніе понятія противоположности представленій къ понятію самосознанія, Гербартъ спрашиваетъ далѣе о томъ метафизическомъ основаніи, по которому всѣ наши противоположныя представленія должны другъ друга задерживать, а незадержанныя — вступать между собою въ связь, образуя одно интенсивное дѣйствіе. Такимъ основаніемъ, по его мнѣнію, является единство души, самосохраненіями которой служатъ представленія [3]).

Переходя къ ученію Гербарта объ ассоціаціяхъ, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что ассоціація представленій понимается Гербартомъ въ высшей степени широко. Если до Гербарта принято было говорить объ ассоціаціи представленій въ пространствѣ и времени, то у Гербарта само пространство и время разсматриваются какъ продуктъ ассоціаціи. Какъ же

---

[1]) ibidem.

[2]) ibidem.

[3]) Lehrbuch zur Psychologie, § 22; «Psychologie als Wissenschaft», § 57.

ближе всего опредѣлить эту ассоціацію представленій, которая составляетъ, по его ученію, основной законъ душевной жизни [1])?

Гербартъ утверждаетъ, что, вступивъ въ сознаніе, наши представленія сейчасъ же связываются между собою, образуя различнаго рода ряды, изъ которыхъ потомъ, въ свою очередь, могутъ образовываться всевозможныя сплетенія [2]). Примѣрами рядовъ могутъ служить ряды чиселъ, степеней, звуковъ, красокъ, мѣстъ и проч. При этомъ характернымъ признакомъ всякаго ряда, по Гербарту, является понятіе «между»: «число находится между числами, мѣсто въ пространствѣ—между другими мѣстами, моментъ времени — между двумя моментами, степень—между высшей и низшей степенью, тонъ—между тонами, и т. д.» [3]). Изъ этого, повидимому, слѣдуетъ заключить, что основной формой ассоціаціи представленій у Гербарта признается ассоціація смежности. Такому заключенію благопріятствуетъ его признаніе пространства единственной, вполнѣ выработанной формой ряда, при чемъ Гербартъ замѣчаетъ, что хотя эта форма «продуцируется преимущественно по поводу зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній, однако на этомъ дѣло не останавливается, и по нѣкоторымъ другимъ поводамъ является совершенно сходный съ этимъ видъ продукціи, или полной, или до извѣстной степени ограниченной, или отчетливо мыслимой, или неотчетливо, иногда съ характерными побочными опредѣленіями, которыя бываютъ причиной того, что содержащуюся здѣсь форму ряда отличаютъ отъ пространства; таковымъ

---

[1]) Psychologie als Wissenschaft, § 86 сл.; §§ 132—145; Lehrb. z. Psych., §§ 167—204.

[2]) Psychologie als Wissensch., § 100; Lehrbuch z. Psych., §§ 23, 75 и пр.

[3]) Lehrbuch zur Psychologie, § 77.

является, во-первыхъ, время, во-вторыхъ, число и, въ-третьихъ, степень или интенсивная величина» [1]).

Въ какомъ же именно отношеніи къ ассоціаціи смежности находится, по Гербарту, ассоціація сходства?

Объясняя воспроизведеніе представленій, Гербартъ нерѣдко указываетъ на связь ихъ по сходству. «Кто видитъ новый для себя предметъ,—говоритъ онъ,—у того возбуждается множество представленій, которыя понемногу воспроизводятся вслѣдствіе ихъ частичнаго сходства съ этимъ новымъ предметомъ» [2]). Употребленіе бѣдными языками многочисленныхъ метафоръ также указываетъ, по мнѣнію Гербарта, на то, что «отдаленныя сходства бываютъ достаточны для воспроизведенія прежнихъ представленій и для сліянія ихъ (вмѣстѣ съ ихъ именами) съ новыми» [3]). Эти случаи вызова однихъ представленій другими по сходству Гербартъ разсматриваетъ какъ непосредственное воспроизведеніе, въ противоположность воспроизведенію опосредствованному, необходимымъ условіемъ котораго признается наличность такого представленія, которое было бы связано съ воспроизводимымъ при помощи сліянія или соединенія [4]). Воспроизведеніе по сходству объясняется Гербартомъ такъ: «обычнымъ случаемъ непосредственнаго воспроизведенія,—говоритъ онъ,—является тотъ, когда новое представленіе дозволяетъ снова выступить прежнему представленію того же самаго или совсѣмъ сходнаго предмета; это происходитъ въ то время, какъ новое воспріятіе оттѣсняетъ все, что только ни дано въ сознаніи противо-

---

[1]) ibidem, § 75.
[2]) Lehrbuch zur Psychologie, § 183.
[3]) ibidem, § 189.
[4]) Psychologie als Wissenschaft § 86.

стоящаго прежнему однородному представленію; тогда прежнее представленіе само собою восходитъ» [1]). При этомъ Гербартъ замѣчаетъ, что хотя сходное представленіе и восходитъ изъ области несознаваемаго въ область сознаваемаго «при помощи своей собственной силы», однако оно «можетъ пользоваться этою силой только въ томъ свободномъ пространствѣ, которое дается ему «наличнымъ сходнымъ представленіемъ, вытѣсняющимъ за порогъ сознанія представленія противоположныя» [2]).

Разбирая ученіе Гербарта о воспроизведеніи представленій по сходству, прежде всего приходится отмѣтить его тѣсную связь съ цѣлымъ рядомъ гипотетическихъ положеній, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ допущеніе безсознательной душевной жизни или «представливанія» (das Vorstellen) безъ «представляемаго». Это допущеніе, гипотетичность котораго признается самимъ Гербартомъ [3]), само собою вызываетъ вопросъ: не дѣлаетъ ли въ данномъ случаѣ Гербартъ невольной уступки той теоріи душевныхъ способностей, противъ которой онъ такъ неустанно боролся? И если нѣтъ, то что же именно заключается въ понятіи «представливанія безъ представляемаго» такого, что цѣликомъ не совпадало бы съ понятіемъ «способности къ воспроизведенію» или «возможности появленія въ сознаніи» [4])?..

Но и, помимо этого, гербартовская теорія сход-

---

[1]) Lehrbuch zur Psychologie, § 26.

[2]) ibidem.

[3]) «О томъ состояніи,—говоритъ Гербартъ,—въ которомъ могли бы находиться представленія, исчезая изъ сознанія, не можетъ ничего сказать никакой опытъ, потому что мы имѣемъ опытъ лишь постольку, поскольку дѣйствительно представляемъ» («Psychologie als Wissenschaft», § 37).

[4]) Помимо своей метафизической несостоятельности («Psychologie als Wissenschaft», §§ 31—35; «Allgemeine Metaphysik» §§ 213—230), теорія душевныхъ способностей, по мнѣнію Гербарта, не можетъ быть оправдана и съ чисто психологической точки зрѣнія. Прежде, всего, принятіе душевныхъ способностей является совершенно безполез-

ства вызываетъ серьезныя недоумѣнія. Противополагая непосредственное воспроизведеніе опосредственному, Гербартъ въ то же время не даетъ такого яснаго опредѣленія сходства, которое давало бы намъ возможность понять необходимость видѣть во всякомъ припоминаніи по сходству «свободное восхожденіе представленій», въ противоположность ассоціаціи смежности. Напротивъ того, указанія Гербарта на существованіе разныхъ степеней сходства [1]), вмѣстѣ съ объясненіемъ, что всякая степень есть извѣстная форма ряда [2]), наводятъ насъ на мысль, что понятіе сходства находится въ какомъ-то тѣсномъ отношеніи съ понятіемъ смежности. Съ другой стороны, анализируя тѣ случаи, когда въ сознаніи «свободно восходятъ» не совершенно сходныя, а лишь отдаленно сходныя представленія, и стараясь ближе понять отношеніе этихъ «свободно восходящихъ» представленій къ тѣмъ, которыя пріобрѣли въ данный моментъ господство въ сознаніи, мы невольно наталкиваемся на разнаго рода «соединенія» и «сліянія», въ результатѣ которыхъ явились эти сходные образы. Но, спрашивается, что же содержится въ этихъ соединеніяхъ и сліяніяхъ, какъ не выраженіе принципа ассоціаціи смежности? Теорія «свободнаго восхожденія» представленій, для того, чтобы обезпечить себѣ прочный успѣхъ, обязана была выяснить, какое именно значеніе при воспроизведеніи

нымъ, потому что, объясняя психическія явленія душевными способностями, мы, собственно говоря, объясняемъ дѣйствительность возможностью: «я не могу,—говоритъ Гербартъ,—согласиться съ тѣми, которые думаютъ объяснить внутренніе факты, классифицируя ихъ и принимая для каждаго класса особую, соотвѣтствующую ему возможность, а затѣмъ перенося эти возможности на равное имъ число способностей, причемъ логическія подраздѣленія, употребляемыя для предварительнаго обзора феноменовъ, вопреки всякому праву, выдаются за познанія реальной множественности и реальнаго же различія». («Psychologie als Wissenschaft», Einleitung).

[1]) Lehrbuch zur Psychologie, §§ 26, 189 и пр.

[2]) ibidem, § 75.

сходныхъ представленій имѣютъ эти процессы слія-нія и соединенія. Можно ли назвать «свободнымъ восхожденіемъ за порогъ сознанія» или «непосред-ственнымъ воспроизведеніемъ» появленіе въ созна-ніи частичнаго представленія *a*, слитаго съ частич-нымъ представленіемъ *b* такимъ образомъ, что они, вмѣстѣ взятыя, даютъ цѣлое представленіе *A*, сход-ное (благодаря качеству *b*) съ представленіемъ *B*, получившимъ въ сознаніи господство? Разрѣшенія этого важнаго вопроса мы не находимъ у Гербарта. Между тѣмъ, ясно, что этотъ вопросъ — роковой для его теоріи. Какъ бы мы ни стали разрѣшать его, выставленное Гербартомъ противоположеніе ассоціа-ціи смежности (какъ опосредствованнаго воспроизве-денія) ассоціаціи по сходству (какъ непосредствен-ному воспроизведенію) начнетъ колебаться. Допу-стимъ, что *a*, слитое съ *b*, то же участвуетъ въ «сво-бодномъ восхожденіи». Тогда мы придемъ къ отри-цанію принципіальнаго различія между непосред-ственнымъ и опосредствованнымъ воспроизведеніемъ. Если же допустить, что *a* появляется въ сознаніи лишь посредствомъ *b*, т.-е. благодаря ассоціаціи смеж-ности, и что «свободно восходитъ» одно только *b* (которое, собственно говоря, и обусловливаетъ сход-ство, составляя часть представленій *A* и *B*), то намъ придется, въ концѣ концовъ, признать «свободное восхожденіе» лишь за тѣми представленіями, кото-рыя «совершенно сходны» или, проще говоря, тожественны съ тѣми, которыя господствуютъ въ нашемъ сознаніи. Но какой смыслъ можетъ имѣть утвержде-ніе, что представленіе *b*, находясь въ сознаніи, *даетъ возможность появиться* въ сознаніи тожественному съ нимъ представленію *b*? Чѣмъ будетъ отличаться это утвержденіе отъ положенія: «*b продолжаетъ пребывать* въ сознаніи»?

Эти вопросы, естественно возбуждаемые теоріей

Гербарта, требовали дальнѣйшаго анализа, который дѣйствительно и былъ произведенъ цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ ученыхъ.

Въ идеалистической нѣмецкой психологіи XIX вѣка выясненіе вопроса объ ассоціаціи сходства подвинулось очень мало въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видѣли раньше. Направляя свое вниманіе на построеніе общихъ схемъ и не имѣя любви къ осторожному разбору частныхъ фактовъ, психологи этой школы рѣдко чувствовали всю трудность строго эмпирическаго изслѣдованія и разрубали гордіевы узлы введеніемъ произвольныхъ гипотезъ и общихъ формулъ, прекрасно иногда характеризовавшихъ ихъ собственное настроеніе и то, въ какомъ упрощенномъ видѣ хотѣли бы они понять извѣстный вопросъ, но имѣвшихъ видъ прямо какой-то ироніи для тѣхъ, кто считалъ первой задачей психолога нахожденіе точнаго метода для анализа фактовъ душевной жизни. Дѣйствительно, что могла, напримѣръ, сказать такому психологу формула Гегеля, утверждавшаго, что «всѣ ассоціаціи сводятся къ подведенію единичныхъ представленій подъ то общее, которое устанавливаетъ между ними связь» (Subsumption der einzelnen Vorstellungen unter jene allgemeine, welche deren Zusammenhang ausmacht) [1])?.. Считая совершенно безполезнымъ для нашей работы останавливаться на подробномъ изложеніи мнѣній представителей старой идеалистической школы относительно ассоціаціи сходства, замѣтимъ только, что у этихъ психологовъ обнаруживались, при обсужденіи даннаго вопроса, тѣ же двѣ тенденціи, которыя намъ пришлось уже отмѣчать и раньше: это — стремленіе уничтожить

---

[1]) Hegel, «Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften», Berlin, 1845, § 156. Цит. Volkmann, «Lehrbuch der Psychologie».

принципіальную границу между ассоціаціями сходства и смежности и примѣненіе къ объясненію ассоціаціи сходства понятія безсознательныхъ процессовъ. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію Фихте, существуетъ только одинъ законъ связи представленій: «представленія, принадлежащія къ одному и тому же ряду представленій, взаимно возобновляютъ другъ друга, если воспроизводится одно изъ нихъ» [1]. Но представленія, съ точки зрѣнія Фихте, могутъ принадлежать къ одному и тому же ряду представленій по двумъ основаніямъ,—во-первыхъ, по внѣшней, эмпирически данной, случайной связи (граниченіе въ пространствѣ и времени) и, во-вторыхъ, по внутренней связи, опредѣляемой понятіями (категоріальный синтезъ) [2]. Ассоціаціи сходства и контраста Фихте сводитъ къ безсознательнымъ логическимъ актамъ дѣятельности, образующей понятія (bewusstlos bleibende logische Akte begriffbildender Thätigkeit) и открывающей общіе родовые признаки и видовыя отличія [3]. Въ сочиненіи же Ульрици «Leib und Seele» (1866) разрушается и та граница между ассоціаціями смежности и сходства, которую устанавливалъ Фихте, видя въ одномъ «zufällige Verbindung», а въ другомъ «begriffsmässig vollzogene Verbindung», такъ какъ, по Ульрици, связь, обнаруживающаяся при воспроизведеніи представленій, всегда является проявленіемъ различающей дѣятельности, т.-е. представляетъ собою «eine Kategorialfunktion» [4].

---

[1]) J. H. Fichte, «Psychologie», 1864, 437. Цит. Ed v. Hartmann, «Die moderne Psychologie», Leipzig, 1901, 129.

[2]) ibidem, 437.

[3]) ibidem, 443—444.

[4]) Ulrici, «Leib und Seele», 1866, 527—529, 531—533. Цит. Hartmann, «Die moderne Psychologie», 1901, 131—132.

V.

Джемсъ Милль и его англійскіе критики.

Крупнымъ событіемъ въ исторіи вопроса объ ассоціаціяхъ вообще и ассоціаціи сходства въ частности было появленіе (1829 г.) обширнаго труда Джемса Милля «Analysis of the Phenomena of the human Mind». Значеніе этой работы по интересующему насъ вопросу усилилось еще тѣмъ, что при послѣдующемъ изданіи этого сочиненія (1878 г.) къ нему были присоединены обширныя примѣчанія Александра Бэна.

Взглядъ Джемса Милля на ассоціацію сходства до такой степени тѣсно связанъ со всѣмъ его ученіемъ объ ассоціаціяхъ, что намъ необходимо остановиться на немъ подробнѣе.

«Наши мысли,—говоритъ Милль [1]), — слѣдуютъ одна за другою. Толчекъ къ этому процессу можетъ дать ощущеніе, которое влечетъ за собою идею ощущеній, полученныхъ раньше. Видъ лошади (ощущеніе) вызываетъ мысль о ея собственникѣ (идея), эта мысль влечетъ за собою мысль объ его профессіи и т. д. Процессъ слѣдованія идей и ощущеній непрерывенъ. По этому поводу прежде всего возникаетъ вопросъ: случайна ли эта связь мыслей или она подчиняется извѣстному порядку? Ощущенія за-

---

[1]) James Mill, «Analysis of the Phenomena of the human Mind», III.

висятъ отъ внѣшнихъ предметовъ. Установить порядокъ этого внѣшняго міра — дѣло натурфилософіи. Внѣшній міръ подчиняется двумъ формамъ— сосуществованія и слѣдованія (synchronous order and successive order). Сосуществованіе—это порядокъ вещей въ пространствѣ, слѣдованіе—распредѣленіе ихъ во времени. Въ нашей душевной жизни то же можно подмѣтить сосуществованіе и слѣдованіе ощущеній. Многія ощущенія получаются нами чаще одновременно, другія — чаще послѣдовательно. Напримѣръ, видъ камня, ощущеніе его тяжести и твердости воспринимаются нами постоянно вмѣстѣ, громъ и молнія—послѣдовательно. Идеи происходятъ изъ ощущеній и, слѣдовательно, мы можемъ ожидать, что онѣ подчиняются тому же порядку, какъ и ощущенія, вѣрными копіями которыхъ онѣ являются».

Итакъ, въ основѣ ученія Милля объ ассоціаціяхъ лежитъ мысль о необходимости допустить аналогію между взаимными отношеніями представленій, съ одной стороны, и вещей внѣшняго міра, съ другой.

Характеризуя далѣе отношенія, существующія между представленіями, Милль устанавливаетъ [1]) слѣдующіе законы «ассоціаціи идей»:

1) Идеи, полученныя отъ вещей, воспринятыхъ одновременно, возникаютъ тоже одновременно (представляя звукъ скрипки, мы въ тоже время воспроизводимъ и ея зрительный образъ);

2) идеи, происходящія изъ ощущеній, получаемыхъ послѣдовательно, возникаютъ послѣдовательно (повторяя молитву, мы вспоминаемъ ея слова въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они были восприняты);

3) такъ какъ ощущеній, получаемыхъ послѣдовательно, больше, чѣмъ ощущеній, получаемыхъ одно-

---

[1]) ibidem.

временно, то и идеи чаще возникаютъ послѣдовательно;

4) въ послѣдовательномъ ходѣ идей предшествующая называется внушающей, а послѣдующая — внушенной, чѣмъ отмѣчается закономѣрность слѣдованія;

5) предшествующій членъ ассоціаціи можетъ быть ощущеніемъ или идеей, послѣдующій всегда бываетъ идеей;

6) идеи, какъ и ощущенія, отличаются разною степенью интенсивности. Точно также и ассоціаціи могутъ быть неодинаково прочны: во-первыхъ, онѣ могутъ быть болѣе или менѣе устойчивы, во-вторыхъ, могутъ возникать съ большей или меньшей увѣренностью и, въ-третьихъ, это возникновеніе можетъ характеризоваться большей или меньшей легкостью;

7) причиной прочности ассоціацій является живость ассоціируемыхъ состояній и частота повтореній, причемъ большая или меньшая живость можетъ быть съ нѣкоторой точностью установлена въ трехъ случаяхъ: 1) при сравненіи ощущеній съ идеями (первыя живѣе вторыхъ), 2) при сравненіи пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній и ихъ идей съ ощущеніями или идеями безразличными и 3) при сравненіи идей, полученныхъ недавно, съ болѣе отдаленными;

8) если двѣ или три идеи часто повторялись вмѣстѣ и между ними установилась очень прочная ассоціація, то онѣ иногда образуютъ такую тѣсную комбинацію, что сложность ея становится совершенно неразличимой (напр., идея тяжести подразумѣваетъ идею сопротивленія и не только просто сопротивленія, но сопротивленія въ извѣстномъ направленіи; идеи твердости и протяженія еще болѣе сложны);

9) нѣкоторыя идеи, путемъ частыхъ совмѣстныхъ

повторений, комбинируются въ неразрывныя ассоціаціи (напр., цвѣтъ и протяженность); есть и такія понятія, между которыми невозможно установить никакой комбинаціи;

10) послѣдующій членъ ассоціаціи вытѣсняетъ изъ нашего сознанія предыдущій, причемъ иногда внушающее ощущеніе нами даже не замѣчается (напримѣръ, наши настроенія часто ассоціируются съ извѣстнымъ органическимъ ощущеніемъ, вслѣдствіе чего и данное ощущеніе можетъ вызывать опредѣленное настроеніе, хотя при этомъ часто случается, что мы сознаемъ одно только это настроеніе, а внушившее его ощущеніе ускользаетъ отъ нашего вниманія).

Какъ видно изъ этого, ученіе Милля объ ассоціаціяхъ представляетъ собою большой шагъ впередъ, въ смыслѣ упрощенія, сравнительно съ теоріей Юма. Изъ трехъ видовъ юмовскихъ ассоціаній (смежности, причинности и сходства) здѣсь остается только одна—смежность, въ формахъ сосуществованія и послѣдовательности. При этомъ Милль не ограничивается простымъ изложеніемъ своихъ взглядовъ, но приводитъ также опредѣленныя основанія, почему онъ считаетъ лишнимъ принимать особые виды ассоціацій—причинности и сходства [1]).

«Причинность, — говоритъ Милль, — то же, что смежность во времени или законъ послѣдовательности. Причинность—это лишь названіе для порядка, установленнаго между предшествующимъ и послѣдующимъ членомъ ассоціаціи; это—обозначеніе установленнаго или постояннаго предшествованія одного и такого же постояннаго слѣдованія другого» [2]).

---

[1]) ibidem, 106—114 (изд. 1878 г.).
[2]) ibidem.

Что касается сходства, какъ принципа ассоціаціи, то, по мнѣнію Милля, его надо считать лишь разновидностью закона смежности. Сведеніе ассоціаціи сходства къ смежности происходитъ у Милля при помощи слѣдующаго разсужденія: «Мы привыкли видѣть сходные предметы вмѣстѣ. Когда мы смотримъ на дерево, мы обыкновенно видимъ при этомъ нѣсколько деревьевъ; когда мы смотримъ на быка, мы видимъ не одного только быка, а нѣсколькихъ; когда мы смотримъ на овцу, — мы видимъ нѣсколькихъ овецъ; когда мы смотримъ на человѣка,—видимъ не одного человѣка, а нѣсколькихъ. Въ силу этого разсужденія, я думаю, мы можемъ свести сходство къ закону повтореній, частнымъ случаемъ котораго оно, повидимому, является» [1]).

Сжатость этого разсужденія, въ которомъ, вмѣсто детальнаго психологическаго анализа, только въ общихъ чертахъ намѣчается методъ будущаго изслѣдованія, вызвало рядъ важныхъ возраженій со стороны Гамильтона, въ его примѣчаніяхъ къ сочиненію Рида [2]).

Эти возраженія такъ много обсуждались и повторялись послѣдующими психологами, что ихъ полезно привести не только цѣликомъ, но и въ связи съ другими историко-критическими замѣчаніями автора.

«Со времени Аристотеля,—говоритъ Гамильтонъ,—всѣ, кто писалъ о произвольномъ или непроизвольномъ внушеніи (Suggestion), отмѣчали ассоціацію сходныхъ предметовъ. Но хотя всѣ прекрасно сознавали дѣйствіе, ни одинъ (за исключеніемъ развѣ одного Аристотеля) не размышлялъ надъ причиной». По мнѣнію Гамильтона, нельзя отрицать ясности

---

[1]) ibidem.

[2]) Thomas Reid, «Outline of a theory of mental reproduction, suggestion, or association», vol. II, seventh ed., § II, X.

общепризнанныхъ положеній, что сходные предметы и сходныя душевныя состоянія — тожественны для насъ въ своихъ сходныхъ сторонахъ, что, по закону повторенія, они должны вызывать другъ друга (главнымъ образомъ, въ первый разъ), и что, совмѣстно съ повтореніемъ, затѣмъ дѣйствуетъ «redintegration», въ смыслѣ возстановленія цѣлаго по данной части. «Тѣмъ не менѣе,—продолжаетъ Гамильтонъ,—очень важно доказать, что законъ сходства не можетъ быть сведенъ на единый законъ рединтеграціи. Уже часто пытались сдѣлать подобное отожествленіе, но рѣдко представлялись къ этому доказательства. Не считая Вольфа, котораго можно даже не принимать въ расчетъ, я знаю только четырехъ философовъ, которые дѣлали попытку въ этомъ направленіи. Однако, такъ какъ два изъ нихъ только повторяли доводы третьяго, то въ дѣйствительности можно найти только два самостоятельныхъ аргумента, которые, направляясь къ одной цѣли, стремятся достигнуть ея на основаніи различныхъ принциповъ. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Маасу (послѣдователями котораго являются Гоффбауеръ и Біунде), другой — Джемсу Миллю. Изъ нихъ первый состоитъ въ слѣдующемъ: «Сходныя представленія, — говоритъ Маасъ,—могутъ ассоціироваться лишь постольку, поскольку они или составляющія ихъ свойства принадлежатъ къ одному и тому же цѣлому представленію; и это безъ исключенія во всѣхъ случаяхъ. Два представленія *A* и *B* постольку сходны между собою, поскольку они оба содержатъ въ себѣ свойство *b*. Если, слѣдовательно, *B*, которому присущи свойства *b*, *d*, *e*, ассоціировано съ *A*, которое содержитъ признаки *b*, *a*, *c*, то въ этомъ случаѣ *a c* ассоціируется съ *b* и, слѣдовательно, все это, взятое вмѣстѣ, составляетъ части одного цѣльнаго представленія. «Здѣсь,—

говоритъ по этому поводу Гамильтонъ,—мнѣ кажется, содержится такое явное petitio principio, что я почти сомнѣваюсь, правильно ли я понимаю смыслъ даннаго аргумента. Безъ сомнѣнія, если *B* ассоціировано съ *A*, то изъ этого слѣдуетъ все, что установлено здѣсь, ибо послѣ того, какъ одно представленіе ассоціировалось съ другимъ, въ силу своего сходства съ нимъ и внушило его, они снова ассоціируются другъ съ другомъ, какъ части цѣлаго представленія, возникшаго вслѣдствіе этого первоначальнаго внушенія. Они могутъ впослѣдствіи вызывать другъ друга просто на основаніи принципа рединтеграціи и совершенно независимо отъ ихъ свойства. Но вотъ вопросъ, на который нужно отвѣтить: какъ ассоціировались или стали взаимно внушать другъ друга сходныя представленія *B* и *A*? Рѣшая этотъ вопросъ, конечно, надо предположить, что данныя представленія не были предварительно ассоціированы какъ сосуществующія въ умѣ представленія, а разсужденіе Мааса какъ разъ игнорируетъ такое предположеніе. Маасъ продолжаетъ: «Далѣе, сходство двухъ представленій не могло само по себѣ дать основаніе для ихъ ассоціаціи, такъ какъ сходство есть объективное отношеніе, существующее между ними, но изъ него нисколько не слѣдуетъ ихъ субъективная взаимная зависимость въ нашемъ умѣ» («Versuch», § 20). — «Здѣсь, — возражаетъ Гамильтонъ, — я снова едва могу вѣрить, что понимаю правильно. Неужели авторъ желаетъ сказать, что мы знаемъ или можемъ что-нибудь знать относительно объективнаго сходства предметовъ иначе, чѣмъ посредствомъ нашего субъективнаго сознанія частичнаго тожества извѣстныхъ субъективныхъ движеній, обусловленныхъ въ насъ этими предметами? Что представленія, какъ таковыя, суть нѣчто

особое отъ субъективныхъ модификацій и что сознаніе или чувство, воспринимающее ихъ тожество или различіе, не есть то же нѣчто субъективное»?

О положеніяхъ Гоффбауера и Біунде, принимавшихъ разсужденіе Мааса, по мнѣнію Гамильтона, безполезно даже разсуждать.

«Мы называемъ вещи сходными,—говоритъ Гоффбауеръ,—когда онѣ обладаютъ извѣстными общими свойствами. Свойство, найденное въ одной изъ нихъ, должно быть, слѣдовательно, найдено и въ другой. Въ представленіи предмета *A*, который походитъ на другой предметъ *B*, заключается представленіе общаго свойства, которое содержится въ *B*, равно какъ и въ общемъ для нихъ представленіи» («Naturlehre der Seele», 23). «Если бы въ сходныхъ представленіяхъ,—говоритъ Біунде,—не было сосуществованія, то для этихъ представленій, какъ справедливо замѣчаетъ Маасъ, не было бы никакой внутренней связи и нельзя было бы указать никакого яснаго основанія, почему одно представленіе должно вызывать сходное съ нимъ, а не другое представленіе» («Versuch», § 70).

Надъ этими варіантами аргумента Мааса Гамильтонъ совсѣмъ не останавливается,—хотя бы для того, чтобы провѣрить основательность возникшаго у него сомнѣнія въ правильности пониманія даннаго аргумента.

Обращаясь къ теоріи Джемса Милля, Гамильтонъ заявляетъ: «Я признаю себя неспособнымъ проникнуться убѣдительностью этого разсужденія,—если я только вѣрно понялъ его смыслъ. Если даже принять, что «мы привыкли видѣть сходныя вещи вмѣстѣ» (хотя какъ будто мы не привыкли гораздо болѣе видѣть вмѣстѣ предметы несходные!), то все-таки разсужденіе Милля, взятое какъ основаніе для сведе-

нія принципа сходства къ принципу привычныхъ психическихъ сосуществованій, вызываетъ слѣдующія замѣчанія:

1) Оно можетъ объяснить намъ взаимную внушаемость только такихъ предметовъ, которые дѣйствительно воспринимались вмѣстѣ. Но мы имѣемъ безчисленные случаи внушенія представленія сходныхъ предметовъ, когда эти предметы никогда прежде не воспринимались въ связи другъ съ другомъ и даже никогда не сопоставлялись въ умѣ.

2) Даже для предметовъ, обыкновенно воспринимаемыхъ вмѣстѣ, ихъ общее сходство служитъ принципомъ для взаимнаго внушенія. Овца, быкъ или человѣкъ *A* внушаютъ представленія овцы, быка или человѣка *B* не въ силу ихъ родового сходства. Для такого внушенія это родовое сходство не значитъ ничего. Ассоціируетъ только сходство среди различій; и, вмѣсто того, чтобы находиться въ пропорціональномъ отношеніи къ частотѣ совмѣстнаго воспроизведенія, оно, какъ разъ наоборотъ, дѣйствуетъ пропорціонально рѣдкости подобныхъ случаевъ.

3) Ассоціаціи по сходству сравнительно крѣпки; ассоціаціи по смежности (coexistence) сравнительно слабы. Такимъ образомъ, послѣднія не могутъ быть причиной первыхъ.

4) Многія изъ наиболѣе прочныхъ ассоціацій по сходству существуютъ между предметами, которые никогда прежде не сосуществовали въ нашемъ умѣ» [1]).

Попробуемъ оцѣнить силу возраженій, выставляемыхъ Гамильтономъ противъ попытокъ сведенія принципа сходства на смежность.

---

[1]) ibidem.

Прежде всего разберемъ его возраженія Маасу. Сомнѣваясь въ томъ, правильно ли онъ понялъ разсужденіе нѣмецкаго ученаго, Гамильтонъ, повидимому, имѣлъ для этого достаточное фактическое основаніе. Въ своемъ возраженіи Маасу Гамильтонъ стоитъ на внѣшней, грамматической точкѣ зрѣнія, отчего, въ концѣ концовъ, все это возраженіе сводится къ какому-то недоразумѣнію. Дѣйствительно, если понять Мааса такъ, какъ это сдѣлалъ Гамильтонъ, истолковавъ (на основаніи выраженія «если B ассоціировано съ A...») весь его аргументъ въ смыслѣ petitio principii, то ученому не стоило бы и считаться съ подобнаго рода доказательствомъ. Было бы совсѣмъ непонятно, что оно могло найти себѣ еще послѣдователей въ лицѣ Гоффбауера и Біунде. Но дѣло не такъ просто, какъ оно представлено въ критикѣ Гамильтона. Можно совсѣмъ измѣнить грамматическую форму выраженія, смутившаго Гамильтона, придавъ ей видъ, совсѣмъ далекій отъ petitio principii,—и аргументъ все-таки останется, по существу неизмѣненнымъ. Вѣдь главная мысль, на которую обращаетъ вниманіе Маасъ (а вслѣдъ за нимъ и Гоффбауеръ), заключается въ характеристикѣ сходства, какъ частичнаго тожества, которое обнаруживается при разложеніи сходныхъ представленій на ихъ элементы (представленіе $A = b + a + c$; представленіе $B = b + d + e$). Маасъ обращаетъ вниманіе на то, что эти элементы сходныхъ представленій (а не сходныя представленія, взятыя въ ихъ цѣломъ, какъ пытается истолковать его Гамильтонъ!) уже ассоціированы по смежности, такъ что частичное представленіе b можетъ вызвать, съ одной стороны, частичныя представленія $a + c$, а съ другой — частичныя представленія $d + e$. Иначе говоря, Маасъ заявляетъ: то, что, взя-

тое въ видѣ отношенія сложныхъ представленій, считается выраженіемъ особаго вида ассоціаціи по сходству, можетъ быть разложено на рядъ болѣе элементарныхъ процессовъ, которые подойдутъ подъ форму ассоціаціи смежности. Гдѣ же тутъ petitio principii?!. Правда, могло явиться естественное возраженіе: какимъ образомъ совершается переходъ отъ *b*, какъ части *B*, къ *b*, какъ части *A*? Не выражается ли въ этомъ переходѣ ассоціація по сходству, не сводимая на смежность? Этотъ вопросъ не подвергался подробному обсужденію Мааса. Но его замѣчаніе о безполезности при объясненіи явленій воспроизведенія представленій ссылаться на «объективное сходство», вмѣстѣ съ требованіемъ обращать вниманіе на субъективную зависимость представленій въ нашемъ умѣ въ данномъ случаѣ не является неожиданнымъ. Вѣдь, дѣйствительно, самый вопросъ о переходѣ отъ *b*, какъ части *B*, къ *b*, какъ части *A*, возникаетъ, главнымъ образомъ, тогда, когда мы сосредоточиваемъ свое вниманіе на представленіяхъ сходныхъ предметовъ, разсматриваемыхъ объективно, т.-е. локализованныхъ въ опредѣленномъ пространствѣ. Но попробуемъ взглянуть на эти представленія съ субъективной точки зрѣнія, т.-е. не съ точки зрѣнія того значенія, которое мы приписываемъ имъ, какъ знакамъ нашего знанія о внѣшнихъ предметахъ, но съ точки зрѣнія того значенія, какое они имѣютъ для даннаго состоянія нашего сознанія. Тогда, можетъ быть, во многихъ случаяхъ станетъ яснымъ, что *b*, ассоціированное съ $d+e$, и *b*, ассоціированное съ $a+c$, являются совсѣмъ не двумя разными элементами нашего состоянія сознанія, а однимъ и тѣмъ же элементомъ, который, въ теченіе даннаго періода измѣненій, происходящихъ въ состояніи сознанія, характеризуется большей устой-

чивостью, чѣмъ ассоціированные съ нимъ элементы $d+e$ и $a+c$. Конечно, этотъ пунктъ остался недостаточно разъясненнымъ въ аргументѣ Мааса, но понять его основную мысль такимъ образомъ намъ не мѣшаютъ ни самый текстъ его сочиненія, ни та историческая обстановка, среди которой онъ появился.

Возраженія Гамильтона Миллю гораздо сильнѣе. Они, дѣйствительно, обнаруживаютъ много пробѣловъ въ краткомъ разсужденіи Милля. Эти пробѣлы, еще съ большей обстоятельностью, чѣмъ у Гамильтона, были выяснены Джономъ Стюартомъ Миллемъ и Александромъ Бэномъ, въ примѣчаніяхъ ко второму изданію «Analysis'a».

«Авторъ думаетъ,—говоритъ Д. С. Милль, возражая противъ даннаго положенія «Analysis'a»,—что предметы напоминаютъ намъ вещи, сходныя съ ними, потому что мы привыкли видѣть сходные предметы вмѣстѣ. Но мы вѣдь привыкли также видѣть сходные предметы отдѣльно другъ отъ друга. Если двѣ комбинаціи, несовмѣстимыя одна съ другою, реализуются обѣ въ привычномъ опытѣ, то требуется огромное преобладаніе опыта съ одной стороны, чтобы установить ассоціацію именно съ этой комбинаціей. Мы тоже очень привыкли видѣть вмѣстѣ несходные предметы (я говорю не о противоположныхъ, а просто о несходныхъ предметахъ). Несходство, хотя бы и не дошедшее до контраста, можетъ стать настолько же причиной для ассоціаціи, какъ и сходство. Напримѣръ, тотъ фактъ, что когда мы смотримъ на барана, то видимъ обыкновенно нѣсколькихъ барановъ, можетъ служить причиной того, что когда мы думаемъ о баранѣ, намъ приходитъ на умъ цѣлое стадо, но это не объясняетъ, почему, когда мы видимъ овцу съ черной мѣткой на лбу, мы вспоминаемъ овцу съ такой же мѣткой, видѣн-

ную нами прежде, хотя бы мы никогда прежде не видѣли двухъ подобныхъ овецъ вмѣстѣ. Это не объясняетъ того, почему портретъ заставляетъ насъ думать объ оригиналѣ, почему человѣкъ совершенно чужой, котораго мы видимъ въ первый разъ, напоминаетъ намъ сходное лицо, которое мы видѣли нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Законъ, по которому вещь напоминаетъ намъ сходный съ нею предметъ, воспринимавшійся нами обыкновенно вмѣстѣ съ нею, долженъ быть отличенъ отъ закона, по которому одинъ предметъ вызываетъ въ нашей памяти сходный съ нимъ, но такой, который мы не привыкли видѣть вмѣстѣ съ нимъ. Но это—тотъ же законъ, по которому одна вещь напоминаетъ намъ другую, съ нею несходную, но воспринимавшуюся обыкновенно съ нею вмѣстѣ. Если видъ овцы вызываетъ у насъ воспоминаніе о стадѣ овецъ, то, вѣроятно, по тому же закону смежности напоминаетъ намъ и лугъ. Но какой-то другой законъ дѣйствуетъ въ томъ случаѣ, когда, смотря на овцу, мы думаемъ о какой-нибудь опредѣленной овцѣ, видѣнной раньше, и о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ мы ее видѣли. Попытка свести ассоціацію сходства къ ассоціаціи смежности поневолѣ должна оказаться неуспѣшной, такъ какъ никогда не могло бы быть ассоціаціи по смежности безъ предварительной ассоціаціи по сходству. Почему ощущеніе, полученное мною въ этотъ моментъ, напоминаетъ мнѣ ощущенія, которыя, какъ обыкновенно говорятъ, я прежде воспринималъ вмѣстѣ съ нимъ? Я никогда не воспринималъ ихъ съ этимъ самымъ ощущеніемъ. Я переживалъ прежнія ощущенія не съ этимъ, а съ нѣкоторымъ другимъ, совершенно съ нимъ сходнымъ. И мое настоящее ощущеніе не могло бы напомнить мнѣ прежнихъ ощущеній, съ нимъ несходныхъ, не

напомнивъ мнѣ сначала ощущенія, съ нимъ сходнаго и дѣйствительно переживавшагося вмѣстѣ съ ними. Здѣсь, такимъ образомъ, мы видимъ законъ ассоціаціи, предшествующій закону смежности и имъ предполагаемый, а именно: ощущеніе склонно вызывать то, что называется его идеей, т.-е. воспоминаніе ощущенія, сходнаго съ нимъ, если таковое прежде переживалось. Это подразумѣвается въ томъ, что мы называемъ узнаваніемъ ощущенія, какъ такого, которое нами прежде воспринималось, или, правильнѣе,—какъ до неразличимости сходнаго съ ощущеніемъ, когда-то пережитымъ... Если принять, что простыя ощущенія напоминаютъ другія при помощи непосредственнаго сходства, то многіе изъ сложныхъ случаевъ внушенія по сходству могутъ быть разложены на эти элементарные случаи ассоціаціи по сходству, скомбинированные съ ассоціаціями по смежности. Напримѣръ, данный цвѣтокъ можетъ напомнить намъ прежній цвѣтокъ, сходный съ нимъ, такъ какъ онъ обнаруживаетъ передъ нами извѣстныя свойства, вызывающія у насъ извѣстныя ощущенія, которыя сходны съ тѣми, которыя мы получили отъ прежняго цвѣтка. Эти послѣднія ощущенія пробуждаются въ нашей памяти, а, вслѣдъ за этимъ, по закону ассоціаціи смежности, вызывается у насъ цѣлый образъ цвѣтка. Но это объясненіе, хотя и годится для многихъ случаевъ, когда сложныя явленія внушаютъ другъ друга по сходству, недостаточно для всѣхъ, такъ какъ сходство сложныхъ фактовъ состоитъ часто не въ одномъ лишь сходствѣ между простыми ощущеніями, но скорѣе въ сходствѣ способа ихъ комбинаціи,—и чаще воспоминаніе вызывается именно этимъ, а не отдѣльными признаками. Послѣ того, какъ мы видѣли и хорошо разсмотрѣли треугольникъ, видъ другого

треугольника, безъ сомнѣнія, напомнитъ намъ первый въ силу сходства. Но внушеніе будетъ зависѣть не отъ сторонъ и не отъ угловъ, и не отъ того или другого вмѣстѣ, потому что такія стороны и такіе углы могли намъ встрѣчаться не скомбинированными или скомбинированными въ другой фигурѣ. Сходство, по которому одинъ треугольникъ вызываетъ воспоминаніе о другомъ, не есть сходство въ частяхъ, но, главнымъ образомъ, выражается въ способѣ сочетанія этихъ частей. Я не знаю, какимъ способомъ этотъ случай внушенія можно признать обнаруженіемъ закона смежности, при условіи, чтобы этотъ способъ привелъ къ согласію всѣ случаи подобнаго рода» [1]).

Сравнивая это разсужденіе съ замѣчаніями Гамильтона, надо признать его особеннымъ достоинствомъ то, что критикъ не ограничивается разборомъ тѣхъ случаевъ, когда одинъ сложный образъ *A* вызываетъ воспоминаніе другого, сроднаго съ нимъ образа *B*, но поднимаетъ также вопросъ объ ассоціаціи по сходству, существующей между простыми ощущеніями, въ формѣ узнаванія. Возражая противъ теоріи Джемса Милля, который въ своихъ разсужденіяхъ объ отношеніи сходства къ смежности направлялъ свое вниманіе на выясненіе взаимнаго отношенія лишь цѣлыхъ сложныхъ образовъ, Д. С. Милль переходитъ къ пріемамъ детальнаго анализа и готовъ протестовать противъ сведенія сходства на смежность, даже попытавшись стать предварительно на точку зрѣнія Мааса.

Для того, чтобы яснѣе представить себѣ положеніе теоріи Джемса Милля въ англійской литера-

---

[1]) J. Mill, «Analysis of the Phenomena of the human Mind», III, 35 (London. 1878).

турѣ, необходимо остановиться еще на замѣчаніяхъ Бэна [1]).

Признавая, въ общемъ, справедливой и безспорной критику Гамильтона, Бэнъ думаетъ, что проявленія законовъ сходства и смежности неизбѣжно переплетаются. «Не можетъ быть,—говоритъ онъ,—ни смежности безъ сходства, ни сходства безъ смежности. Въ случаѣ, когда мы, смотря на рѣку, произносимъ ея названіе,—мы, строго говоря, имѣемъ примѣръ ассоціаціи по смежности: рѣка и названіе, вслѣдствіе частой ассоціаціи, оказались такъ крѣпко связанными, что каждое изъ этихъ представленій вызываетъ другое. Но разберите тутъ всѣ ступени воспоминанія. Непосредственно въ нашемъ сознаніи мы переживаемъ впечатлѣніе, производимое рѣкой въ то время, когда мы на нее смотримъ. Необходимо, чтобы это впечатлѣніе могло, въ силу сходства или тожества, возстановить прежнее впечатлѣніе рѣки, съ которымъ связано прежнее впечатлѣніе ея названія. Если предположить, что возстановленія прежней идеи рѣки не произойдетъ подъ вліяніемъ новаго представленія, то не будетъ и условія для осуществленія связи по смежности. Въ этомъ соединеніи впечатлѣній сложныхъ идей, которое заканчивается, наконецъ, прочной ассоціаціей, долженъ настолько дѣйствовать процессъ ассоціаціи по сходству, чтобы оживить сумму пережитого по поводу переживаемаго. Вотъ случай сходства, на который мы мало обращаемъ вниманія.

Разберемъ теперь случай, который можетъ быть названъ случаемъ ассоціаціи сходства въ собственномъ смыслѣ этого слова. Портретъ напоминаетъ оригиналъ. Чувственное впечатлѣніе, производимое

---

[1]) ibidem, 120—124.

портретомъ, аналогично съ оригиналомъ, вызываетъ воспроизведеніе идеи субъекта, несмотря на нѣкоторыя различія или несогласія. Этотъ случай интересенъ потому, что служитъ примѣромъ частичнаго сходства, которое, являясь посреди несходства, часто вызываетъ воспроизведеніе прежней идеи. Мы соединяемъ въ нашемъ умѣ множество несходныхъ въ нѣкоторомъ отношеніи предметовъ потому, что они сходны въ другихъ отношеніяхъ. Это не есть отожествленіе предмета съ тѣмъ же предметомъ, воспринятымъ раньше, но ассимиляція одной вещи съ другой, совершенно далекой отъ нея въ природѣ и обладающей множествомъ различныхъ съ нею свойствъ. Попытаемся ближе анализировать этотъ случай воспроизведенія. Предметъ, сознаваемый нами въ настоящее время, имѣетъ извѣстныя особенности, общія съ однимъ или нѣсколькими предметами, воспринимавшимися прежде, подобно тому, какъ на портретѣ общія очертанія и колоритъ напоминаютъ оригиналъ. Эти чувственныя впечатлѣнія вызываютъ повторенія прежнихъ или приводятъ насъ въ то мозговое и душевное состояніе, которое испытывалось нами при соотвѣтствующихъ впечатлѣніяхъ, производимыхъ сходнымъ предметомъ. Мы замѣчаемъ по живости впечатлѣнія, что идемъ по старому слѣду; мы переживаемъ особенное состояніе сознанія, которое называется состояніемъ тожества или согласія. Но это еще не все. Общія черты должны находиться въ такой тѣсной связи по смежности съ чертами различія, составляющими спеціальную особенность прежде воспринятаго предмета, что первыя должны вызывать представленіе послѣднихъ. Пункты общіе для созерцаемаго портрета и когда-то воспринятаго оригинала, должны настолько тѣсно ассоціироваться съ остальными чертами оригинала, чтобы

представленіе однихъ не могло возникнуть безъ возбужденія воспоминанія о другихъ. Здѣсь, въ самомъ центрѣ сходства, мы необходимо встрѣчаемъ связь по смежности. Это показываетъ, что ни одинъ изъ этихъ процессовъ не можетъ совершаться независимо отъ другого. Взаимная связь частей, описанная здѣсь какъ существенная для воспроизведенія, можетъ оказаться слишкомъ слабой для того, чтобы произвести дѣйствіе, и тогда воспроизводящая сила сходства окажется безрезультатной. Тѣмъ не менѣе, даже послѣ всего сказаннаго, можно предположить, что сходство есть только видъ смежности, а именно— смежности или ассоціаціи различныхъ чертъ или частей сложнаго цѣлаго. Такой выводъ слишкомъ поспѣшенъ. Изъ того, что смежность является частью факта воспроизведенія сходныхъ представленій, еще не слѣдуетъ, что она—весь процессъ. Здѣсь нельзя забывать одного яснаго и характернаго момента, предшествующаго дѣйствію взаимныхъ отношеній частей предмета. Проникновеніе въ прежніе слѣды совпадающихъ частей новаго и стараго впечатлѣнія есть особое душевное движеніе, за которымъ другое слѣдуетъ, не упраздняя его. Дѣйствіе, описанное выше какъ сознаніе согласія или тожества, проблескъ чувствуемаго сходства,—есть нѣчто реальное и ясное. Мы сознаемъ это непосредственно (by itself). Бываютъ случаи, когда мы испытываемъ это, не переживая послѣдующаго состоянія, т.-е. не переживая полнаго воспроизведенія прежняго предмета во всемъ его цѣломъ. Мы часто замѣчаемъ тожество, не будучи въ состояніи сказать, съ чѣмъ именно тожественъ данный предметъ, когда, напримѣръ, глядя на портретъ, мы испытываемъ впечатлѣніе, что видѣли оригиналъ, но въ то же время не можемъ сказать, кто именно представляетъ собою этотъ оригиналъ. Мы

поражаемся силою тожественности или сходства, но воспроизведеніе отсутствуетъ вслѣдствіе слабости связи по смежности между частями отожествляемаго предмета. Здѣсь мы имѣемъ настоящее дѣйствіе чистаго сходства или подобія и состояніе сознанія, сопровождающее это дѣйствіе; но здѣсь нѣтъ полной энергіи воспроизведенія безъ вспомогательной связи по смежности. Глядя на портретъ, мы можемъ не сознавать, что видѣли оригиналъ. При допущеніи, что мы его видѣли, здѣсь будетъ обратный случай — слабости ассоціаціи по сходству. Какъ бы то ни было, во всякомъ актѣ воспроизведенія пережитаго умственнаго опыта мы находимъ комплексъ, заключающій въ себѣ и чистую смежность, и чистое сходство. Въ тѣхъ случаяхъ, когда сходство доходитъ до тожества (когда, напр., новое впечатлѣніе, получаемое отъ предмета, оживляетъ въ насъ слѣды стараго впечатлѣнія, произведеннаго этимъ же предметомъ), это такъ очевидно, что не требуетъ дальнѣйшаго доказательства. Это не мѣшаетъ намъ разсматривать процессъ воспроизведенія названія при видѣ предмета или воспроизведенія предмета при воспріятіи названія какъ случаи чистой смежности. Сила ассоціаціи по смежности можетъ быть недостаточной, и вслѣдствіе этого воспроизведеніе можетъ не состояться; но никогда въ данномъ случаѣ оно не можетъ отсутствовать по причинѣ недостаточнаго сходства. Никакого недоразумѣнія не можетъ произойти оттого, что мы эти случаи назовемъ случаями смежности и ничѣмъ инымъ. Положеніе сходства среди различія совершенно ясно. Различіе препятствуетъ процессу сходства. Мы никогда не можемъ быть увѣрены, что новое впечатлѣніе вызоветъ у насъ слѣды старыхъ. Всегда остается вопросомъ, почувствуемъ ли мы вообще когда-нибудь такое

сходство, испытаемъ ли проблескъ своеобразнаго сознанія сходства среди различія. Далѣе остается вопросомъ, достаточно ли внутренней связи съ отожествляемой вещью для воспроизведенія ея во всей полнотѣ. Можно допустить, что этотъ послѣдній моментъ есть случай чистой смежности, между тѣмъ какъ сознаніе тожества между настоящимъ и прошедшимъ, никогда прежде не соединявшимся въ нашемъ умѣ, есть дѣйствіе sui generis и не можетъ быть истолковано, какъ видъ или случай ассоціаціи по смежности. Условія проявленія этой отожествляющей силы такъ многочисленны и сложны, что требуютъ спеціальнаго разъясненія на примѣрахъ. Нѣкоторыя способности интеллектуальнаго характера могутъ опираться на ясно выраженную наклонность ума къ ассоціаціи по смежности и сходства. Заучиваніе, усвоеніе, память, привычки—все это ясно указываетъ на связь смежныхъ впечатлѣній. Процессы классификаціи, мышленія, воображенія и творческой способности зависятъ отъ отожествляющей силы сходства и несходства. Нѣкоторыя формы интеллектуальныхъ способностей лучше могутъ быть представлены какъ высшая степень энергичнаго внѣшняго сліянія; способность ученика, послѣдователя рутины зиждется на этой силѣ. Другія, болѣе высокія формы интеллектуальной жизни зависятъ отъ проникновенной силы сходства; отожествленіе сходныхъ элементовъ, помѣщенныхъ среди различій, ближе всего характеризуетъ геній поэта, философа, практическаго дѣятеля» [1]).

Въ этомъ разсужденіи Бэна, по сравненію съ предшествующими ученіями о сходствѣ, особенно

---

[1]) Цит. выше.

замѣчательными должны быть признаны слѣдующіе пункты:

1) принципы чистаго сходства и чистой смежности признаются дѣйствующими лишь по отношенію къ элементарнымъ представленіямъ; при всякой же ассоціаціи сложныхъ представленій, сходство и смежность разсматриваются какъ нѣчто, неотдѣлимое другъ отъ друга и другъ друга предполагающее;

2) типичнымъ случаемъ ассоціаціи сходства признается непосредственное узнаваніе или сознаніе тожества, безъ воспроизведенія обстоятельствъ, ближе характеризующихъ прежній отожествляемый образъ; и

3) указывается, что въ сложныхъ процессахъ ассоціаціи обыкновенно получаетъ замѣтное преобладаніе или принципъ смежности, или принципъ сходства, вслѣдствіе чего, въ извѣстномъ смыслѣ слова, возможно говорить объ ассоціаціяхъ сходства и смежности даже по отношенію къ сложнымъ представленіямъ.

Благодаря этимъ пунктамъ, въ послѣднія десятилѣтія весь вопросъ объ ассоціаціи сходства принялъ нѣсколько иное направленіе, чѣмъ прежде. Уясняя взаимное отношеніе принциповъ сходства и смежности, психологи стали направлять главную энергію своего вниманія на изслѣдованіе отношенія элементарныхъ представленій. Этой тенденціи въ значительной степени способствовали и тѣ традиціи, которыя были оставлены Гербартомъ. Но, еще не касаясь послѣдующей исторіи вопроса и только вдумываясь въ основныя положенія теоріи Бэна, легко замѣтить, какъ много еще работы предстояло психологамъ для выясненія проблемы сходства.

Настаивая на нераздѣльности принциповъ смежности и сходства, Бэнъ въ то же время обращалъ вниманіе на многіе случаи ассоціацій, когда одинъ

изъ этихъ принциповъ нами не сознается и когда ослабленіе ассоціаціи по сходству или смежности не является въ то же время препятствіемъ къ осуществленію процесса воспроизведенія. Иначе говоря, съ одной стороны, сходство и смежность разсматривались у Бэна какъ бы логически предполагающими другъ друга, а съ другой—въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ бы допускалась ихъ фактическая независимость въ нашемъ сознаніи. Съ этимъ самъ собою соединялся вопросъ о разныхъ степеняхъ сознанія смежности и сходства и о томъ, въ какой степени вообще, разсуждая объ ассоціаціи сходства, позволительно прибѣгать къ понятію безсознательнаго. Поставленный Бэномъ вопросъ о непосредственномъ узнаваніи, какъ типичномъ случаѣ ассоціаціи по сходству, также требовалъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Необходимо было ближе выяснить отношеніе этого непосредственнаго узнаванія къ тѣмъ случаямъ, которые у Бэна называются узнаваніемъ сходства среди различій, отчетливо воспроизводимыхъ. При допущеніи безсознательныхъ или полусознательныхъ ассоціацій, легко было объяснить всѣ случаи непосредственнаго узнаванія какъ мнимые, и предположить въ ихъ основѣ существованіе безсознательныхъ ассоціацій по смежности. Кромѣ того, несомнѣнно нуждался въ серьезномъ обсужденіи и широко использованный Бэномъ, при объясненіи ассоціаціи сходства, принципъ воспроизведенія по тожеству. Естественно нарождался вопросъ: въ какой степени вообще цѣлесообразно говорить о воспроизведеніи однимъ представленіемъ другого, тожественнаго съ нимъ? И не будетъ ли правильнѣе въ подобнаго рода случаяхъ говорить не о воспроизведеніи, въ моментъ времени b, представленія B_2, тожественнаго съ представленіемъ B_1, существовав-

шимъ въ моментъ времени a, а лишь о непрерывномъ пребываніи въ сознаніи одного и того же представленія B_1, въ теченіе моментовъ времени a и b?

Постепенное раскрытіе этихъ вопросовъ, какъ они являлись въ позднѣйшей исторіи психологіи, составляетъ задачу слѣдующихъ главъ.

VI.

Споръ объ ассоціаціи сходства во французской литературѣ конца XIX вѣка.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ комментарій Бэна къ «Анализу» Джемса Милля, въ «Revue philosophique» появилась статья Брошара, посвященная вопросу объ ассоціаціи сходства [1]).

Въ этой статьѣ авторъ высказывалъ убѣжденіе, что ассоціація сходства, въ основѣ, представляетъ собою ничто иное, какъ ассоціацію смежности.

Установивъ положеніе, что «сходство есть отношеніе», Брошаръ недоумѣваетъ, какимъ образомъ возможно допустить ассоціацію сходства въ смыслѣ закона, объясняющаго воспроизведеніе идей. Если два представленія (воспроизводящее A_1 и воспроизводимое A_2) признаются сходными, то это сходство есть извѣстное отношеніе между ними, предполагающее существованіе ихъ обоихъ. Но какъ же можно въ такомъ случаѣ ссылаться на это отношеніе для объясненія возникновенія въ сознаніи одного изъ этихъ представленій? «Какимъ образомъ,—спрашиваетъ Брошаръ,—то, что еще не мыслилось, можетъ воздѣйствовать на способъ представленія того, о чемъ мы уже перестали мыслить?» Выпутаться изъ

---

[1]) Victor Brochard, «De la loi de similarité dans les association d'ideés». «Revue philosophique», 1880, 257—269.

этого затрудненія, по мнѣнію Брошара, возможно только допустивъ произвольныя метафизическія гипотезы [1]).

Возможность сведенія ассоціаціи сходства къ смежности Брошаръ доказываетъ слѣдующимъ образомъ. «Сходство,—говоритъ онъ,—можетъ быть только частичнымъ, потому что двѣ идеи, совершенно сходныя, будутъ одной и той же идеей. Напримѣръ, листъ бѣлой бумаги, вызывающій мысль о снѣгѣ, похожъ на снѣгъ только цвѣтомъ и отличается отъ него всѣми остальными качествами. Когда мы сравниваемъ двѣ идеи, то наше вниманіе отвлекаетъ двѣ части отъ сложныхъ комплексовъ, которые представляютъ собою эти идеи: мы мыслимъ, какъ говоритъ С. Милль, частями понятій. («Философія Гамильтона», XVII). Что же происходитъ тогда въ умѣ? Лишь только умъ испытаетъ ощущеніе бѣлаго, если только это ощущеніе имѣетъ какую-нибудь интенсивность и если, вслѣдствіе этого или по какой-нибудь другой причинѣ, оно выдѣлится, хотя бы на одно мгновеніе, изъ той группы представленій, въ которой оно сознавалось,—онъ переносится (сознавая или не сознавая это) въ одно изъ тѣхъ состояній, въ которомъ онъ уже находился прежде: идеи, которыми сопровождалось данное ощущеніе при первомъ его появленіи въ сознаніи, вызываются непосредственно, такъ сказать автомати-

---

[1]) Эти соображенія оказали сильное вліяніе на Джэмса, который повторяетъ ихъ въ очень рѣшительной формѣ: «The similarity of two things does not exist till both things are there—it is meaningless to talk of it as an agent of production of anything, whether in the physical or the psychical realms. It is a relation which the mind perceives after the fact, just as it may perceive the relations of superiority, of distance, of causality, of container and content, of substance and accident, or of contrast, between an object and some second object which the associative machinery calls up.» (William James, «The Principles of Psychology», v. I, London, 1890, 591).

чески... Воспроизведенныя идеи мы можемъ отмѣчать, какъ сходныя или несходныя, но очевидно, что сходство—не причина, а результатъ ассоціаціи. Идеи уже ассоціированы въ тотъ моментъ, когда мы только начали подмѣчать ихъ сходство, и мы не замѣтили бы этого сходства, если бы законъ смежности уже не сдѣлалъ своего дѣла. Отношеніе смежности всегда предшествуетъ отношенію сходства... Часто между идеями, которыя мы признаемъ сходными, существуетъ длинный рядъ посредствующихъ членовъ, но появленіе этихъ посредствующихъ членовъ, само по себѣ, объясняется только закономъ смежности».

Интересно возраженіе, которое Брошаръ дѣлаетъ С. Миллю по поводу его отвѣта Гамильтону (The works of Th. Reid, 1873, 913).

С. Милль спрашиваетъ: если ощущеніе сладкаго вызываетъ по ассоціаціи аналогичное предшествующее ощущеніе, то можно ли видѣть въ этой ассоціаціи что нибудь иное, кромѣ отношенія сходства? «Прежде всего,—отвѣчаетъ на это Брошаръ,—надо изслѣдовать, нужно ли признавать въ подобнаго рода случаяхъ ассоціацію идей. Въ то время, когда ощущая сладкое, я вызываю идею о какомъ-нибудь аналогичномъ и предшествующемъ ощущеніи, то есть ли эта идея—идея новая, отличная отъ первой, или она — ничто иное, какъ первая идея, сопровождаемая сужденіемъ узнаванія, отмѣченная тѣмъ спеціальнымъ знакомъ, который отличаетъ воспоминаніе отъ дѣйствительной идеи. Если (что кажется, очевидно) для ассоціаціи необходимы, по крайней мѣрѣ, двѣ идеи, то можно сомнѣваться, дана ли вообще въ указанныхъ примѣрахъ ассоціація идей» [1]).

Въ этомъ разсужденіи Брошара особенно замѣ-

[1]) Ibidem, 263—264.

чательными являются два пункта: 1) пониманіе сходства исключительно какъ частичнаго тожества и 2) отказъ видѣть въ воспроизведеніи представленій, тожественныхъ съ даннымъ, ассоціацію.

Что касается перваго пункта, то противъ него естественно выставить соображеніе С. Милля, что «сходство сложныхъ фактовъ состоитъ часто не въ одномъ лишь сходствѣ между простыми ощущеніями, но скорѣе въ сходствѣ способа ихъ комбинаціи» [1]). Къ сожалѣнію, Брошаръ, выставивъ положеніе, которое до него еще пытался формулировать Маасъ, не даетъ себѣ достаточнаго труда фактически доказать его универсальность.

Второй указанный нами пунктъ разсужденія Брошара и убѣдительнѣе, и оригинальнѣе. Хотя онъ, въ скрытомъ видѣ, содержался и ранѣе въ аргументахъ Мааса и Гофбауера, о которыхъ намъ приходилось уже говорить, тѣмъ не менѣе Брошару принадлежитъ честь первой ясной его формулировки. По существу же дѣла, отрицаніе процесса ассоціаціи въ послѣдовательномъ и непрерывномъ сознаваніи двухъ тожественныхъ представленій должно было оказать серьезное вліяніе на постановку вопроса объ ассоціаціи сходства. Вѣдь, обозрѣвая предшествующую исторію ученія о сходствѣ, мы видѣли, что, несмотря на различенія случаевъ «большаго» и «меньшаго» сходства, равно какъ и указаніе на то, что С. Милль называлъ «сходствомъ комбинаціи простыхъ ощущеній», все-таки типичными случаями ассоціаціи по сходству выдающіеся психологи (Маасъ, Гербартъ, Бэнъ) признавали такіе, гдѣ на первый планъ выступало сознаніе тожества вос-

---

[1]) J. Mill, Analysis of the Phenomena of the human Mind, III, 35 (London, 1878).

производимаго и воспроизводящаго. Отрицаніе за этими случаями достоинства ассоціаціи должно было повлечь за собою новую постановку стараго вопроса.

Ближайшимъ единомышленникомъ Брошара въ ученіи о сходствѣ явился Рабье.

Въ своемъ курсѣ психологіи [1]) Рабье развиваетъ положеніе, что сходство (точно такъ же, какъ смежность, причинность, тожество) есть отношеніе, которое можно воспринимать и мыслить, только сопоставляя между собою идеи, между которыми оно устанавливается. Пока этого сопоставленія идей не произошло, сходства совсѣмъ еще нѣтъ для нашего сознанія и, слѣдовательно, оно еще не можетъ служить причиною вызова сходной идеи. «Двѣ идеи,—говоритъ Рабье,—которыя были смежными въ сознаніи, впослѣдствіи могутъ внушать одна другую. Напримѣръ: ребенку показываютъ букву и вмѣстѣ съ тѣмъ называютъ ее; впослѣдствіи видъ буквы внушаетъ ему идею звука. Это не только бываетъ, но въ дѣйствительности нѣтъ ни одного случая ассоціаціи идей, въ которомъ идеи (внушенная и внушающая) не находились бы между собою въ подобнаго рода отношеніи одновременности или непосредственнаго слѣдованія. Дѣйствительно, удобно разсматривать всѣ различаемые психологами случаи ассоціаціи идей, какъ сводимые къ данному. Во всѣхъ случаяхъ, которые извѣстны подъ именами ассоціаціи смежности въ пространствѣ и времени, ассоціаціи причинности, ассоціаціи знака и обозначаемаго и т. д., двѣ идеи дѣйствительно ассоціируются, если указанное отношеніе воспри-

[1]) E. Rabier, «Leçons de philosophie; I: Psychologie», Paris, 1885. Всѣ дальнѣйшія цитаты приводятся по третьему изданію (Paris, 1888).

нято, т.-е. если эти идеи по крайней мѣрѣ разъ были смежными въ сознаніи» [1]).

Ассоціація сходства, по мнѣнію Рабье, является исключеніемъ изъ этого правила только при поверхностномъ психологическомъ анализѣ. Вмѣсто того, чтобы детально разсмотрѣть явленіе, берутъ его только въ общихъ чертахъ. Истинное направленіе анализа въ данномъ случаѣ Рабье выясняетъ на слѣдующемъ примѣрѣ. «Я встрѣчаю на улицѣ въ первый разъ человѣка, напоминающаго мнѣ другое, сходное съ нимъ лицо, умершее двадцать лѣтъ тому назадъ. Вотъ, конечно, случай, гдѣ ассоціаціи не предшествовало сосуществованіе въ сознаніи двухъ данныхъ представленій.—Правда! Но останавливаться на этомъ—значитъ предаваться лѣнивой философіи. Будемъ анализировать. Дѣйствительное представленіе вызвало представленіе прошлое. Да, но потому, что у этихъ представленій есть общіе признаки. А въ такомъ случаѣ можно сказать: если одно представленіе вызываетъ другое, то лишь потому, что эти общіе признаки, дѣйствительно представляемые, вызываютъ въ сознаніи другіе признаки, вмѣстѣ съ которыми они существовали въ предшествующемъ опытѣ. Обозначимъ наличное представленіе черезъ *ABCD*, а прежнее представленіе—черезъ *AXYZ*. Первое вызываетъ второе. Почему? Потому что *A* вызываетъ признаки *XYZ*, которые уже находились съ ними въ сознаніи въ отношеніи смежности [2]). Ассоціація сходства—только частный случай ассоціаціи смежности» [3]). При этомъ глав-

---

[1]) Ibidem, 191.

[2]) Тэнъ хорошо характеризуетъ этотъ видъ ассоціацій, говоря, что внушенное представленіе здѣсь уже начинаетъ существовать въ представленіи внушающемъ (Taine, De l'intelligence).

[3]) Rabier, 191—192.

нымъ признакомъ, характеризующимъ тотъ видъ ассоціацій смежности, который называется ассоціаціей сходства, Рабье считаетъ преобладаніе въ сознаніи части концепта, служащаго исходнымъ пунктомъ воспроизведенія [1]).

Противъ теоріи Брошара и Рабье выступилъ Пильонъ со своей статьей, напечатанной въ журналѣ «La critique philosophique» [2]).

Въ этой статьѣ прежде всего указывается на необходимость отличать ассоціацію сходства отъ воспріятія сходства. Авторъ признаетъ, что нелѣпо объяснять ассоціацію сходства воспріятіемъ сходства, точно также какъ нелѣпо объяснять ассоціацію смежности воспріятіемъ смежности. Но, по его мнѣнію, это еще не есть основаніе къ отрицанію ассоціацій сходства и смежности, какъ принциповъ воспроизведенія представленій. Воспріятія смежности или сходства можетъ еще не быть въ то время, когда дѣйствительныя сходство и смежность уже существуютъ. Свою мысль Пильонъ поясняетъ на слѣдующемъ примѣрѣ. «Я испытываю,—говоритъ онъ,—ощущеніе, совершенно сходное съ тѣмъ, которое было получено мною десять лѣтъ тому назадъ. Сходныя ощущенія даны; нельзя сказать, что сходство, существующее между двумя этими ощущеніями, наступитъ. И въ силу этого дѣйствительнаго сходства, очевидно дѣйствующаго, наличное ощущеніе вызываетъ образъ ощущенія, полученнаго десять лѣтъ тому назадъ. Разъ этотъ образъ вызванъ, онъ сопровождается двойной увѣренностью: во-первыхъ, что онъ сходенъ съ прежнимъ ощущеніемъ и, во-вторыхъ, что онъ сходенъ съ наличнымъ ощуще-

---

[1]) Ibidem, 215 слѣд.

[2]) Pillon, La critique philosophique, 1885, I, 194.

ніемъ. Но этотъ образъ не былъ бы вызванъ наличнымъ ощущеніемъ, если бы между нимъ и прежнимъ ощущеніемъ дѣйствительно не существовало сходства» [1]).

Такимъ образомъ, говоря объ ассоціаціи сходства, какъ принципѣ воспроизведенія представленій, Пильонъ придаетъ особое значеніе объективности сходства. При этомъ онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Отношеніе не независимо отъ всякаго сознанія, отъ всякаго ума; оно можетъ быть независимымъ отъ моего сознанія, отъ моего ума. Отношеніе, которое никогда не будетъ и не должно существовать ни для одного ума, отношеніе въ себѣ, вовсе не будетъ существовать; отношеніе, которое не существуетъ и никогда не будетъ существовать для моего ума, можетъ существовать для ума, болѣе высокаго, чѣмъ мой. Будучи объективнымъ для меня, оно не абсолютно объективно. Сходство, скрытое для меня, не перестаетъ существовать, если только оно можетъ быть воспринято другими. Я сейчасъ начну воспринимать это сходство; однако его дѣйствительность начнется не съ моимъ воспріятіемъ; она будетъ объектомъ, а не продуктомъ моего сознанія» [2]).

На естественно возникающій при этомъ вопросъ, какимъ образомъ сходство, которое не воспринималось и не мыслилось, можетъ дѣйствовать на умъ, опредѣляя воспроизведеніе какого-нибудь образа, Пильонъ отвѣчаетъ, что подобнаго рода вопросы, хотя бы они оставались и безъ отвѣта, все-таки не могутъ помѣшать существованію факта [3]).

Не отрицая участія ассоціацій смежности въ про-

---

[1]) Ibidem, 195.
[2]) Ibidem, 196.
[3]) Ibidem, 197.

цессахъ воспроизведенія по сходству, Пильонъ думаетъ, что весь актъ припоминанія по сходству складывается изъ слѣдующихъ моментовъ: 1) ассоціаціи по сходству, 2) ассоціаціи по смежности и 3) воспріятія отношенія сходства.

Обращаясь къ примѣру, приводимому въ «Психологіи» Рабье (встрѣча съ лицомъ, похожимъ на знакомаго, умершаго двадцать лѣтъ тому назадъ), Пильонъ дѣлаетъ слѣдующія возраженія. «Очевидно,— говоритъ онъ, — что, по Рабье, *A* наличнаго представленія не было, въ буквальномъ смыслѣ слова, тѣмъ же самымъ, что и *A* прежняго представленія. Если же, въ процессѣ мысли, эти *A* образовали д в а, то нельзя проходить молчаніемъ вызовъ того изъ нихъ, которое составляло часть прежняго представленія, тѣмъ, которое составляетъ часть представленія наличнаго. Въ этомъ случаѣ слѣдовало бы какънибудь различать A^1 и A^2, или лучше—*A* и *a*. Представленіе *ABCD* есть группа ощущеній; вызванное представленіе *AXYZ* есть группа образовъ. Въ новомъ представленіи *A* есть ощущеніе, съ которымъ связаны ощущенія *BCD*. Въ вызванномъ представленіи *A* есть образъ, съ которымъ связаны образы *XYZ*. Всѣмъ извѣстно различіе между образами и ощущеніями... Всѣ согласны, что *A* воспроизводимаго представленія отличается отъ *A* воспроизводящаго представленія, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что оно слабѣе. Это различіе должно быть отмѣчено и въ тѣхъ символахъ, которыми мы пользуемся: группа ощущеній или представленій, служащихъ исходнымъ пунктомъ воспроизведенія, пусть будетъ обозначена черезъ *ABCD*, а группа воспроизводимыхъ образовъ или представленій—черезъ *axyz*. Тогда нельзя будетъ не замѣтить слѣдующаго: во-первыхъ, что ощущеніе *A* вызываетъ не ощущенія *XYZ*, а образы *xyz*; во-вто-

рыхъ, что оно вызываетъ образы xyz не иначе, какъ посредствомъ a; однимъ словомъ, что въ данномъ процессѣ слѣдуетъ различать два акта,—во-первыхъ, вызовъ по сходству образа a ощущеніемъ A и, во-вторыхъ, вызовъ по смежности образовъ xyz образомъ a» [1]).

Въ отвѣтъ на эти возраженія, Рабье [2]) отвѣчалъ рядомъ слѣдующихъ соображеній.

По мнѣнію Пильона, A'' не можетъ вызвать BCD, потому что оно никогда не было дано съ ними въ отношеніи смежности. Но вѣдь и то a', которое указываетъ Пильонъ, въ строгомъ смыслѣ слова не есть нѣчто, сознававшееся прежде. Нельзя же допустить ихъ субстанціональную общность! «Я не вижу основаній,—говоритъ Рабье,—почему ощущеніе A'' или воспоминаніе объ этомъ ощущеніи (a''), тожественныя (spécifiquement identiques) съ A' и a' и психологически неотличимыя отъ A' и a', не обладали бы тѣмъ же самымъ внушающимъ вліяніемъ. Мнѣ кажется безполезнымъ предполагать здѣсь еще нѣчто среднее—a'».

Рабье не отрицаетъ возможности утверждать, что «одна идея имѣетъ свойство вызывать другую, которую впослѣдствіи умъ, въ силу способности воспринимать отношенія, признаетъ сходною съ первой» [3]). Этого факта нельзя отвергать. Но вѣдь, утверждая существованіе ассоціаціи сходства, хотятъ сказать не только это, а нѣчто большее: ссылкою на ассоціацію сходства желаютъ объяснить данное явленіе, сказать, что одна идея вызывается другою именно вслѣдствіе самаго сходства.

---

[1]) Ibidem, 209.

[2]) E. Rabier, «A propos de l'association par ressemblance», La critique philosoph., 1885, I, 460.

[3]) Pillon, La critique philosoph., 1885, I, 194.

Кромѣ Рабье, Пильону отвѣчалъ Поланъ, настаивавшій на томъ, что сходство психическихъ состояній можетъ быть установлено лишь на основаніи данныхъ того сознанія, въ которомъ эти состоянія существуютъ и что объективнаго значенія «сходство» въ данномъ случаѣ имѣть не можетъ [1]).

Полемика между Рабье и Пильономъ интересна въ томъ отношеніи, что въ ней ясно ставится на очередь вопросъ, уже раньше намѣченный Бэномъ,— о сознательныхъ и безсознательныхъ факторахъ сходства. Какъ мы видѣли, Пильонъ готовъ признать дѣйствіе ассоціаціи сходства въ такихъ случаяхъ, когда это сходство «еще не воспринимается» умомъ, въ которомъ происходитъ процессъ воспроизведенія, и существуетъ лишь объективно, для другого ума. Для послѣдующихъ психологовъ возникаетъ такимъ образомъ задача—изслѣдовать, на сколько цѣлесообразно, разсуждая объ ассоціаціи сходства, допускать сходство какъ нѣчто нами не сознаваемое. Вслѣдствіе такой постановки вопроса проблема ассоціаціи сходства чрезвычайно осложняется. Ея рѣшеніе естественно ставится въ зависимость отъ общаго пониманія нами душевной жизни и методовъ ея изученія. Изъ частнаго вопроса выростаетъ общій, принципіальный вопросъ.

Усложненію проблемы ассоціаціи сходства значительно долженъ былъ способствовать и выдвинутый въ данной полемикѣ вопросъ объ отношеніи между исходными пунктами воспроизведенія, какъ ощущеніями, и продуктами воспроизведенія, какъ образами, т.-е. вопросъ объ отличіи тѣхъ моментовъ сознанія, которые Пильонъ обозначалъ знаками *A*

---

[1]) F. Paulhan, La réalité des rapports, (La critique philosoph., 1885, I, 302).

и a, указывая на сравнительную слабость послѣднихъ. Конечно, различіе между ощущеніями и образами (въ томъ смыслѣ, въ какомъ употреблялъ эти слова Пильонъ) существуетъ. Но въ чемъ заключается существо этого различія? Въ данныхъ ли психическихъ элементахъ, взятыхъ самихъ по себѣ, т.-е. въ ихъ особенномъ качествѣ и количествѣ, или только въ ихъ различномъ пониманіи нами, т.-е. въ различіи того положенія, которое они занимаютъ въ общемъ состояніи нашего сознанія? Въ зависимости отъ разнаго рѣшенія этого основного вопроса и самый процессъ ассоціаціи по сходству можно было представлять себѣ различнымъ образомъ. Признавая существенное (качественное или количественное) различіе между A и a, какъ элементами сходныхъ комплексовъ ABC (внушающаго) и axy (внушаемаго), слѣдовало представлять себѣ воспроизведеніе комплексомъ ABC комплекса axy въ видѣ ряда:

$$A + a + xy.$$

Признавая же, что все различіе между A и a зависитъ лишь отъ того, что A связано въ сознаніи съ одними элементами (BC), а a съ другими (xy), данный процессъ воспроизведенія можно понять какъ рядъ:

$$A + x + y \ (= axy).$$

Между тѣмъ и другимъ способомъ объясненія возможно, впрочемъ, было бы предположить и третій, который можно было бы изобразить формулой:

$$A + x + y + a,$$

гдѣ a отличается отъ A разной степенью интенсивности.

Во всякомъ случаѣ, не трудно замѣтить, что теперь въ вопросѣ объ ассоціаціи сходства очень важнымъ пунктомъ явилось уясненіе отношенія между

A и *a*. Типичный примѣръ такого отношенія (какъ показалъ Бэнъ) дается намъ въ процессахъ узнаванія. Поэтому естественно ожидать, что въ ближайшей исторіи вопроса объ ассоціаціи сходства на первый планъ будетъ выдвинутъ именно анализъ процесса узнаванія.

Дѣйствительно, мы это и находимъ въ поучительной полемикѣ, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велась между Леманомъ и Гефдингомъ.

VII.

Леманъ, Геффдингъ и Вундтъ.

Началомъ большого спора объ ассоціаціи сходства въ ея отношеніи къ ассоціаціи смежности послужила статья Альфреда Лемана «Объ узнаваніи», появившаяся въ V томѣ журнала Вундта «Philosophische Studien» (A. Lehmann. Ueber Wiedererkennen. Phil. Stuod. V B., 1 H. 1888. Стр. 96—156).

Въ началѣ своей работы авторъ дѣлаетъ сжатый обзоръ исторіи ученія объ ассоціаціяхъ. Отмѣтивъ Аристотеля, какъ родоначальника ученія объ ассоціаціяхъ, онъ высказываетъ мысль, что четыре аристотелевскихъ закона воспроизведенія (по сходству, противоположности, одновременности и послѣдовательности), по всей вѣроятности, обозначали совсѣмъ не причины ассоціаціи, а только ихъ формы. Съ тѣхъ поръ, какъ психологи начали глубже задумываться надъ взаимнымъ отношеніемъ этихъ формъ, явилось естественное стремленіе сократить ихъ основное количество, и въ настоящее время можно считать общепринятымъ признаніе ассоціаціи по противоположности частнымъ видомъ ассоціаціи по сходству; ассоціаціи же по одновременности и послѣдовательности обыкновенно разсматриваются, какъ частные виды ассоціаціи по смежности.

«Въ современной психологіи, — говоритъ А. Ле-

манъ,—эти два закона—смежности и сходства—обыкновенно ставятся наряду другъ съ другомъ, хотя и дѣлались попытки свести ихъ къ одному закону, или, лучше сказать, принять одинъ изъ нихъ за основной законъ для всѣхъ ассоціацій, такъ что другой явился бы только производной формой. Такое стремленіе съ научной точки зрѣнія находитъ полное оправданіе, такъ какъ цѣлью всякой науки служитъ установка общихъ положеній. Поэтому, если безъ всякихъ натяжекъ можно нѣсколько законовъ замѣнить однимъ, всецѣло ихъ обнимающимъ, то это надо считать научнымъ успѣхомъ». Спрашивается: въ какой степени возможно понять ассоціацію смежности, какъ особую форму выраженія закона сходства, или ассоціацію сходства, какъ особую форму выраженія закона смежности?

Въ концѣ своей статьи [1]) Леманъ приходитъ къ признанію гипотезы сходства совершенной излишней для объясненія явленій ассоціаціи. «Она можетъ имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если будетъ угодно считать представленія непреходящими величинами (als unvergängliche Grösse), которыя чисто внѣшнимъ образомъ связываются другъ съ другомъ (sich an einander heften), восходятъ и погружаются въ сознаніи. Напротивъ, если признать, что представленія суть состоянія, то принятіе чистой ассоціаціи сходства непремѣнно приведетъ къ совершенно нелѣпымъ взглядамъ на представленія и ихъ взаимную связь. Изъ этого слѣдуетъ, что гипотеза сходства находитъ себѣ оправданіе лишь настолько, насколько она необходима для объясненія какого-нибудь явленія, которое безъ нея осталось бы совершенно непонятымъ. Такимъ явленіемъ,

[1]) Philosoph. Studien, V. B., 152.

повидимому, оказывается узнаваніе простыхъ ощущеній, которое какъ будто бы очень легко можно объяснить гипотезой сходства»... Однако при болѣе внимательномъ разборѣ вопроса оказывается, что «теорія смежности вполнѣ можетъ объяснить явленія узнаванія, между тѣмъ какъ гипотеза сходства не только не въ состояніи объяснить ихъ, но въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже противорѣчитъ опыту» (154). Отсюда слѣдуетъ, что ассоціація сходства можетъ имѣть только чисто-формальное значеніе. Изъ практическихъ соображеній можно, подобно Вундту, раздѣлять ассоціаціи на внутреннія (по сходству) и внѣшнія (по смежности), но тогда твердо нужно помнить, что связи по сходству суть только формы ассоціаціи. Строго говоря, Вундтъ только на это намекнулъ, утверждая, что «внѣшнія ассоціаціи можно считать подготовительной ступенью (eine Vorstufe) къ внутреннимъ ассоціаціямъ, а эти послѣднія, въ свою очередь, подготовительной ступенью къ апперцептивнымъ связямъ» («Physiologische Psychologie», II, S. 305). «Насколько мнѣ извѣстно,—говоритъ Леманъ,—въ послѣднее время только Кроманъ (Kroman, «Tänke—og Själeläre», Kopenh. 1882. Стр. 106) ясно высказался по этому вопросу: «Сходство никогда не можетъ быть причиной ассоціаціи, и отсюда вытекаетъ научная задача всюду, гдѣ формальная связь по сходству представляется особенно интересной, показать, какъ она первоначально образовалась изъ смежности».

Полагая, что гипотеза сходства, какъ закона ассоціацій, лишена всякаго психологическаго значенія, Леманъ думаетъ, что она должна быть отвергнута и съ болѣе общей, гносеологической точки зрѣнія. Его разсужденія по этому вопросу связаны съ разборомъ мнѣнія Риля. Риль (Riehl, «Der philosophische

Kriticismus», II B. 2 S. 214) выяснилъ, что ассоціація сходства, повидимому, противорѣчитъ всему современному пониманію взаимоотношенія духа и тѣла, т.-е. монистической теоріи. «Въ томъ фактѣ,—говоритъ онъ,—что психологическія явленія связываются не только по одновременности и послѣдовательности, но также по внутреннему сродству и сходству, заключается отклоненіе отъ закона соотвѣтствія внутренняго и внѣшняго. Не затрудняясь указать въ общихъ свойствахъ механизма нервной субстанціи объективные факты, соотвѣтствующіе внѣшней ассоціаціи психическихъ явленій (такъ какъ этотъ механизмъ всюду черезъ повтореніе приводитъ къ упорядоченію движеній и ихъ навыку [und deren Einübung]), мы не можемъ составить себѣ представленія механическаго характера объ ассоціаціи по внутреннему сродству» (Ibidem, II Bd. 2 S. 214). Поэтому Риль называетъ связи по сходству психическими ассоціаціями, въ противоположность связямъ по смежности, которыя могутъ быть объяснены физіологически. При этомъ Риль прибѣгаетъ къ понятію «функціи единства сознанія» (Einheitsfunction des Bewusstseins), дѣйствіемъ котораго должна быть психическая ассоціація. «Я думаю,—говоритъ по этому поводу Леманъ, — что это объясненіе не совсѣмъ удовлетворительно по своей черезчуръ большой широтѣ; оно обнимаетъ какъ ассоціацію по сходству, такъ и ассоціацію по смежности. Если мы еще не настолько знаемъ природу нервной системы, чтобы быть въ состояніи дать физіологическое объясненіе ассоціаціямъ по смежности, то, разумѣется, ничто намъ не можетъ помѣшать отнести также и ихъ къ функціи единства сознанія. Всякая связь представленій, въ концѣ концовъ, можетъ быть понята, какъ результатъ объединяющей дѣятельности, и поэтому

мнѣ кажется въ высшей степени страннымъ раздѣлять два столь сродныхъ явленія, какъ внутреннія и внѣшнія ассоціаціи, устанавливая для каждаго изъ нихъ совершенно особое объясненіе. Если одно изъ этихъ явленій есть дѣйствіе стремленія сознанія къ единству, то почему же и другое не можетъ считаться такимъ дѣйствіемъ? И если для одного изъ нихъ требуютъ физіологическаго объясненія, то почему же не потребовать и для другого?.. Поэтому и въ теоретическомъ отношеніи слѣдуетъ считать успѣхомъ установку взгляда на ассоціацію сходства, какъ форму, причины которой нужно искать въ смежности. Такимъ путемъ можно будетъ послѣдовательно провести физіологическое объясненіе ассоціаціонныхъ явленій» (155).

Итакъ, необходимость признавать ассоціацію сходства только формой выраженія закона смежности Леманъ основываетъ на слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Сведеніе ассоціаціи сходства къ ассоціаціи смежности является важнымъ научнымъ обобщеніемъ, способствующимъ построенію цѣлостнаго пониманія психическаго міра въ его отношеніи къ физіологическимъ явленіямъ.

2) Признаніе гипотезы сходства оказывается совершенно безполезнымъ для объясненія явленій ассоціаціи.

3) Принятіе чистой ассоціаціи сходства приводитъ къ совершенно нелѣпымъ взглядамъ на представленія и ихъ взаимную связь.

4) Гипотеза сходства противорѣчитъ опыту.

Чѣмъ же доказываетъ Леманъ справедливость всѣхъ этихъ положеній?

Относительно перваго (такъ сказать, гносеологическаго) положенія онъ распространяется немного,

довольствуясь въ данномъ случаѣ тѣми бѣглыми соображеніями, которыя уже были приведены выше. Но послѣдніе три пункта выяснены имъ достаточно подробно. Разсмотримъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

Для установки положенія, что признаніе гипотезы сходства совершенно безполезно для объясненія ассоціацій, Леманъ, прежде всего, старается точно выяснить различіе между ассоціаціями сходства и смежности. «Обозначимъ представленія, данныя путемъ внѣшнихъ раздраженій, буквами A, B, C..., а тѣ же самыя представленія, возникшія путемъ воспроизведенія,—буквами a, b, c... Числами 1, 2, 3... n мы будемъ обозначать сравнительно позднее появленіе въ сознаніи какого-нибудь единичнаго опредѣленнаго представленія. Такъ A_n обозначаетъ чувственное представленіе, которое отдѣлено отъ даннаго мгновенія $n-1$ чувственныхъ представленій того самаго вида; a_n обозначаетъ воспроизведеніе A_n. Чистая ассоціація сходства имѣетъ мѣсто, если чувственно данное представленіе (eine durch die Sinne gegebene Vorstellung) связывается со сходными съ нимъ представленіями. Схемой ея служитъ: $A+(a_1+a_2+\ldots+a_n)$. Чистая ассоціація по смежности, напротивъ, имѣетъ мѣсто тогда, если чувственно данное представленіе связывается съ другими представленіями, которыя прежде были одновременными съ нимъ или непосредственно за нимъ слѣдовали. Схемой ея служитъ: $A+(b+c\ldots)$».

Вдумываясь въ эти схемы, по мнѣнію Лемана, прежде всего надо придти къ заключенію, что ассоціація по сходству совершенно безполезна для объясненія ассоціаціи смежности. Въ этомъ случаѣ Леманъ пользуется разборомъ слѣдующаго примѣра: взглянувъ на яблоко (A), мы вспоми-

наемъ древо познанія добра и зла (b), змѣя (c), Адама (d), Еву (e) и т. д. Спрашивается, съ чѣмъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло—съ ассоціаціею смежности или сходства? Съ перваго раза можетъ показаться, что здѣсь—чистая ассоціація смежности: представленія яблока, древа познанія добра и зла, змѣя и т. д. въ нашей ранней юности часто являлись въ сознаніи одновременно и если A теперь снова сознается нами, то, по смежности, оно влечетъ за собою b, c, d... Съ другой стороны, нельзя отрицать, что A можетъ сначала вызвать представленія различныхъ другихъ яблокъ (a_1, a_2, a_3...), и уже отъ одного изъ нихъ можетъ быть сдѣланъ переходъ къ b, c, d... Допустимъ на время послѣднее. Примемъ, что A сначала вызываетъ $a_1 + a_2 + a_3 + \ldots + a_n$ и что b вызывается однимъ изъ этихъ промежуточныхъ членовъ. Тогда мы получили бы слѣдующую схему: $A + (a_1 + a_2 + \ldots + a_n) + b + c + \ldots$ Но развѣ можно сказать, что въ этой схемѣ переходъ отъ A къ b объясняется ассоціаціей сходства? Ничуть. Здѣсь задача не рѣшена, а только отодвинута. Какимъ образомъ a_n можетъ воспроизвести b? Только по смежности. Если бы представленія яблока (A) и древа познанія (B) никогда не были даны въ моемъ сознаніи одновременно или послѣдовательно, то, очевидно, A могло бы безъ конца воспроизводить $a_1 + a_2 + a_3 \ldots$, не вызывая въ то же время представленія b.

Но признаніе гипотезы сходства безполезно и для объясненія такъ называемыхъ «ассоціацій по сходству», потому что онѣ получаютъ удовлетворительное объясненіе при помощи ассоціаціи смежности.

Возьмемъ такой примѣръ: рѣчь о Наполеонѣ вызываетъ мысль объ Александрѣ Великомъ. Можно

сказать, что имя одного полководца вызывается именемъ другого, благодаря сходству въ ихъ жизни. Имя Наполеона (A) вызываетъ представленіе о великомъ полководцѣ (b), многихъ битвахъ (c), чужихъ странахъ (d) и т. д. Представленіе b воспроизводитъ рядъ $b_1 + b_2 + b_3 + \ldots + b_p$ (прежнія представленія великихъ полководцевъ), c воспроизводитъ $c_1 + c_2 + c_3 + \ldots c_q$ (прежнія представленія выигранныхъ битвъ), d вызываетъ $d_1 + d_2 + d_3 + \ldots + d_r$ и т. д., и уже къ этимъ представленіямъ, воспроизведеннымъ по сходству, примыкаетъ W (Александръ). Все это можно выразить слѣдующей схемой:

$$A + (a_1 + a_2 + \ldots a_n) \left\{ \begin{matrix} b + (b_1 + b_2 + \ldots + b_p) \\ c + (c_1 + c_2 + \ldots + c_q) \\ d + (d_1 + d_2 + \ldots + d_r) \end{matrix} \right\} W$$

При ближайшемъ разсмотрѣніи этого типичнаго примѣра, оказывается, что сходство играетъ въ немъ довольно ничтожную роль, потому что, какъ выше было показано, переходъ отъ a_n къ b, c, d точно такъ же, какъ переходъ отъ b_p, c_q, d_r къ W, можетъ быть сдѣланъ только по смежности. Разборъ даннаго примѣра убѣждаетъ насъ въ томъ, что такъ называемая ассоціація по сходству (насколько она проявляется въ этомъ типичномъ случаѣ) есть очень сложное явленіе, въ которомъ ассоціація смежности играетъ несомнѣнно важную роль. Мало того. «Для объясненія такихъ ассоціацій, которыя имѣютъ форму ассоціаціи сходства (какъ, напр., между представленіями Наполеона и Александра) чистая гипотетическая связь по сходству оказывается ненужной. Очень легко можно себѣ представить, что A прямо по смежности вызываетъ $b + c + d + \ldots$, а эти послѣднія, въ свою очередь, тоже прямо по смежности, вызываютъ W, такъ что вся схема приметъ слѣдующій видъ:

$$A \left\{ \begin{matrix} b \\ c \\ d \end{matrix} \right\} W.$$

При такомъ пониманіи, всѣ отношенія, имѣющія форму ассоціаціи сходства, на самомъ дѣлѣ оказываются ассоціаціями по смежности».

Доказывая необходимость признанія ассоціаціи сходства, какъ особаго закона отношенія представленій, часто ссылаются на явленія узнаванія. Но, по мнѣнію Лемана, признаніе гипотезы сходства безполезно и для объясненія явленій узнаванія. Прослѣдимъ способъ доказательства этой мысли.

Между представленіемъ A, впервые появившимся въ сознаніи, и представленіемъ A, снова возникшимъ и узнаннымъ,—съ психологической точки зрѣнія, есть не малая разница. Въ чемъ же она заключается? Гипотеза сходства говоритъ, что эта разница основана на слѣдующемъ: въ первый разъ A изолировано, при позднѣйшемъ же появленіи въ сознаніи оно можетъ вопроизводить болѣе раннія представленія A (т.-е. $a_1 + a_2 + \ldots a_n$), которыя сливаются съ наличнымъ представленіемъ A и этимъ самымъ обусловливаютъ его узнаваніе. Схемой узнаннаго представленія, съ точки зрѣнія гипотезы сходства, является: $A + (a_1 + a_2 + \ldots + a_n)$. И если a_n при этомъ воспроизводитъ еще представленія b, c, d..., то, какъ утверждаютъ сторонники гипотезы сходства, передъ нами—узнаваніе съ обстоятельствами.

Однако явленія узнаванія, по мнѣнію Лемана, могутъ быть вполнѣ удовлетворительно объяснены при помощи одного лишь основного закона—ассоціаціи смежности.

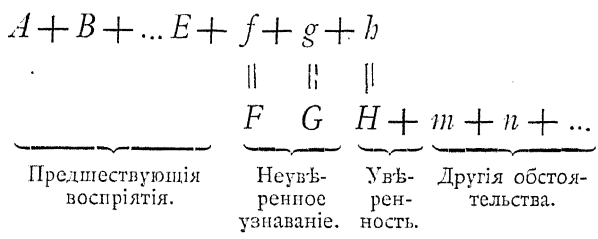
Для пониманія этого положенія прежде всего нужно помнить, что представленіе, получаемое пу-

темъ раздраженія органовъ чувствъ (S), можно разсматривать какъ состоящее изъ ряда единичныхъ воспріятій: $S = A + B + C + D + \ldots$ Если эти воспріятія о д н а ж д ы или нѣсколько разъ сознавались вмѣстѣ, то, при послѣдующемъ воспроизведеніи A, по смежности воспроизводятся b, c, d... Тогда возникаетъ ожиданіе, что въ ближайшій моментъ предметами воспріятія явятся B, C, D... Если это наступаетъ (при чемъ B признается равнымъ воспроизведенному образу b, $C = c$, $D = d$ и т. д.), то предметъ узнанъ. Съ этой точки зрѣнія, схема узнаванія принимаетъ слѣдующій видъ:

$$\begin{array}{ccccccc} A & + & b & + & c & + & d & + \ldots \\ & & \| & & \| & & \| & \\ & & B & & C & & D & \end{array}$$

Такое объясненіе узнаванія при помощи ассоціаціи смежности кажется Леману не только совершенно замѣняющимъ объясненіе, выдвигаемое гипотезой сходства, но и болѣе соотвѣтствующимъ опыту. Эта мысль развивается на слѣдующемъ примѣрѣ.

Мы гуляемъ по мѣстности, гдѣ прежде, какъ намъ кажется, никогда не были. Вдругъ всѣ окрестности представляются намъ очень знакомыми. «Я какъ будто узнаю тамъ домикъ и холмъ; тамъ внизу дорога поворачиваетъ и я долженъ встрѣтить мостъ черезъ маленькую долину». Если мы пойдемъ дальше и дѣйствительно увидимъ мостъ, то у насъ явится убѣжденіе, что мы прежде здѣсь уже были. Увѣренное узнаваніе въ данномъ случаѣ происходитъ вслѣдствіе того, что воспроизведенный образъ (мостъ и долина) оцѣнивается, какъ совпадающій съ позднѣйшими воспріятіями. Схема всего процесса можетъ быть представлена такъ:



Такая схема, по мнѣнію Лемана, вполнѣ соотвѣтствуетъ самонаблюденію, между тѣмъ какъ самое существованіе чистыхъ ассоціацій сходства (въ противоположность тому, что приверженцы гипотезы сходства называютъ «узнаваніемъ съ обстоятельствами») не можетъ быть доказано самонаблюденіемъ (102). Правда, защитники гипотезы сходства указываютъ, что при помощи ассоціаціи смежности нельзя объяснить узнаванія единичныхъ, изолированныхъ ощущеній. Но слѣдуетъ еще доказать, что узнаваніе подобнаго рода ощущеній (допускаемое и объяснямое гипотезой сходства) вообще возможно. «Наблюденія обыденной жизни,—говоритъ Леманъ,—скорѣе заставляютъ насъ принять невозможность такого узнаванія. Если дама, нѣсколько мѣсяцевъ занимаясь вышиваніемъ, истратила матеріалъ извѣстнаго цвѣта, то она не можетъ пойти въ магазинъ и среди сотни оттѣнковъ найти тотъ самый цвѣтъ, какой для нея требуется. Она непремѣнно должна взять съ собой образчикъ—и не для того только, чтобы облегчить себѣ нахожденіе нужнаго оттѣнка, но именно для того, чтобы сдѣлать его возможнымъ, потому что иначе она была бы не въ состояніи узнать требуемый цвѣтъ. Опыты Вольфе съ узнаваніемъ высоты тоновъ [1]) также показываютъ, что

[1]) Wolfe, «Untersuchungen über das Tongedächtniss. Philosophische Studien» B. III.

увѣренное узнаваніе возможно только при совершенно особыхъ условіяхъ» [1]).

Для доказательства того, что принятіе чистой ассоціаціи сходства приводитъ къ совершенно нелѣпымъ взглядамъ на представленія и ихъ взаимную связь, Леманъ пользуется разборомъ возраженій, выставляемыхъ защитниками гипотезы сходства противъ указаннаго выше объясненія явленій ассоціаціи по сходству ассоціаціями по смежности, т.-е. противъ схемы:

$$A \left\{ \begin{matrix} b \\ c \\ d \end{matrix} \right\} W$$

По мнѣнію защитниковъ гипотезы сходства, въ этой схемѣ не принимается во вниманіе, что съ B было связано не вновь появившееся A (das aufs Neue auftauchende A), но болѣе раннее представленіе A, т.-е. A_n. И b можетъ быть воспроизведено лишь постольку, поскольку A можетъ воспроизвести A_n, т.-е. вызвать a_n. Иначе говоря, b можетъ быть вызвано только посредствомъ a_n, какъ промежуточнаго члена, и, слѣдовательно, безъ гипотезы чистой ассоціаціи сходства невозможно понять отношеніе A къ b.

По мнѣнію Лемана, такое возраженіе, въ концѣ концовъ, основано на недоразумѣніи. «Если представленіе A возникаетъ повторнымъ образомъ путемъ внѣшнихъ раздраженій, то всѣ эти, въ остальныхъ отношеніяхъ однородныя, состоянія сознанія мы, по условію, обозначаемъ какъ A_1, A_2, A_3, ... A_n, гдѣ возрастающія обозначенія 1, 2, 3... n показываютъ, что существованіе даннаго представленія въ сознаніи, по времени, отстоитъ сравнительно дальше. Соотвѣтствующими маленькими буквами a_1, a_2 ... a_n

[1]) Philosoph. Studien, V, 113.

мы обозначали тѣ же самыя состоянія, только воспроизведенныя, т.-е. возникшія въ другой моментъ времени и не подъ воздѣйствіемъ внѣшняго раздраженія, а подъ воздѣйствіемъ какого-нибудь представленія. Слѣдовательно, символъ a_n обозначаетъ состояніе, совершенно сходное съ состояніемъ A_n, и отличное отъ него только въ томъ, что оно вызывается въ другой моментъ и подъ воздѣйствіемъ внутренней, психической (а не внѣшней, физической) причины. Отсюда ясно, что a_n настолько же мало было одновременнымъ въ сознаніи съ B, какъ и наличное представленіе A. A_n было одновременно съ B, но a_n—это такое же состояніе, какъ и A_n, но только явившееся въ другой моментъ времени. Какъ же слѣдуетъ понимать утвержденіе, что A можетъ воспроизвести b только посредствомъ прежнихъ представленій объ A, т.-е. $(a_1+a_2+\ldots+a_n)$? A и a_n находятся въ равномъ отношеніи къ B, потому что они обозначаютъ одно и то же состояніе, взятое въ одинъ и тотъ же моментъ—съ той только разницей, что A вызвано воспріятіемъ, а a_n—какой-то неизвѣстной дѣятельностью. И если не можетъ вызвать b, то какъ же можетъ сдѣлать это a_n?» [1]).

По мнѣнію Лемана, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ удивительно грубымъ, чувственнымъ способомъ пониманія. Здѣсь можно предположить два случая. Во-первыхъ, представленія могутъ мыслиться какъ реальныя величины, гладкіе атомы съ зацѣпками, которыми они, одновременно появляясь въ сознаніи, могутъ связываться другъ съ другомъ, для того, чтобы, объединившись такимъ образомъ упасть въ уголъ (in einen Winkel), гдѣ они могли бы лежать до тѣхъ поръ, пока ихъ не подцѣпитъ и не выта-

[1]) Ibidem, 104.

щитъ другое представленіе. Въ такомъ случаѣ, конечно, приходится утверждать, что представленіе A необходимо должно быть при помощи нѣкоторыхъ промежуточныхъ членовъ связано съ представленіемъ a_n, которое, съ другой стороны, связано съ b, чтобы заставить это послѣднее появиться. Во-вторыхъ, можно твердо знать, что представленія суть состоянія сознанія, но при этомъ забывать, что воспроизведенныя представленія A (т.-е. $a_1 + a_2 + a_3 \ldots a_n$) одновременны съ A. Вѣроятно, именно поэтому думаютъ, что a_1, a_2, $a_3 \ldots a_n$ суть болѣе раннія состоянія сознанія, которыя (подобно дѣйствительнымъ, реальнымъ величинамъ) могутъ вновь появиться въ любой моментъ времени. По этому взгляду, A есть нынѣшнее состояніе (ein jetziger Zustand), a—то же самое состояніе, отличающееся отъ A только тѣмъ, что оно имѣло мѣсто, напримѣръ, вчера. Слѣдовательно, утверждая, что a вызывается состояніемъ A, желаютъ лишь сказать, что нынѣшнее состояніе вызываетъ вчерашнее. Но отъ этого дѣло не улучшается. Вѣдь бывшее состояніе никогда не возвращается. Впослѣдствіи можетъ явиться состояніе точно такого же рода, силы и распространенности (Ausdehnung), какъ прежнее, но какимъ образомъ возможно понять, что состояніе, характеризуемое именно тѣмъ, что оно нѣсколько времени тому назадъ прекратилось, само снова появляется? Такъ думать—значитъ прежде всего допускать нелѣпость. «Ассоціація сходства можетъ казаться имѣющей значеніе только при чисто матеріальныхъ или абсурдныхъ взглядахъ на представленія, и если только не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы принять подобные взгляды, то является совершенно непонятнымъ не только то, какую пользу можетъ принести ассоціація сходства, но и то, какъ вообще возможно

ее мыслить». Вѣдь $A+(a_1+a_2+a_3...+a_n)$ обозначаетъ только $n+1$ повтореній очень близкихъ другъ другу состояній въ одинъ и тотъ же моментъ. Эти состоянія существуютъ въ сознаніи не самостоятельно и не наряду другъ съ другомъ, потому что въ такомъ случаѣ наряду съ образомъ A, вызваннымъ путемъ внѣшняго раздраженія, должно было бы n разъ повторяться то же самое представленіе, чего на самомъ дѣлѣ не бываетъ. Слѣдовательно, эти сходныя состоянія $n+1$ сливаются въ одно. Это можно легко себѣ представить. Одновременные толчки (Stösse) $n+1$ могутъ дѣйствовать какъ одинъ толчекъ, но этотъ толчекъ долженъ быть въ $n+1$ разъ сильнѣе, чѣмъ каждый изъ отдѣльныхъ. Но по гипотезѣ сходства этого не выходитъ. Состояніе $A+(a_1+a_2+...a_n)$ должно быть мыслимо не интенсивнѣе A; мы имѣемъ здѣсь не количественное, а качественное различіе, образуемое сложеніемъ $a_1+a_2+...+a_n$ съ A. Опять громадное затрудненіе. Непонятно, какимъ образомъ сумма $(n+1)$ слагаемыхъ почти равной величины можетъ дать, вмѣсто количественнаго, качественное измѣненіе состоянія. Дѣйствительно, невольно хочется спросить: не слѣдуетъ ли считать принятіе чистой ассоціаціи сходства излишней и въ высшей степени неестественной гипотезой?» [1]).

Для доказательства того, что гипотеза сходства противорѣчитъ опыту, Леманъ ссылается на свои собственныя изслѣдованія.

Эксперименты Лемана были поставлены слѣдующимъ образомъ.

Въ темной комнатѣ были установлены (на высотѣ 130 сантиметровъ отъ пола) двѣ керосиновыя лампы

---

[1]) Ibidem, 106.

(съ горѣлкой «солнце»). Разстояніе между ихъ пламенемъ равнялось 47 сантим. Высота пламени равнялась 4 сант., а сила свѣта—приблизительно 16 нормальнымъ свѣчамъ. Отъ глазъ наблюдателя пламя лампъ было закрыто черными щитами, такъ что наблюдатель, сидѣвшій передъ ними, могъ видѣть только свѣтъ, падающій на помѣщенные сзади лампъ (на разстояніи 170 сант. отъ нихъ) два вращающихся аппарата, какіе обыкновенно употребляются для смѣшиванія цвѣтовъ. Радіусъ круговъ былъ равенъ 10 сант., а центръ ихъ помѣщался на высотѣ 118 сант. отъ пола, на уровнѣ глазъ наблюдателя. Передъ вращающимися аппаратами находилась черная неподвижная ширма, позволявшая видѣть только одни круги. Кромѣ этой ширмы, были устроены еще двѣ—подвижныя, закрывавшія, когда нужно, круги, такъ что наблюдатель въ любой моментъ могъ видѣть или оба круга, или только одинъ изъ нихъ.

Опыты производились надъ четырьмя лицами. Способъ производства изслѣдованія простого узнаванія заключался въ слѣдующемъ. Сначала показывался одинъ кругъ, принятый за нормальный, который обозначимъ буквой n. По прошествіи извѣстнаго времени t появлялся или n, или болѣе свѣтлый кругъ l, или болѣе темный m, причемъ наблюдатели должны были рѣшить, былъ ли послѣдній кругъ равенъ первому, по своему оттѣнку, или нѣтъ. Послѣ паузы (продолжительность которой бывала болѣе t) снова показывался n, и, по истеченіи времени t, опять появлялся или n, или l, или m. Это повторялось 10 разъ съ тѣми же самыми n, l и m, послѣ чего переходили къ другому ряду, гдѣ n, l и m (а при нѣкоторыхъ опытахъ и t) имѣли другую величину. Для того, чтобы на результаты изслѣдованія не оказывало вліянія постепенное упражненіе, примѣнялась соотвѣтствующая группи-

ровка отдѣльныхъ наблюденій. Такъ, напр., если въ одинъ день ряды слѣдовали въ порядкѣ 1, 2, 3..., то въ слѣдующій день принимался порядокъ 2, 3, 1..., затѣмъ—1, 3 и т. д. Такимъ образомъ, упражненіе должно было до извѣстной степени равномѣрно распредѣляться по всѣмъ рядамъ и вліяніе посторонних̀ъ факторовъ по возможности уменьшаться.

Какимъ же образомъ возможно было воспользоваться результатами подобнымъ образомъ поставленныхъ изслѣдованій для доказательства того, что признаніе ассоціаціи сходства противорѣчитъ даннымъ опыта?

Излагая результаты своихъ экспериментовъ, Леманъ ставитъ вопросъ: слѣдовало ли ожидать, что *n* чаще будетъ подвергаться смѣшенію, чѣмъ *l* и *m*, среди которыхъ оно узнавалось? «Обѣ теоріи (т.-е. гипотеза сходства и гипотеза смежности) въ данномъ случаѣ должны,—говоритъ Леманъ,—выставить вполнѣ опредѣленныя, но противорѣчивыя ожиданія, такъ что именно эта проблема въ состояніи помочь намъ составить рѣшительное сужденіе о томъ, какая изъ этихъ теорій лучше всего можетъ объяснить данныя опыта» [1]).

Въ виду того особеннаго значенія, какое Леманъ придаетъ этимъ результатамъ своихъ наблюденій, полезно будетъ цѣликомъ привести его объясненіе.

«Съ точки зрѣнія гипотезы сходства, дѣло должно обстоять стѣдующимъ образомъ. Чѣмъ чаще повторяется ощущеніе, тѣмъ легче оно должно узнаваться (при совершенномъ равенствѣ другихъ условій). Вліяніе упражненія основывается именно на томъ, что умножается количество однородныхъ ощущеній, вслѣдствіе чего узнаваніе становится увѣреннѣе. Слѣдовательно,

[1]) Ibidem, 133.

если рядъ опытовъ поставленъ такъ, какъ у насъ, то нормальный кругъ *n* долженъ былъ узнаваться съ большею увѣренностью, чѣмъ *l*, такъ какъ онъ не только появлялся (для сужденія о немъ) одинаковое количество разъ съ *l*, но, кромѣ того, показывался еще передъ каждымъ отдѣльнымъ опытомъ. Въ рядѣ изъ 30 опытовъ *n* было показано всего 45 разъ, а *l*—только 15, и если даже отсюда не дѣлать никакого количественнаго вывода, то все-таки слѣдуетъ заключить, что *n* чаще будетъ получать правильную оцѣнку, чѣмъ *l*.

Съ точки зрѣнія теоріи смежности, отношеніе будетъ совсѣмъ другимъ. Здѣсь узнаваніе опирается на сравненіи съ образомъ воспоминанія, который является болѣе или менѣе смутнымъ и не яснымъ и на который повтореніе можетъ вліять лишь въ томъ смыслѣ, что по истеченіи извѣстнаго времени онъ оказывается не совсѣмъ въ такой степени неяснымъ (nicht ganz so unklar ist), въ какой онъ былъ бы при меньшемъ упражненіи. Здѣсь значеніе повторенія сводится лишь къ тому, что узнаваніе въ общемъ становится увѣреннѣе, но это не можетъ имѣть никакого вліянія на то, что именно получитъ наиболѣе правильную оцѣнку—*n* или *l*. Напротивъ, это должно зависѣть отъ совершенно другихъ отношеній: прежде всего, отъ вида ощущеній и затѣмъ—отъ индивидуальныхъ задатковъ. При зрительныхъ ощущеніяхъ, съ которыми мы исключительно имѣли дѣло при нашихъ опытахъ, можно было ожидать слѣдующаго. У человѣка, обладающаго яснымъ образомъ воспоминанія о нормальномъ кругѣ, не можетъ быть никакого различія въ степени увѣренности, съ которой узнаются *n* и *l*. Если показать *n*, то при сравненіи съ образомъ воспоминанія, оно будетъ воспринято какъ равное ему; если же показать *l*, то оно будетъ

воспринято какъ отличное отъ образа воспоминанія, и это ничуть не предполагаетъ (что́ бы тамъ ни говорили), будто оцѣнка одного должна совершаться съ большею увѣренностью, чѣмъ оцѣнка другого. Отсюда слѣдуетъ, что въ основѣ смѣшенія лежатъ главнымъ образомъ случайныя обстоятельства, и слѣдовательно, вѣроятность смѣшенія такъ же велика для *l*, какъ и для *n*. Напротивъ, дѣло обстоитъ иначе для того, у кого образъ воспоминанія отличается совершенной неясностью. Для такого индивидуума очень трудно, сравнивая *n* съ наличнымъ образомъ воспоминанія, придти къ признанію ихъ равенства—именно потому, что образъ воспоминанія не ясенъ. Онъ будетъ склоненъ думать, что между образомъ воспоминанія и тѣмъ, что онъ видитъ, существуетъ разница даже тогда, когда ея не должно быть и поэтому *n* будетъ часто оцѣниваться какъ *l* или *m*. Напротивъ, *l* (и *m*) съ трудомъ могутъ признаваться равными образу воспоминанія, потому что сходство этого образа съ *l* или *m* въ моментъ сравненія должно было бы быть совершенно случайнымъ. Слѣдовательно, при очень неясныхъ образахъ воспоминанія *l* (и *m*) должно чаще получать правильную оцѣнку, чѣмъ *n*. Этотъ выводъ прямо противоположенъ тому, къ чему привела насъ гипотеза сходства, и, благодаря этому, мы теперь можемъ, на основаніи опытовъ, составить сужденіе относительно обѣихъ теорій.

Таблица IV.

	v	*nv*	*xv*	*nv*—*xv*
B.	107	55	52	3
L.	165	109	56	53

Въ таб. *IV* данъ обзоръ всѣхъ ошибочныхъ оцѣнокъ, полученныхъ при 510 оцѣнкахъ, произведенныхъ двумя наблюдателями B. и L. Подъ рубрикой *v* приведено все количество смѣшеній, полученныхъ при 510 опытахъ: подъ *nv*—количество случаевъ, когда неправильно оцѣнивался нормальный кругъ *n*; подъ *xv*—сумма случаевъ, гдѣ *l* и *m* смѣшивались или между собою, или съ *n*. Слѣдовательно, разница *nv*—*xv* показываетъ, насколько чаще происходили невѣрныя оцѣнки *n*, въ сравненіи съ двумя другими кругами—*l* и *m*. Такъ какъ эта разница положительна, то, значитъ узнаваніе *n* у обоихъ наблюдателей было менѣе увѣреннымъ и точнымъ (unsicherer), чѣмъ узнаваніе *l* и *m*. Но это рѣшительно противорѣчитъ гипотезѣ сходства, которая требуетъ именно сравнительно болѣе увѣреннаго узнаванія *n*. Кромѣ того, числа показываютъ полное согласіе съ требованіями теоріи тожества. Для B., у котораго образы воспоминанія должны были отличаться большей отчетливостью [1]), увѣренность узнаванія почти одинакова какъ для *n*, такъ и для *l* и *m*. Напротивъ, L. обнаруживаетъ столь большую неувѣренность при оцѣнкѣ *n*, что допускаетъ почти двойное количество смѣшеній при оцѣнкѣ *n* въ сравненіи съ *l* и *m*. Для доказательства непригодности гипотезы сходства невозможно подыскать болѣе рѣшительнаго примѣра» [2]).

Такъ какъ въ началѣ своей работы «Ueber Wie-

---

[1]) «Наблюдатель B. изучаетъ эстетику, очень интересуется искусствомъ и обладаетъ навыкомъ въ припоминаніи пластическихъ работъ и картинъ. Напротивъ, L. математикъ и, хотя, работая полтора года въ лабораторіи (главнымъ образомъ надъ оптическими экспериментами), развилъ въ себѣ очень тонкую чувствительность къ различію цвѣтовъ, тѣмъ не менѣе, не имѣетъ никакого навыка и интереса къ ихъ припоминанію, если только не считать того интереса, который могли представлять для него опыты съ узнаваніемъ» (131).

[2]) Ibidem, 133—135.

dererkennen» Леманъ прямо заявляетъ, что она направлена противъ взглядовъ Геффдинга (Psychologie in Umrissen auf Grundlage der Erfahrung, Leipzig, 1887) и его англійскихъ единомышленниковъ, то, при обсужденіи его положеній, мы, конечно, прежде всего должны обратить вниманіе на четыре статьи «Ueber Wiedererkennen, Association und psychische Activität», которыя были напечатаны Геффдингомъ въ періодъ времени съ 1889 по 1890 годъ въ «Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie».

Своимъ статьямъ Геффдингъ придалъ форму самостоятельнаго, цѣлостнаго изложенія собственныхъ взглядовъ. Но для всякаго читателя ясно, что работа Геффдинга является прямымъ отвѣтомъ на статью Лемана, на которую дѣлаются имъ частыя ссылки.

Попробуемъ же прослѣдить, независимо отъ порядка изложенія, даннаго самимъ Геффдингомъ, какъ этотъ авторъ смотритъ на основныя положенія, выставленныя Леманомъ.

I. Леманъ старался доказать, что гипотеза сходства противорѣчитъ опыту. По мнѣнію Геффдинга, это противорѣчіе совершенно мнимое; напротивъ, отрицая ассоціацію сходства, мы становимся въ очевидное противорѣчіе съ опытомъ.

II. Леманъ старался показать, что принятіе чистой ассоціаціи сходства приводитъ къ совершенно нелѣпымъ взглядамъ на представленія и ихъ взаимную связь. Геффдингъ признаетъ подобный взглядъ недоразумѣніемъ и думаетъ, что, напротивъ, попытки свести ассоціацію сходства къ ассоціаціи смежности основаны на нѣкоторыхъ психологическихъ предразсудкахъ.

III. По взгляду Лемана, признаніе гипотезы сходства оказывается совершенно безполезнымъ для объ-

ясненія явленій ассоціаціи. Геффдингъ полагаетъ, что, отрицая ассоціацію сходства, невозможно объяснить даже ассоціацію по смежности.

IV. Леманъ утверждалъ, что сведеніе ассоціаціи сходства къ ассоціаціи смежности является важнымъ научнымъ обобщеніемъ, способствующимъ построенію цѣлостнаго пониманія психическаго міра въ его отношеніи къ физіологическимъ явленіямъ. По мнѣнію Геффдинга, подобное сведеніе ассоціаціи сходства къ ассоціаціи смежности—дѣло не выполнимое; принятіе ассоціаціи сходства, какъ процесса, несводимаго на ассоціацію смежности, не нарушаетъ цѣлостности пониманія психическаго міра въ его отношеніи къ физіологическимъ явленіямъ; стремленіе же къ научному обобщенію при психологическомъ толкованіи сходства и смежности можетъ быть удовлетворено, если признать, что въ основѣ ассоціацій представленій лежитъ «ассоціація между частью и цѣлымъ».

Какъ же Геффдингъ аргументируетъ свои положенія?

I. Противорѣчіе гипотезы сходства опыту Леманъ, какъ извѣстно, доказывалъ ссылкой на свои эксперименты. Геффдингъ признаетъ эти эксперименты совершенно непригодными для рѣшенія подобнаго рода вопроса. «Если существуютъ,—говоритъ онъ,—различные виды и формы узнаванія, то какъ же можно посредствомъ опытовъ (которые всегда должны происходить при извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ) доказывать, что при другихъ условіяхъ узнаваніе не будетъ происходить другимъ образомъ? Вѣдь яснымъ и простымъ правиломъ для всякаго экспериментальнаго изслѣдованія должно быть то, что его результаты могутъ имѣть значеніе лишь при тѣхъ же самыхъ

условіяхъ, при которыхъ поставлены опыты, и что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надо еще доказать право приложить ихъ ко всякимъ условіямъ». [1])

Основная ошибка Лемана, по мнѣнію Геффдинга, заключается въ томъ, что онъ не понялъ отношенія, существующаго между тѣми противоположными теоріями, о которыхъ онъ судитъ. Одна теорія говоритъ, что всякое узнаваніе основывается на ожиданіяхъ, возбужденныхъ и подтвержденныхъ ассоціаціей смежности; другая утверждаетъ, что кромѣ узнаванія, происходящаго такимъ образомъ, есть еще непосредственное узнаваніе. Очевидно, что послѣдняя теорія не будетъ отвергнута, а первая—доказана, если покажутъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ, при извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ узнаваніе происходитъ посредствомъ напередъ возбужденныхъ представленій—въ особенности, если тѣ условія, при которыхъ происходитъ опытъ, исключаютъ возможность непосредственнаго узнаванія.

Толкованіе, которое Леманъ даетъ результатамъ своихъ опытовъ, въ ихъ отношеніи къ гипотезѣ сходства, не выдерживаетъ критики, съ точки зрѣнія Геффдинга.

Какъ извѣстно, Леманъ полагалъ, что съ точки зрѣнія гипотезы сходства, которая основывается на законѣ упражненія, *n*, какъ чаще воспринимаемое, должно было бы узнаваться съ гораздо большей точностью, чѣмъ *l*. Но опыты показываютъ обратное. Съ точки же зрѣнія противоположной теоріи, опыты не даютъ ничего неожиданнаго, такъ какъ «узнаваніе опирается на сравненіе съ образомъ воспоминанія, который является болѣе или менѣе смутнымъ и неяснымъ и на который повтореніе можетъ вліять

[1]) Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, 1890, 27.

лишь въ томъ смыслѣ, что по истеченіи извѣстнаго времени онъ оказывается не совсѣмъ въ такой степени неяснымъ, въ какой онъ былъ бы при меньшемъ упражненіи». Но этому выводу, сдѣланному изъ теоріи смежности, по мнѣнію Геффдинга, противорѣчитъ слѣдующее мѣсто изъ статьи Лемана: «Изъ этого легко понять, почему представленіе тѣмъ легче узнается, чѣмъ чаще оно появлялось въ сознаніи. Вслѣдствіе этого можетъ происходить все болѣе точная (desto sicherer) оцѣнка совпаденія образовъ воспоминанія съ тѣмъ, что наблюдается». «Я,—говоритъ по этому поводу Геффдингъ,—не могу вычитать изъ этого ничего другого, какъ то, что здѣсь изъ теоріи смежности сдѣланъ какъ разъ такой же выводъ, какъ изъ того, что Леманъ называетъ «теоріей сходства», и если здѣсь есть противорѣчіе съ опытами, то оно относится къ обѣимъ теоріямъ».

Такимъ образомъ, Геффдингъ возражаетъ прежде всего противъ самой формы постановки вопроса Леманомъ. Съ другой стороны, онъ думаетъ, что, допуская непосредственное узнаваніе (т.-е. гипотезу сходства), совсѣмъ не слѣдуетъ ожидать, что *n* будетъузнаваться легче, чѣмъ *l*. «Вѣдь здѣсь, — говоритъ онъ,—нѣтъ выбора между узнаваніемъ *n* и *l*, но лишь выборъ между рѣшеніями, равенъ ли второй кругъ (*n* или *l*) первому (*n*), или отличенъ отъ него. А это—совсѣмъ другое дѣло. Вѣдь ни откуда не слѣдуетъ, что легкость узнаванія *n* должна больше возрастать подъ вліяніемъ упражненія, чѣмъ способность находить различіе между *l* и *n*. Воспріятіе различія, играющее такую большую роль при всѣхъ нашихъ ощущеніяхъ, при меньшемъ упражненіи, пожалуй, можетъ достигать такой же точности, какъ воспріятіе сходства при большемъ упражненіи. Для

воспріятія различія между *l* и *n* совсѣмъ не требуется такого полнаго и отчетливаго воспроизведенія *n*, какъ при воспріятіи тожества *n* и *n*. Кромѣ того, надо помнить, что узнаваніе и воспріятіе различія здѣсь происходило съ «полнымъ вниманіемъ». Это объясненіе приложимо къ опытамъ со всѣми тремя кругами; признать различіе (т.-е. найти, что нѣчто свѣтлѣе или темнѣе) легче, чѣмъ признать тожество (т.-е. найти, что нѣчто одинаково свѣтло), и потому въ первомъ случаѣ требуется меньше упражненія, чѣмъ во второмъ».

Отрицаніе непосредственнаго узнаванія, какъ процесса, не находящаго себѣ достаточнаго подтвержденія въ опытѣ, представляется Геффдингу произвольнымъ. «Начнемъ,—говоритъ онъ,—съ совершенно простыхъ несомнѣнныхъ воспріятій. Я смотрю на что-нибудь—и оно кажется мнѣ знакомымъ. Пусть это будетъ лицо или (возьмемъ что-нибудь еще болѣе простое) отдѣльная черта лица, миганіе глаза. Или я смотрю на какой-нибудь необычный оттѣнокъ цвѣта на вечернемъ небѣ, который, однако, кажется мнѣ знакомымъ. Или я слышу иностранное слово, не могу его перевести, но его звукъ мнѣ знакомъ. Или мнѣ предлагаютъ вопросъ: «Вы уже были въ Les Plans?» Имя «Les Plans» мнѣ знакомо, но все таки я не могу связать съ нимъ никакого представленія. Или возьмемъ примѣры изъ внутренняго опыта. Извѣстное органическое ощущеніе, извѣстное, возникающее во мнѣ настроеніе чувства жизни являются мнѣ съ извѣстнымъ признакомъ интимности и принадлежности. У меня есть совершенно непосредственное сознаніе, что я ихъ уже имѣлъ, хотя я не могу связать съ ними ни одного ближайшаго опредѣленія. Съ этими случаями сродны тѣ, въ которыхъ мы пытаемся что-нибудь вызвать въ своемъ воспомина-

нiи, при чемъ это намъ не удается, хотя мы сейчасъ же узнаемъ вызываемое нами представленіе, если оно попадается намъ на другомъ пути. Сюда же относятся тѣ случаи, когда мы не бываемъ увѣрены въ томъ, было или нѣтъ воспринято нами какое-нибудь явленіе, причемъ эта увѣренность возникаетъ, если передъ нами пройдетъ рядъ явленій, къ которымъ оно принадлежитъ. И здѣсь мы имѣемъ совершенно непосредственное впечатлѣніе чего-то знакомаго [1]). Въ подобнаго рода состояніяхъ сознанія дается непосредственное пониманіе различія между чѣмъ-то знакомымъ и близкимъ (Vertrautem) и чѣмъ то незнакомымъ и чуждымъ. Это различіе такъ просто и ясно, что оно настолько же мало поддается ближайшему описанію, какъ, напримѣръ, различіе между удовольствіемъ и неудовольствіемъ или между желтымъ и голубымъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ непосредственнымъ качественнымъ различіемъ [2]). Своеобразное качество, отличающее сознаніе знакомаго въ противоположность новому, Геффдингъ предлагаетъ обозначать терминомъ «Bekanntheitsqualität» (качество знакомости).

Психологическій процессъ узнаванія въ данныхъ случаяхъ, по мнѣнію Геффдинга, можетъ быть выраженъ формулой $(A+a)$ или еще лучше $\binom{a}{A}$, гдѣ A обозначаетъ ощущеніе (или группу ощущеній), a—его воспроизведеніе (или, по терминологіи Геффдинга, представленіе), а скобки—то, что A и a не сознаются здѣсь, какъ самостоятельные члены, но теоретически мыслятся, какъ факторы явленія, кажущагося не сложнымъ (theoretisch als Factoren der

---

[1]) Vierteljahrsschrift, 1889, 425

[2]) Ib. 1889, 427.

scheinbar nichtzusammengesetzten Erscheinung gedacht werden). Въ оправданіе этой формулы Геффдингъ ссылается на то, что вліяніе *A*, дѣлающее возможнымъ узнаваніе, могло бы вызвать *a* въ формѣ свободнаго или самостоятельнаго представленія (если бы, напр., *B*, по ассоціаціи смежности, вызвало *a*) [1]).

Разбирая вопросъ о томъ, насколько признаніе ассоціаціи сходства и непосредственнаго узнаванія (какъ ея типичнаго примѣра) соотвѣтствуетъ даннымъ опыта, Геффдингъ довольно подробно останавливается на возраженіи, сдѣланномъ Лехеномъ (Arne Löchen, «Spörgsmaal vedkommende de afasiske Sygdomme». Christiania. 1888). По мнѣнію этого ученаго, допущенію непосредственнаго узнаванія противорѣчатъ явленія такъ называемой словесной слѣпоты и словесной глухоты, когда больной воспринимаетъ произносимыя передъ нимъ или написанныя слова только какъ чувственныя явленія, но не понимаетъ ихъ, т.-е. не воспринимаетъ ихъ какъ слова или какъ знаки представленій. Это явленіе, по изложенію Геффдинга, можно объяснить двояко. Одни (Kussmaul, Charcot) думаютъ, что узнаваніе исчезаетъ, хотя чисто чувственное ощущеніе остается не поврежденнымъ (согласно формулѣ Геффдинга, *A* воспринимается, но не комбинируется съ *a*). Другіе (Stricker, Lichtheim) думаютъ, что въ данныхъ случаяхъ прекращается возможность пробуждать изъ другихъ чувственныхъ областей такія ассоціированныя представленія, при помощи которыхъ могло бы быть понятно значеніе словъ. Съ этой точки зрѣнія, написанное или напечатанное слово станетъ понятнымъ тогда, если оно возбудитъ представленіе о соотвѣтствующемъ звукѣ

---

[1]) Ib. 1889, 432.

или движеніи голосовыхъ мускуловъ, необходимыхъ для его произнесенія.

Первому роду объясненія, по взгляду Лехена, противорѣчитъ прежде всего то обстоятельство, что страдающіе словесной слѣпотой способны копировать. Эта способность, по его мнѣнію, доказываетъ, что зрительныя представленія (т.-е. воспроизводимые зрительные образы) не уничтожены. «Мнѣ представляется,—замѣчаетъ по этому поводу Геффдингъ,—что это возраженіе потеряетъ свое значеніе, если только мы вспомнимъ о вторичныхъ безсознательныхъ явленіяхъ, при помощи которыхъ могутъ производиться привычныя дѣйствія. Буквы, такъ сказать, пробѣгаютъ изъ глазъ въ пальцы. Эта пріобрѣтенная и заученная ловкость никоимъ образомъ не должна исчезать, какъ только исчезла способность узнаванія» (454).

Второе возраженіе Лехена сводится къ тому, что теорія непосредственнаго узнаванія просмотрѣла тотъ фактъ, что словесная слѣпота обыкновенно бываетъ связана съ большею или меньшею трудностью находить имена предметовъ. Анализируя этотъ фактъ, Лехенъ думаетъ найти истинное объясненіе. По его мнѣнію, всякое узнаваніе слова, даннаго въ зрительной формѣ, происходитъ вслѣдствіе того, что видимый знакъ возбуждаетъ, по ассоціаціи смежности, связанной съ нимъ, представленіе о звукѣ слова или о томъ движеніи, которое мы производимъ голосовыми мускулами при его произношеніи. На возбужденіи этого представленія основывается «субъективное ощущеніе узнаванія» (или по терминологіи Геффдинга, «качество знакомости»—Bekanntheitsqualität). При такомъ взглядѣ на дѣло, узнаваніе не можетъ имѣть мѣста, если только порвалась связь между зрѣніемъ и слухомъ или движеніемъ органовъ рѣчи.

Свой взглядъ на процессъ узнаванія Лехенъ поясняетъ, между прочимъ, слѣдующимъ примѣромъ: «Если бы мы нашли цвѣтокъ, который вызвалъ бы у насъ въ сознаніи невѣрное родовое имя, то вызова этого имени было бы достаточно для признанія цвѣтка знакомымъ. Но если бы къ намъ подошелъ кто-нибудь, лучше насъ знающій ботанику, и разъяснилъ бы намъ нашу ошибку, то мы, конечно, поняли бы, что узнаваніе было ошибочнымъ... Но узнаваніе, само по себѣ, заключается въ вызовѣ ассоціацій, а не въ признаніи его правильности. Здѣсь идетъ рѣчь только о томъ, въ чемъ заключается субъективное ощущеніе узнаванія, а не объ его объективной истинѣ». По этому поводу Геффдингъ замѣчаетъ, что одинъ только вызовъ какого бы то ни было представленія еще недостаточенъ для узнаванія. Вызванное такимъ образомъ представленіе, само по себѣ, можетъ казаться намъ совершенно чуждымъ, если только оно не обладаетъ качествомъ знакомости» (Die auf diese Weise hervorgerufene Vorstellung selbst kann uns mitunter durchaus fremd dastehen, wenn ich sie nämlich dermassen vergessen habe, dass sie nicht mit der Bekanntheitsqualität auftritt) [1]).

II. Возражая противъ гипотезы сходства, Леманъ высказывалъ мысль, что въ ея основѣ лежитъ грубое атомистическое пониманіе представленій и ихъ взаимной связи. Геффдингъ, выступая горячимъ защитникомъ ассоціаціи сходства, какъ процесса, не сводимаго на ассоціацію смежности, въ то же время рѣшительно высказывается противъ грубо-атомистическаго пониманія душевной жизни. «Тѣ различія,— говоритъ, онъ—которыя мы устанавливаемъ между психическими явленіями и обозначаемъ словомъ «эле-

[1]) Ibidem., 1889, 455.

менты», не должны обращаться въ самостоятельныя реальныя сущности. Напримѣръ, представленія справедливо могутъ быть названы элементами сознанія, но не въ такомъ же точно смыслѣ, въ какомъ мы называемъ атомы элементами матеріи. Каждое представленіе есть дѣятельность, особое направленіе дѣятельности представленія, которая, въ свою очередь, является особой стороной дѣятельности всего сознанія въ извѣстный моментъ. Слѣдовательно, психическіе элементы находятъ себѣ матеріальныя параллели не въ матеріальныхъ атомахъ, а въ матеріальныхъ процессахъ. Подобнаго рода неправильная аналогія привела къ такъ называемой «ассоціаціонной психологіи», къ пониманію ассоціаціи какъ внѣшняго механическаго процесса, который долженъ происходить между самостоятельно существующими и другъ отъ друга независимыми представленіями. Своего крайняго выраженія это одностороннее пониманіе достигло у Юма, который дошелъ до того, что ему стало непонятнымъ даже самое явленіе ассоціаціи. Какъ можетъ,—спрашивалъ онъ съ полною послѣдовательностью,—существовать связь между элементами, которые совершенно другъ отъ друга независимы? Олицетворивъ представленія, забывали, что они — только стороны или обнаруженія психической дѣятельности [1]).

Итакъ, съ точки зрѣнія Геффдинга, признаніе ассоціаціи сходства не только не требуетъ грубо-атомистическаго пониманія, но «явленіе ассоціаціи представленій не можетъ быть понято, если не принять, что ощущенія и представленія суть психическія дѣятельности или функціи, а не отдѣльныя части или абсолютно самостоятельные элементы» [2]).

[1]) Ibidem., 1890, 192.
[2]) Ibidem., 1890, 41.

Напротивъ, попытка Лемана свести ассоціацію сходства къ смежности приводитъ, по мнѣнію Геффдинга, къ допущенію нѣкоторыхъ безсмысленныхъ положеній. «Если въ языкѣ существуетъ выраженіе листъ бумаги, то можно ли думать, что качество тонкости образовало въ сознаніи свободный переходный пунктъ (ein freies Uebergangsglied) между представленіемъ листа растенія и представленіемъ куска бумаги? Между двумя этими представленіями должно было быть еще представленіе тонкости, но при этомъ ни тонкости листа растенія, ни тонкости бумаги, а просто тонкости самой по себѣ. Или, если, глядя на яблоко, лежащее на столѣ, я начинаю думать о яблокѣ на древѣ познанія добра и зла, объ Адамѣ и Евѣ, то развѣ образъ яблока долженъ дать въ моемъ сознаніи мѣсто представленію одной только формы яблока, которое, въ свою очередь, было бы свободно отъ представленія яблока съ древа познанія, имѣвшаго, пожалуй, не такую же точно форму, какъ дѣйствительное яблоко? Такого пониманія нельзя защищать, не возобновляя старой теоріи абстракціи, по которой «общіе» элементы нашихъ представленій оказываются достаточными для образованія новыхъ, самостоятельныхъ представленій. И это покажется особенно безсмысленнымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, какую большую роль играютъ ассоціаціи сходства у дѣтей. Четырнадцатимѣсячный ребенокъ (по наблюденію, взятому изъ статьи Marty, «Vierteljahrsschrift für wiessenschaftliche Philosophie», III, S. 324) назвалъ аппаратъ для отопленія въ желѣзнодорожномъ купе «тикъ-такъ», потому что онъ напомнилъ ему часы. Тотъ же ребенокъ, 20 мѣсяцевъ отъ роду, назвалъ красный мячъ мѣсяцемъ, а, немного подумавъ,—лам-

пой [1]). Теорія смежности, — продолжаетъ Геффдингъ, — должна принять, что сознаніе постоянно примѣняетъ абстрактнымъ образомъ tertium comparationis, какъ посредствующій членъ. Такъ поступаютъ, объясняя людямъ картину или сравненіе, которое они не могутъ понять; для другихъ это не нужно, и въ этой школьной методѣ прежде всего не нуждается удивительная фантазія, обнаруживающаяся въ метафорахъ языка и поэтическихъ сравненіяхъ [2]). (Примѣры: при взглядѣ на танцующихъ въ бальной залѣ поэтъ представляетъ себѣ вращеніе міровыхъ тѣлъ въ небесномъ пространствѣ; слово «зеленый», въ переносномъ смыслѣ, примѣняется къ неопытному молодому человѣку. Erwägung одного корня съ Waage, penser—съ peser).

«Я думаю,—говоритъ Геффдингъ,—можно утверждать, что это допущеніе (дѣлаемое теоріей смежности) служитъ примѣромъ смѣшенія психологической точки зрѣнія съ логической... Психологическому опыту совершенно противорѣчитъ, что сродныя представленія, каждое само по себѣ, должны имѣть возможность распадаться на тожественные и отличные элементы» [3]).

III. Въ противоположность мнѣнію Лемана, доказывавшаго безполезность гипотезы сходства для объясненія явленій ассоціаціи и узнаванія, Геффдингъ утверждаетъ, что «ассоціація смежности предполагаетъ ассоціацію сходства или, по крайней мѣрѣ, непосредственное узнаваніе». Свою мысль Геффдингъ поясняетъ слѣдующимъ примѣромъ. «Я сижу въ своей комнатѣ и слышу на улицѣ грохотъ. Сейчасъ же у

---

[1]) Ibidem., 1890, 168.
[2]) Ibidem., 1890, 169.
[3]) Ibidem., 1890, 170.

меня является представленіе объ омнибусѣ. Но условіемъ этого служитъ то, что я узнаю именно этотъ своеобразный грохочущій звукъ. Если я его смѣшаю со звукомъ, который является, когда везутъ пустыя бочки, или съ громомъ, то представленіе объ омнибусѣ не возникнетъ. Если я неувѣренъ, то внимательно вслушиваюсь, и только отожествляя (съ помощью вниманія и яснаго сознанія) наличное ощущеніе *(A)* и представленіе звука *(a)*, извѣстнаго изъ прежняго опыта, могу съ увѣренностью воспроизвести представленіе омнибуса. Слѣдовательно, ассоціація смежности здѣсь покоится на сознательномъ отожествленіи. Но это сознательное отожествленіе предполагаетъ ассоціацію сходства. Что заставило бы меня сравнить воспринимаемый теперь звукъ со звукомъ, который я слышалъ прежде, если бы только между ними не было сходства? [1]).

Необходимость признанія ассоціаціи сходства для пониманія душевной жизни доказывается, по мнѣнію Геффдинга, еще тѣмъ, что всѣ попытки сведенія ассоціаціи сходства къ ассоціаціи смежности признаются имъ неудачными. Эта часть работы Геффдинга настолько интересна, что слѣдуетъ остановиться на ней подольше.

Геффдингу представляются возможными слѣдующіе четыре способа сведенія ассоціаціи сходства къ смежности:

1) Если два представленія сходны, то это значитъ, что нѣкоторые элементы (части или свойства) у нихъ общи, а другіе—различны. Пусть, напримѣръ, одно явленіе $A_1 = m + n + p$, а другое явленіе $A_2 = x + y + p$. Если кажется, что A_1, по сходству, вызываетъ представленіе A_2, то развѣ въ дѣйствитель-

[1]) Ibidem., 1890, 43.

ности переходъ совершается не посредствомъ общаго элемента p, такъ что въ нашемъ сознаніи проходитъ рядъ $m+n+p+y+x$ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы незамѣтно отъ сознанія A_1, переходимъ къ сознанію A_2? При положительномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, очевидно, пришлось бы признать здѣсь отношеніе смежности.

2) Если p_1 (p, какъ элементъ представленія A_1) и p_2 (p, какъ элементъ представленія A_2) настолько различны, что ихъ нельзя отожествить, такъ какъ между ними существуетъ только сходство, а не равенство, то можно было бы принять, что p_1 съ незамѣтной постепенностью измѣняетъ свою особенность (seine Beschaffenheit), пока не явится оттѣнокъ p_2. Тогда между p_1 и p_2 мы получили бы рядъ оттѣнковъ, какъ посредствующихъ членовъ, но у насъ не было бы никакого скачка отъ одного представленія къ другому, сходному съ нимъ.

3) Наши представленія обыкновенно тѣсно связаны съ словесными выраженіями, и эта связь—ассоціація по смежности. Сродныя представленія легко соединяются съ однимъ и тѣмъ же словомъ. Нельзя ли объяснить ассоціацію между a_1 и a_2 тѣмъ, что a_1 вызываетъ представленіе слова n, а n, въ свою очередь, вызываетъ a_2, такъ что слово является посредствующимъ членомъ между обоими представленіями, и о «сходствѣ» совсѣмъ ничего не приходится говорить?

4) Мы невольно сравниваемъ явленія, которыя были даны намъ или одновременно, или въ непосредственномъ слѣдованіи другъ за другомъ, или представлялись нами въ ассоціаціи по смежности. Мы сопоставляемъ явленія, которыя находимъ сходными, и вслѣдствіе этого сопоставленія, совершаемаго при помощи сравненія, они потомъ ассоціируются въ нашемъ сознаніи.

Противъ подобнаго рода толкованій Геффдингъ выставлялъ слѣдующія соображенія, которыя мы приведемъ подъ нумерами, соотвѣтствующими только что перечисленнымъ четыремъ способамъ сведенія ассоціаціи сходства на смежность.

1) Геффдингъ признаетъ недопустимымъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ сходства качествъ или отношеній каждое явленіе, само по себѣ, могло быть разложено на составныя части, изъ которыхъ однѣ были бы тожественными, а другія—различными. «Если,—говоритъ онъ,—мы находимъ болѣе или менѣе сродными различные оттѣнки цвѣтовъ (напримѣръ, желтый цвѣтъ больше похожъ на оранжевый, чѣмъ на красный), если, поэтому, лица, совершенно незнакомыя съ оптикой, все-таки располагаютъ цвѣта въ томъ же порядкѣ, какъ они даны въ спектрѣ, или если вещь извѣстнаго цвѣта вызываетъ представленіе о другой вещи сходнаго цвѣта, то здѣсь нельзя указать ни одного тожественнаго элемента. Желтое и оранжевое или различные оттѣнки краснаго не имѣютъ никакого общаго элемента и все-таки напоминаютъ другъ друга. Если Гомеръ сравниваетъ видъ блестящаго оружія греческихъ воиновъ съ видомъ отдаленнаго лѣсного пожара, то все-таки металлическій блескъ и пламя—цвѣта различнаго качества, и фантазія поэта должна сдѣлать скачекъ, переходя отъ одного къ другому. Если портретъ напоминаетъ мнѣ изображеннаго на немъ человѣка, то эта ассоціація можетъ происходить даже тогда, когда оттѣнки цвѣта на портретѣ не совсѣмъ такіе же, какъ въ дѣйствительности. Если въ англійскомъ языкѣ бабочка называется «butterfly» или одинъ цвѣтокъ называется по-датски «Smörblomst» (масляный цвѣтокъ), то, конечно, между масломъ и желтымъ насѣкомымъ, давшимъ имя цѣлой группѣ,

или желтымъ цвѣткомъ существуетъ только сходство качествъ, а не психологическое тожество ихъ [1]). «Если бы сходство можно было всегда объяснять тѣмъ, что оба представленія заключаютъ въ себѣ отчасти тожественные (p), отчасти различные (въ одномъ $m+n$, въ другомъ $x+y$) составные элементы, то этимъ путемъ все-таки нельзя было бы свести всѣ ассоціаціи къ ассоціаціи смежности. Вѣдь, если я въ группѣ ($m+n+p$) дошелъ до p, то отсюда еще не слѣдуетъ, что данный рядъ найдетъ свое продолженіе въ $y+x$. Это происходитъ лишь тогда, когда возникаетъ извѣстное воспоминаніе, что мы уже имѣли p. Если p является для меня чѣмъ-то новымъ, то этого не происходитъ» [2]).

2) Возможность сведенія ассоціаціи сходства къ ассоціаціи смежности путемъ предположенія ряда посредствующихъ ступеней между «сходными», но не тожественными элементами Геффдингъ устраняетъ слѣдующимъ разсужденіемъ.

«Неопредѣленныя или мимолетныя представленія (связующія данные нетожественные элементы) могутъ быть раздѣлены на два класса, такъ какъ неопредѣленное свойство можетъ быть количественнаго или качественнаго вида. Тамъ, гдѣ дано количественное отношеніе, я могу имѣть представленіе о меньшемъ объемѣ и расширять его путемъ простого расширенія, или имѣть представленіе о большемъ объемѣ и измѣнять его путемъ простого урѣзыванія. Въ обоихъ случаяхъ я могу различать общія и отличныя части, и неопредѣленность заключается только въ томъ, что я не знаю, гдѣ я дол-

---

[1]) Vierteljahrsschrift, 1890, 167.
[2]) Ibidem., 170.

женъ установить границу. Напротивъ, тамъ, гдѣ дѣло касается качества, я, конечно, могу выбрать какое-нибудь промелькнувшее въ моемъ сознаніи качество (eine vorläufige Qualität wählen), но если оно невѣрно, или если возникаетъ сомнѣніе, то посредствомъ новаго выбора оно должно быть замѣнено другимъ качествомъ, безъ всякаго участія общихъ составныхъ частей. Я не могу имѣть никакого представленія о цвѣтѣ, если я предварительно не представлю себѣ какой-нибудь опредѣленный цвѣтъ, который, позднѣе, быть можетъ, долженъ быть измѣненъ посредствомъ большихъ или меньшихъ скачковъ по скалѣ цвѣтовъ. Темный предметъ, на который я смотрю издалека, можетъ быть или безжизненнымъ предметомъ, или животнымъ, или человѣкомъ. У меня есть о немъ только неопредѣленное представленіе, но это представленіе дѣйствительно существуетъ. Если этотъ предметъ приближается, то его величина измѣняется посредствомъ расширенія; онъ становится немного больше черной точки. Но такимъ путемъ я не могу получить другія качества, по которымъ я узнаю въ этомъ предметѣ звѣря или человѣка; эти качества являются результатомъ качественныхъ измѣненій. Можно допустить, что эти качественныя измѣненія непрерывны. Но эти измѣненія, собственно говоря, настолько же мало были бы ассоціаціоннымъ явленіемъ, какъ и варіированіе образовъ, остающихся послѣ воспріятія (ebenso wenig wie das Variiren der Nachbilder Association ist). Можно было бы представить, что красный цвѣтъ яблока постепенно теряетъ свою насыщенность, пока наконецъ мы не получимъ сѣраго цвѣта. Но если бы мы захотѣли утверждать, что представленіе одного оттѣнка цвѣта вызываетъ представленіе менѣе насыщеннаго оттѣнка по ассоціаціи, то это (по крайней

мѣрѣ, у тѣхъ, кто не пользуется скалой оттѣнковъ) во всякомъ случаѣ не ассоціація по смежности, а ассоціація по сходству. Нѣтъ никакого основанія допускать, что оттѣнки или формы, имѣющіе большое сходство другъ съ другомъ, поэтому, должны были часто появляться вмѣстѣ. —Если измѣненія происходятъ не постепенно, то причина этого опять-таки заключается не въ ассоціаціи по смежности. При всякомъ новомъ качественномъ переходѣ должно существовать сродное качество, являющееся на смѣну предшествующему. Сродство (Die Verwandschaft)— единственный мотивъ, позволяющій мыслить такое качественное варіированіе представленій» [1]).

3) Разбирая попытку свести ассоціацію сходства на смежность при помощи указанія на слово, какъ посредствующее звено, Геффдингъ признаетъ, что представленія словъ дѣйствительно играютъ выдающуюся роль въ процессахъ ассоціаціи [2]). Но онъ въ то же время напоминаетъ о большихъ индивидуальныхъ различіяхъ въ этомъ отношеніи: одни люди воспроизводятъ главнымъ образомъ реальныя представленія, другіе—представленія словъ, даже у одного и того же человѣка при различныхъ обстоятельствахъ представленія словъ играютъ различную роль [3]). Въ результатѣ получается слѣдующее: «такъ какъ дѣйствительно существуютъ представленія, которыя обыкновенно не связываются со словами (приложеніе одного и того же слова къ сроднымъ явленіямъ предполагаетъ ассоціацію сходства между соотвѣтствующими представленіями), и такъ какъ словесная ассоціація, очевидно, часто является

---

[1]) Ibidem., 172.
[2]) Ibidem., 178.
[3]) Ibidem., 175.

лишь содѣйствующимъ факторомъ, то невозможно всѣ ассоціации сходства объяснять, какъ ассоціаціи по смежности, устанавливаемыя при помощи слова» [1]).

4) Не видя никакого основанія допускать принципіальное различіе между процессами ассоціаціи и сравненія, Геффдингъ не видитъ основаній и для того, чтобы вообще не признавать сходства (помимо смежности) достаточнымъ факторомъ для объясненія явленій ассоціаціи. Спрашивается: какимъ образомъ сходство можетъ вызвать представленіе, если прежде въ сознаніи не произошло сравненія этого представленія съ тѣмъ изъ наличныхъ, которое должно его вызвать? — «Конечно, — отвѣчаетъ на это Геффдингъ,—здѣсь мы встрѣчаемся съ очень удивительнымъ свойствомъ сознанія; но развѣ это удивительнѣе того, что мы ежедневно находимъ въ ассоціаціи смежности и во всякомъ воспоминаніи? Въ этомъ и заключается особенность высшихъ формъ жизни, что онѣ независимы отъ единичныхъ моментовъ и единичныхъ мѣстъ и могутъ образовать функціи, далеко переступающія границы пространства и времени (Es ist eine Eigenthümlichkeit der höheren Lebensformen, dass sie von dem einzelnen Moment und dem einzelnen Ort unabhängig sind und Funktionen ausüben können, welche weit über Begrenzung der Zeit und des Raumes hinwegdeuten). Во всякомъ воспоминаніи и во всякой дѣятельности мышленія, во всякомъ инстинктѣ и во всякомъ влеченіи заключается это своеобразное свойство или, если угодно, эта идеальность. При помощи ассоціаціи смежности сознаніе связываетъ то, что различно по свойствамъ, хотя и дано вмѣстѣ (zusammengehört) въ пространствѣ и

[1]) Ibidem., 180.

времени. Эта «совмѣстность» (Zusammengehören) въ пространствѣ и времени тѣмъ не менѣе не уничтожаетъ различія представленій,—и это лишь одно воображеніе, если думаютъ, что возможно лучше понять тотъ фактъ, что a въ состояніи вызвать b, чѣмъ тотъ, что a_1 въ состояніи вызвать a_2. При ассоціаціи сходства существуетъ различіе въ отношеніи пространства и времени и тожество, однородность или аналогія—въ свойствѣ (Beschaffenheit). Правда, здѣсь сопоставляется нѣчто, что еще никогда не сопоставлялось въ сознаніи; но развѣ сходство содержанія представленія не должно имѣть возможности взять перевѣсъ (aufwiegen) надъ близостью по пространству и времени? Спрашиваютъ, какимъ образомъ сознаніе можетъ представлять себѣ что-нибудь только потому, что оно похоже на что-нибудь другое, если только прежде обѣ части не сравнивались имъ? Но съ такимъ же правомъ можно было бы спросить: какимъ образомъ сознаніе можетъ представлять что бы то ни было только потому, что раньше оно выступало одновременно съ чѣмъ-нибудь другимъ или непосредственно слѣдовало за нимъ, и если при этомъ у него не является воспоминанія объ этомъ предшествующемъ появленіи (wenn es sich nicht erst dieses früheren Eintretens erinnert). Бываетъ много случаевъ, когда мы удивляемся нашимъ собственнымъ ассоціаціямъ по смежности, и только при ближайшемъ разсмотрѣніи становится яснымъ, что это—воспроизведенія чего-нибудь прежде пережитаго; часто для того, чтобы найти объясненіе, нужно даже обратиться къ грезамъ—въ бодрственномъ или сонномъ состояніи» (180).

IV. Въ противоположность утвержденію Лемана, Геффдингъ доказываетъ, что принятіе ассоціаціи сходства, какъ процесса, несводимаго къ ассоціаціи

смежности, не нарушаетъ цѣлостности пониманія психическаго міра въ его отношеніи къ физіологическимъ явленіямъ. «Думаютъ,—говоритъ онъ,—что физіологическое объясненіе ассоціаціи сходства отличается совсѣмъ особенной трудностью. Объясняя ассоціацію по смежности, пользуются аналогіей съ рядомъ движеній, на которыхъ оказываетъ вліяніе упражненіе, и которыя, вслѣдствіе повторенія, невольно слѣдуютъ другъ за другомъ въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ и прежде; для ассоціаціи же сходства нельзя указать ни одного соотвѣтствующаго процесса. Однако здѣсь, кажется, нѣтъ никакой принципіальной трудности. Если мы думаемъ, что каждому представленію соотвѣтствуютъ извѣстныя колебанія молекулъ мозга (или извѣстной части мозга), то, въ случаѣ существованія въ сознаніи тенденціи къ ассоціаціи по сходству, мозгъ будетъ имѣть наклонность производить рядъ колебаній, сходныхъ съ тѣми, которыя соотвѣтствуютъ представленію, образующему исходный пунктъ ассоціаціи сходства. Одна и та же форма или одно и то же направленіе колебаній будетъ соединена съ извѣстными измѣненіями. Пожалуй, можно было бы представлять себѣ это дѣло по аналогіи съ рядомъ волнъ, одной и той же основной формы и направленія, которыя образуются, если бросить въ воду камень. Такой способъ объясненія ничуть не гипотетичнѣе, чѣмъ соотвѣтствующее физіологическое объясненіе ассоціаціи по смежности» [1]).

Отрицаніе необходимости и возможности сведенія ассоціаціи сходства къ смежности, съ точки зрѣнія Геффдинга, нисколько не мѣшаетъ удовлетворенію совершенно законнаго стремленія къ широ-

[1]) Ibidem., 188.

кому научному обобщенію при толкованіи психическихъ явленій. «Всякая ассоціація,—говоритъ Геффдингъ,—есть воспроизведеніе; но особенность ассоціаціи сходства заключается въ томъ, что при ней одно представленіе воспроизводится изъ другого, съ которымъ прежде оно не было связано. Въ этомъ заключается новое, «творческое» [1]). «Ассоціація, какъ показываетъ самое слово, есть связующая дѣятельность. То, что происходитъ при всякой ассоціаціи, сводится собственно къ слѣдующему: изъ даннаго единичнаго элемента сознанія (Bewusstseinselement) сознаніе построяетъ, въ силу одновременно дѣйствующихъ принциповъ сходства и смежности, большій комплексъ (einen grösseren Zusammenhang), въ которомъ данный элементъ сознанія образуетъ отдѣльный членъ. Поэтому основнымъ закономъ ассоціаціи представленій становится «ассоціація между частью и цѣлымъ» [2]).

Для того, чтобы полемика между Леманомъ и Геффдингомъ предстала предъ нами въ болѣе полномъ видѣ, необходимо еще обратить вниманіе на тѣ мѣста изъ статей Геффдинга, гдѣ онъ устанавливаетъ свое отношеніе къ англійскимъ психологамъ (какъ извѣстно, Леманъ заявлялъ, въ началѣ своей работы, что она направлена противъ Геффдинга и его англійскихъ единомышленниковъ).

Въ одномъ мѣстѣ [3]), говоря объ Юмѣ, Геффдингъ называетъ «односторонностью прежней (англійской и гербартіанской) ассоціаціонной психологіи, что она разсматривала ощущенія и представленія какъ совершенно самостоятельныя вещи, которыя только

---

[1]) Ibidem., 187.
[2]) Ibidem., 181.
[3]) Ibidem., 190.

совершенно внѣшнимъ образомъ связуются другъ съ другомъ». «Единство сознанія понимали только, какъ результатъ ассоціаціи и не замѣчали, что всякая ассоціація уже предполагаетъ его».

«Англійскіе психологи,—говоритъ Геффдингъ,—которые (начиная съ Уильяма Гамильтона) признавали ассоціацію сходства необходимымъ условіемъ появленія ассоціаціи смежности, выражались при этомъ такимъ образомъ, что давали поводъ къ недоразумѣніямъ. Они говорили такъ: съ *B* было связано не то *A*, которое дано въ настоящій моментъ, но прежнее *A*; слѣдовательно, данное теперь *A* должно вызвать прежнее *A*, и только это *A* вызываетъ *b*. Напримѣръ, Стюратъ Милль (въ примѣчаніи 35 къ первому тому своего изданія сочиненія Джемса Милля «Analysis of the human Mind») говоритъ: «My present sensation could not remind me of those former sensations unlike itself, unless by first reminding me of the sensations like itself, which really did coexist with them». Это мѣсто, при его буквальномъ и чисто внѣшнемъ пониманіи, даетъ легкій поводъ къ насмѣшкѣ тому критику, который, оспаривая данную теорію, прицѣпился бы къ словамъ и забылъ, что всѣ психологическія обозначенія—метафоры. «Подумайте! С. Милль полагаетъ, что я, встрѣтивъ человѣка, котораго прежде видѣли вмѣстѣ съ его женой, сначала долженъ былъ бы подумать о всѣхъ прежнихъ разахъ, когда я его видѣлъ, и лишь затѣмъ могъ бы перейти къ мысли объ его женѣ!» Но прежде, чѣмъ приписывать подобную нелѣпость такому человѣку, какъ Милль, слѣдовало бы хорошенько вчитаться въ его слова и не выхватывать отдѣльныхъ выраженій изъ контекста. Дальше Милль опредѣленно называетъ только что отмѣченное «воспоминаніе о прежнихъ ощущеніяхъ» предположеніемъ

узнаванія, предположеніемъ, которое само не выступаетъ въ сознаніи. Онъ говоритъ: «This is implied in what we call recognizing a sensation as one which we have had before». Промахъ англійскихъ психологовъ въ этомъ пунктѣ заключался прежде всего въ довольно рѣзкомъ различіи между фактомъ и теоріей. Если объяснять узнаваніе воспроизведеніемъ, то оно (будучи понятнымъ лишь при допущеніи, что въ немъ дѣйствуетъ то же самое, что дѣйствовало при самостоятельномъ и свободномъ воспоминаніи) происходитъ нѣсколько другимъ образомъ. Между узнаваніемъ и свободной ассоціаціей по сходству слѣдуетъ дѣлать различіе и въ томъ случаѣ, если ими пользуются для освѣщенія другъ друга и если первое понимается, какъ случай, пограничный съ послѣдней. Во-вторыхъ, англійскіе изслѣдователи не придали достаточнаго значенія тому, что фактъ подлежащій объясненію, т.-е. качество знакомости (Bekanntheitsqualität), порождается повтореніемъ и упражненіемъ, и что эти причины должны впослѣдствіи привести къ тому, что актъ узнаванія приблизится къ порогу сознанія, даже перешагнетъ его и во всякомъ случаѣ едва станетъ предметомъ вниманія, такъ какъ новое или менѣе извѣстное (если съ узнаваніемъ не соединено никакого особеннаго интереса) легче привлекаетъ вниманіе».

На возраженія Геффдинга Леманъ отвѣчалъ статьей «Kritische und experimentelle Studien über das Wiedererkennen» [3]) въ которой продолжалъ настаивать на первоначально выставленныхъ имъ пунктахъ, доказывая, что:

I. случаи «непосредственнаго узнаванія», приводимые Геффдингомъ, не убѣждаютъ въ необхо-

---

[1]) Philosophische Studien, VII, 169—212, 1892.

димости признавать ассоціацію сходства, какъ особый принципъ объясненія психическихъ явленій;

II. точка зрѣнія, рекомендуемая Геффдингомъ, во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ методологическую несообразность, такъ какъ требуетъ объясненія сравнительно извѣстнаго тѣмъ, что сравнительно неизвѣстно;

III. доказательство необходимости ассоціаціи сходства для появленія ассоціаціи смежности, въ связи съ выводомъ о невозможности сведенія ассоціаціи сходства на смежность, заключаетъ въ себѣ предположенія, не только не доказуемыя, но и не согласныя съ самонаблюденіемъ, и

IV. психо-физіологическая теорія Геффдинга, построенная имъ для объясненія ассоціаціи сходства, при сопоставленіи съ фактами, возбуждаетъ рядъ недоумѣній.

Свои положенія Леманъ развиваетъ сдѣдующимъ образомъ:

I. Примѣры непосредственнаго узнаванія, выставленные Геффдингомъ, могутъ быть, по мнѣнію Лемана, раздѣлены на двѣ группы: въ однихъ узнаваемое является дѣйствительно простымъ, не сложнымъ ощущеніемъ, въ другихъ—узнаваемое только повидимому сознается, какъ нѣчто единое, а на самомъ дѣлѣ есть нѣчто сложное. Послѣдніе примѣры не могутъ имѣть силы возраженій противъ теоріи, защищаемой Леманомъ. Что же касается примѣровъ первой группы, то по поводу нихъ Леманъ высказываетъ слѣдующія соображенія: «Если представленіе вдругъ появляется въ сознаніи съ извѣстнымъ качествомъ знакомости, то на основаніи самонаблюденія мы вовсе не можемъ установить, какимъ образомъ осуществляется узнаваніе, качество знакомости. Слѣдовательно, здѣсь передъ нами совершенно

неизвѣстное явленіе, которое остается объяснять гипотезой. Конечно, можно, если угодно, взять съ вѣтру какую-нибудь гипотезу и на этомъ успокоиться. Но можно также изслѣдовать, какъ происходитъ узнаваніе въ тѣхъ случаяхъ, которые доступны самонаблюденію, и до поры, до времени считать результаты этого изслѣдованія приложимыми къ недоступнымъ случаямъ непосредственнаго узнаванія... Всюду, гдѣ мы можемъ наблюдать явленіе узнаванія сложныхъ воспріятій, оказывается, что первыя воспріятія воспроизводятъ образы воспоминанія, которыя заслоняются слѣдующими воспріятіями, и, слѣдовательно, въ такихъ случаяхъ качество знакомости является призрачно — не сложнымъ результатомъ сложнаго психофизическаго процесса. Тамъ, гдѣ сложныя воспріятія сознаются, какъ нѣчто непосредственно извѣстное, очень легко можно допустить, что весь этотъ процессъ происходитъ ниже порога сознанія,—и я не знаю ни одного факта, который противорѣчилъ бы этому [1]).

Свою точку зрѣнія на случаи такъ называемаго непосредственнаго узнаванія Леманъ выясняетъ на рядѣ фактовъ, добытыхъ имъ при помощи спеціально для этого поставленныхъ опытовъ.

Леманъ предлагалъ испытуемымъ нюхать флаконы съ разными пахучими веществами, причемъ просилъ опредѣлять, насколько знакомъ данный запахъ. Такому изслѣдованію было подвергнуто 7 лицъ, при чемъ надъ каждымъ было произведсно 62 опыта.

Оказалось, что въ громадномъ количествѣ случаевъ ощущенія тотчасъ же вызывали представленія. Въ 44,9% всѣхъ случаевъ данныя ощущенія запаха

---

[1]) «Philos. St.», VII, 178.

сейчасъ же пробудили ассоціированныя представленія, изъ которыхъ 9,6% были ошибочными и 35,5%— правильными. Нѣсколько рѣже, при воспріятіи данныхъ запаховъ сейчасъ же воспроизводились имена (27,6%), — правильныя (20,6%) или ошибочныя (7,0%). Въ 13,6% всѣхъ случаевъ данныя ощущенія были признаны совершенно неизвѣстными. И только въ 7,0% всѣхъ случаевъ ощущенія признавались извѣстными, причемъ испытуемый не могъ вызвать никакихъ связанныхъ съ нимъ ассоціацій. Леманъ полагаетъ, что ничтожное количество случаевъ послѣдняго рода слѣдуетъ объяснять по аналогіи съ громаднымъ большинствомъ другихъ случаевъ, въ которыхъ ясно выступаетъ значеніе ассоціацій въ процессѣ узнаванія. При этомъ онъ отмѣчаетъ одно явленіе, которое плохо вяжется съ гипотезой Геффдинга и даетъ лишній поводъ допускать при такъ называемомъ «непосредственномъ узнаваніи» вліяніе ассоціаціонныхъ процессовъ, протекающихъ ниже порога сознанія. «Если бы,—говоритъ Леманъ,— качество знакомости дѣйствительно было такъ непосредственно дано съ ощущеніемъ, какъ принимаетъ Геффдингъ, то едва-ли можно понять, почему часто требуется такъ долго думать, чтобы составить простое сужденіе «знакомо»... Испытуемый подноситъ флаконъ къ своему носу. Его лицо принимаетъ сосредоточенное выраженіе. Тогда я вдругъ задаю вопросъ: «Знаете вы этотъ запахъ?»—«Я еще не знаю этого», — отвѣчаетъ онъ. Но черезъ нѣсколько мгновеній онъ уже опредѣленно знаетъ, что данный запахъ ему знакомъ. Какъ же это возможно? Вѣдь предрасположенія къ опредѣленному движенію въ мозгу (о которыхъ говоритъ Геффдингъ) необходимо должны обнаруживаться въ тотъ самый моментъ, когда возбуждается мозгъ и возникаетъ

ощущеніе; откуда же является скрытое время качества знакомости? [1]).

Въ двухъ случаяхъ, гдѣ обонятельное ощущеніе было отмѣчено просто какъ знакомое, Леману, какъ онъ думаетъ, посчастливилось вызвать связанныя съ нимъ представленія, находившіяся ниже порога сознанія.

Въ одномъ случаѣ былъ данъ запахъ сивушнаго масла. Испытуемый призналъ его знакомымъ, но совершенно не могъ опредѣлить. Тогда Леманъ сказалъ: «Припомните гимназическій классъ № X» (въ этомъ классѣ гимназіи, гдѣ прежде учился испытуемый, помѣщался шкафъ съ зоологическими препаратами, хранившимися въ плохо закупоренныхъ банкахъ съ неочищеннымъ спиртомъ, имѣющимъ, какъ извѣстно, сивушный запахъ). Тогда испытуемый сейчасъ же воскликнулъ: «Да, пахнетъ спиртовыми препаратами». — Въ другомъ случаѣ былъ данъ запахъ толуидина (Toluidin), очень пахучаго вещества, входящаго въ составъ мочи лисицъ и другихъ хищныхъ звѣрей. Испытуемый также призналъ запахъ просто знакомымъ. Леманъ спросилъ: «Вы никогда не бывали въ зоологическомъ саду?» На это сейчасъ же послѣдовалъ отвѣтъ: «Клѣтка гіены!» [2]).— Въ обоихъ случаяхъ, — поясняетъ по этому поводу Леманъ, — оказывается, что нужно было только направить вниманіе въ опредѣленную сторону для того, чтобы тотчасъ же выступили въ сознаніи ассоціаціи, тѣсно связанныя съ обонятельными ощущеніями. Слѣдовательно, онѣ несомнѣнно уже были возбуждены обонятельными ощущеніями, но только не могли подняться выше порога сознанія. Не смотря

---

[1]) «Phil. Stud.», VII, 192.

[2]) «Phil. St.», VII, 194.

на это, едва-ли можно сомнѣваться, что онѣ имѣли значеніе для состоянія сознанія, а отсюда недалеко уже до признанія, что онѣ служатъ основой качества знакомости (Bekanntheitsqualität) ощущенія. При такомъ допущеніи становится понятнымъ, почему (какъ это указывалось выше) требуется дѣйствительно подумать прежде, чѣмъ признать ощущеніе просто или «непосредственно» извѣстнымъ. Испытуемый ищетъ ассоціацій. Если онѣ совсѣмъ не могутъ быть найдены, то ощущеніе остается незнакомымъ; если же онѣ найдены, то при помощи ихъ ощущеніе узнано. Все дѣло теперь только въ томъ, насколько отчетливо будутъ воспроизведены ассоціированныя представленія. Если они остаются ниже порога сознанія, то ощущеніе просто узнано (bekannt) или, какъ выражается Геффдингъ, «непосредственно» узнано (unmittelbar bekannt); напротивъ, если эти представленія выступаютъ въ сознаніи, то вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляется и ощущеніе [1]).

II. Въ первой своей статьѣ Леманъ старался доказать, что въ основѣ «гипотезы сходства» лежатъ нелѣпыя психологическія воззрѣнія. Геффдингъ рѣшительно высказался противъ такого предположенія и доказывалъ, что принятіе данной гипотезы не заключаетъ въ себѣ никакихъ немыслимыхъ предпосылокъ. Тѣмъ не менѣе, Леманъ продолжаетъ настаивать, что въ самой попыткѣ объяснять «непосредственное» узнаваніе особой гипотезой кроется логическая несообразность.

Геффдингъ, по мнѣнію Лемана, пытается объяснять сравнительно извѣстное (случаи узнаванія съ опредѣленіемъ), исходя изъ сравнительно неизвѣст-

---

[1]) «Phil. Stud.», VII, 194.

наго (непосредственное узнаваніе) [1]), причемъ безъ достаточныхъ основаній допускаетъ, что узнаваніе само по себѣ и опредѣленіе узнаннаго осуществляются при помощи двухъ различныхъ процессовъ [2]).

Это положеніе Леманъ развиваетъ, отвѣчая Геффдингу на разборъ его опытовъ, опубликованныхъ въ первой статьѣ.

Разбирая опыты Лемана съ узнаваніемъ зрительныхъ ощущеній, Геффдингъ заключаетъ: «Если бы узнаваніе было непосредственнымъ, то, по мнѣнію Лемана, при опытахъ съ двумя кругами (нормальнымъ кругомъ *n* и *l*) *n* должно было бы легче узнаваться, чѣмъ *l*. Но это ни откуда не слѣдуетъ. Вѣдь здѣсь выборъ не между узнаваніемъ *n* и *l*, а между тѣмъ, признаютъ ли второй кругъ (*n* или *l*) равнымъ первому (*n*), или отличнымъ отъ него. А это нѣчто другое. Вѣдь ни откуда еще не слѣдуетъ, что легкость узнаванія *n* должна возрастать подъ вліяніемъ упражненія въ большей степени, чѣмъ способность находитъ различіе между *n* и *l*» [3]).—Леманъ, охотно принимая это замѣчаніе, всетаки не понимаетъ, какимъ образомъ возможно согласить его съ точкой зрѣнія Геффдинга. «Съ точки зрѣнія теоріи предрасположенія узнаваніе есть нѣчто столь простое, что даже не можетъ быть никакой рѣчи о томъ, чтобы оно совершалось при помощи сознательнаго сравненія. По всей вѣроятности, возраженіе Геффдинга надо понять въ томъ смыслѣ, что указанные опыты представляли собой не непосредственное узнаваніе, а нѣкоторое опредѣленіе, отмѣчиваніе узнаннаго и лишь это отмѣчиваніе вызывало сравненіе.

---

[1]) «Phil. Stud.», VII, 178.
[2]) «Phil. Stud.», VII, 201.
[3]) «Vierteljahrsschrift», 1890, 35.

Слѣдовательно, и здѣсь допускаются два различныхъ процесса: во-первыхъ, данное ощущеніе признается знакомымъ, во-вторыхъ — оно признается равнымъ другому ощущенію или отличнымъ отъ него» [1]).

«Однако,—говоритъ Леманъ,—мои самонаблюденія при этихъ опытахъ не могутъ подтвердить этого допущенія. Въ тотъ моментъ, когда показывается кругъ для сравненія, сразу появляется (drängt sich) въ сознаніи сужденіе «равно» или «не равно», появляется до такой степени непосредственно, что совсѣмъ не замѣчаютъ двухъ фазъ узнаванія. Конечно, отсюда еще нельзя заключать, что ихъ нѣтъ, но мнѣ кажется, что подобнаго рода допущеніе совершенно излишне. Если опредѣляемый кругъ оцѣнивается, какъ равный нормальному, то примитивное сравненіе, несомнѣнно имѣющее здѣсь мѣсто, приводитъ именно къ двойному результату: наблюдатель не только знаетъ, что данное ощущеніе знакомо, но онъ знаетъ даже, какое это ощущеніе (именно то, которое было получено отъ нормальнаго круга). Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ будетъ совершенно лишнимъ и неосновательнымъ принимать, кромѣ сравненія, какой-нибудь другой процессъ, при помощи котораго должна явиться знакомость ощущенія. Напротивъ, если данное ощущеніе оцѣнивается, какъ нѣчто отличное отъ нормальнаго круга, то сравненіе приводитъ только къ одному, совершенно отрицательному для даннаго ощущенія, результату, при чемъ возможны два случая. Иногда оцѣниваемое ощущеніе является въ сознаніи какъ что-то незнакомое, и это часто происходитъ въ томъ случаѣ, когда приходится имѣть дѣло съ рѣдко встрѣчающимися ощу-

---

[1]) «Phil. Stud.», VII, 202.

щеніями... Признавать въ подобномъ случаѣ непосредственное качество знакомости ощущенія значило бы стать въ противорѣчіе со всякимъ самонаблюденіемъ. Иногда же оцѣниваемое ощущеніе представляется наблюдателю знакомымъ, и тогда это качество знакомости также хорошо можетъ быть объяснено теоріей смежности при помощи какой-нибудь ассоціаціи, какъ и гипотезой Геффдинга» [1]).

III. Разбирая мнѣніе Геффдинга, утверждающаго, что всякая ассоціація по смежности предполагаетъ ассоціацію по сходству (по крайней мѣрѣ, въ формѣ непосредственнаго узнаванія), Леманъ прежде всего отмѣчаетъ полную логичность этого утвержденія съ точки зрѣнія выставленной Геффдингомъ «теоріи предрасположеній». Дѣйствительно, если (согласно теоріи Геффдинга) повторяется опредѣленное движеніе мозга, то вмѣстѣ съ ощущеніемъ дается также его «качество знакомости», именно потому, что въ данномъ случаѣ существовало предрасположеніе къ опредѣленному движенію мозга. А такъ какъ два ощущенія *A* и *B* не могутъ ассоціироваться по прямой смежности безъ того, чтобы по крайней мѣрѣ одинъ разъ не явиться одновременно въ сознаніи (отчего сейчасъ же порождается предрасположеніе къ обоимъ этимъ движеніямъ), то впослѣдствіи *A* не можетъ воспроизводить *b* безъ того, чтобы прежде не было узнано само *A*. «Теорія смежности,—замѣчаетъ по этому поводу Леманъ,—можетъ совершенно согласиться съ физіологической частью этого разсужденія. Я самъ ясно высказывался, что ассоціація смежности состоитъ только въ порожденномъ упражненіемъ предрасположеніи къ опредѣленнымъ движеніямъ мозга («Phil. Stud.», V, 107). Но одно дѣло—

[1]) «Phil. Stud.», VII, 202.

указывать необходимое физіологическое условіе психическаго явленія и другое—приписывать этому физіологическому явленію такое значеніе, которое, само по себѣ, невѣроятно» [1]).

Доказывая неосторожность объясненія процесса узнаванія теоріей смежности, Геффдингъ, по мнѣнію Лемана, впадаетъ во внутреннее противорѣчіе со своими собственными объясненіями этого явленія. Геффдингъ замѣчаетъ: «Если оттѣнокъ *A* возбуждаетъ словесное представленіе *b*, то въ этотъ самый моментъ, когда произнесено или живо представлено знакомое имя, совершается актъ узнаванія *b*, что даетъ намъ поводъ снова поднять вопросъ о непосредственномъ узнаваніи» [2]). На это Леманъ возражаетъ такъ: «По мнѣнію Геффдинга, выходитъ, что нельзя узнать *A* при помощи *b*, такъ какъ *b* само должно быть узнано. Я не понимаю этого возраженія, такъ какъ, съ моей точки зрѣнія, совершенно то же самое можно сказать противъ теоріи предрасположеній Геффдинга. Если, по Геффдингу, *A* узнается вслѣдствіе того, что имъ воспроизводится *a*, то спрашивается, какъ же это возможно, если только прежде не будетъ узнано *a*. Какъ же это происходитъ? Можетъ быть, такъ, что *a* воспроизводитъ a_1, которое, со своей стороны, воспроизводитъ a_2, и такъ до безконечности? ... По мнѣнію Геффдинга, узнаваніе основано на томъ, что повторяющееся ощущеніе (именно потому, что оно не ново) связано съ чѣмъ-то такимъ психическимъ, что не можетъ быть связано съ совершенно новымъ ощущеніемъ,—и въ этомъ именно лежитъ причина, что оно сознается какъ нѣчто знакомое.

---

[1]) «Phil. Stud.», VII, 211.

[2]) «Vierteljahrschr», 1890, 37.

Но вѣдь то же самое думаютъ и приверженцы теоріи смежности. Разница между двумя взглядами состоитъ только въ томъ, что Геффдингъ ищетъ качества знакомости въ психическомъ, которое можно вывести изъ большей легкости повторяющихся движеній мозга, между тѣмъ какъ теорія смежности видитъ его въ воспроизведеніи какого-нибудь представленія» [1]).

IV. Физіологическое объясненіе ассоціаціи сходства, предложенное Геффдингомъ, представляется Леману мало доказательнымъ.

Основное возраженіе Лемана сводится къ слѣдующему. «Геффдингъ, — говоритъ онъ, — вполнѣ правъ, говоря, что повтореніе раздраженія A вызываетъ совсѣмъ не ощущеніе A, но психическое состояніе $A+x$, гдѣ x обозначаетъ большую легкость повторнаго движенія. Только я не могу допустить, чтобы x было равно a, т.-е. воспроизведенію прежняго ощущенія A. Скорѣе я готовъ признать, что x представляетъ собою эмоціональный элементъ, чувственный тонъ. Извѣстно, что повтореніе часто можетъ имѣть замѣтно пріятный тонъ и едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что чувственный тонъ ощущенія находится въ тѣсномъ отношеніи къ легкости того психофизическаго процесса, въ результатѣ котораго получается ощущеніе» [2]).

Леманъ не отрицаетъ того, что большая легкость психофизическаго процесса, достигаемая повтореніемъ ощущенія, является психически—замѣтной величиной. Но онъ отказывается признать этотъ психическій коррелатъ элементомъ ощущенія.

«Если,—говоритъ онъ,—вмѣстѣ съ Геффдингомъ

---

[1]) «Phil. Stud.», VII, 198.
[2]) «Phil. Stud.», VII, 183.

считать этотъ коррелатъ элементомъ ощущенія, то придется допустить въ высшей степени невѣроятную гипотезу, что опредѣленное движеніе въ мозгу и большая или меньшая легкость этого движенія сопровождаются однимъ и тѣмъ же психическимъ процессомъ. Поэтому, надо принять, что психическій коррелатъ предрасположенія мозговыхъ движеній есть нѣчто другое, и въ такомъ случаѣ я положительно не знаю, чѣмъ онъ могъ бы быть, кромѣ чувственнаго тона. Но, принявъ это, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны признать, что качество знакомости (во всѣхъ приведенныхъ здѣсь случаяхъ [1]) не можетъ быть психическимъ коррелатомъ большей легкости мозговыхъ движеній, потому что съ каждымъ обонятельнымъ ощущеніемъ, будетъ ли оно знакомымъ, или незнакомымъ, всегда связанъ такой сильный чувственный тонъ, что немыслимо допустить, чтобы качество знакомости могло состоять въ усиленіи или ослабленія этого чувственнаго тона» [2]).

Полемика между Леманомъ и Геффдингомъ послужила поводомъ къ появленію статьи Вундта «Bemerkungen zur Associationslehre». («Philosoph. Studien», VII, 329—361).

Попробуемъ изложить основныя мысли этой статьи въ отношеніи къ тѣмъ четыремъ основнымъ положеніямъ, которыя были первоначально выставлены Леманомъ противъ теоріи сходства и послужили исходнымъ пунктомъ полемики между нимъ и Геффдингомъ.

Выступая въ роли третейскаго судьи между Леманомъ и Геффдингомъ, Вундтъ долженъ былъ высказаться по слѣдующимъ вопросамъ:

---

[1]) Описанные выше опыты Лемана.

[2]) «Phil. Stud.», VII, 191.

I. Противорѣчитъ ли гипотеза сходства опыту?

II. Не приводитъ ли признаніе чистой ассоціаціи сходства къ нелѣпымъ взглядамъ на представленія и ихъ взаимную связь?

III. Не является ли признаніе гипотезы сходства совершенно безполезнымъ для объясненія явленій ассоціаціи? и

IV. Не нарушаетъ ли признаніе ассоціаціи сходства, какъ процесса, не сводимаго на ассоціацію смежности, цѣлостности пониманія психическаго міра въ его отношеніи къ физіологическимъ явленіямъ?

Какъ же отвѣчаетъ Вундтъ на всѣ эти вопросы и что новаго вноситъ его статья въ споръ между Леманомъ и Геффдингомъ?

I. Въ послѣднемъ (пятомъ) изданіи своей «Физіологической Психологіи» Вундтъ, упоминая о полемикѣ между Леманомъ и Геффдингомъ, находитъ, что «этотъ интересный споръ поучителенъ не только потому, что онъ показалъ, что, при желаніи, можно принять за исключительный «законъ ассоціаціи» сходство, а не только смежность, какъ это дѣлали до тѣхъ поръ, но и потому, что оба противника при своихъ толкованіяхъ большею частью вращались въ области гипотезъ, допуская, въ случаѣ надобности, промежуточные ассоціаціонные процессы (associative Zwischenglieder), которые въ дѣйствительности прямо не наблюдались, а носили характеръ простой лишь возможности ассоціаціи» [1]).

Тѣмъ не менѣе, въ статьѣ, помѣщенной въ «Philosophische Studien», Вундтъ, обсуждая споръ Лемана и Геффдинга въ его отношеніи къ данному опыта, въ нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ рѣшительно становится на сторону Лемана.

[1]) Wundt. «Grundzüge der physiologischen Psychologie», III Bd., 569, 1903.

Въ споръ между Леманомъ и Геффдингомъ большое значеніе, какъ извѣстно, имѣлъ вопросъ о непосредственномъ узнаваніи, о томъ, существуетъ ли оно въ дѣйствительности, и какимъ образомъ слѣдуетъ объяснять «качество знакомости» (Bekanntheitsqualität), при воспріятіи «непосредственно извѣстнаго».

Если какое-нибудь представленіе является въ нашемъ сознаніи, какъ нѣчто знакомое (съ «качествомъ знакомости», по выраженію Геффдинга), то это выражается, по мнѣнію Вундта, въ своеобразномъ чувствѣ, которое онъ предлагаетъ называть «чувствомъ узнаванія» (Erkennungsgefühl) [1]). При этомъ Вундтъ полагаетъ, что основаніемъ этого чувства являются въ большинствѣ случаевъ смутно сознаваемыя побочныя представленія [2]).

Въ пятомъ изданіи «Grundzüge der physiol. Psychologie» (III, 536) Вундтъ выражается по этому поводу такъ: «на основаніи самонаблюденій при реакціяхъ различенія и узнаванія, равно какъ и при сравненіяхъ воспроизводимыхъ представленій, мнѣ кажется несомнѣннымъ, что содержаніе того, что Геффдингъ отмѣчаетъ именемъ «качества знакомости», можетъ быть обозначено только какъ чувство, зависимое въ своемъ качествѣ и въ своей интенсивности отъ ближайшаго качества предшествующихъ обстоятельствъ» (als ein in seiner Qualität und Intensität von der näheren Beschaffenheit des Vargangs abhangiges Gefühl bezeichnet werden kann).

Указаніе Геффдинга на то, что иногда знакомое представленіе бываетъ невозможно локализировать въ пространствѣ и времени, онъ считаетъ не имѣю-

---

[1]) «Phil. Stud.», VII, 345.

[2]) Ibidem, 353.

щимъ доказательной силы въ смыслѣ возраженія противъ вліянія на возникновеніе чувства узнаванія смутно сознаваемыхъ представленій [1]).

Обращая вниманіе на то, что апперцепція представленія не тожественна съ его появленіемъ въ сознаніи, и что изъ двухъ представленій *a* и *b*, выступающихъ въ сознаніи въ такомъ именно порядкѣ, *b* можетъ быть апперципировано раньше, Вундтъ признаетъ возможнымъ, что такъ называемое «непосредственное узнаваніе» только повидимому «непосредственно», на самомъ же дѣлѣ совершается при помощи побочныхъ представленій [2]), которыя и выступаютъ ясно въ сознаніи въ тѣхъ случаяхъ, когда узнаваніе достигаетъ совершенной полноты и отчетливости [3]). Въ этомъ отношеніи Вундтъ считаетъ очень поучительными тѣ данныя, которыя были получены при опытахъ Лемана [4]) и Скрипчюра [5]). При опытахъ Лемана (съ узнаваніемъ запаховъ) обнаружилось, что испытуемый, «непосредственно узнававшій» какой-нибудь запахъ при малѣйшемъ намекѣ, легко могъ иногда вызывать въ своемъ сознаніи тѣ представленія, которыя несомнѣнно были ассоціированы (по смежности) съ даннымъ обонятельнымъ ощущеніемъ [6]). Точно также Леману удалось показать, какое важное (и часто не сознаваемое нами) значеніе при такъ называемомъ «непосредственномъ» узнаваніи имѣетъ слово, обозначающее тѣ или другія узнаваемыя нами впечатлѣнія: когда отъ испытуемаго требовалось запомнить три оттѣнка сѣраго цвѣта и черезъ нѣкоторое время «непосредственно» узнать ихъ,

---

[1]) Ibidem, 354.
[2]) Ibidem, 340.
[3]) Ibidem, 347.
[4]) Ibid., 348.
[5]) Ibid., 360.
[6]) Ibid., 193 слѣд.

то это узнаваніе происходило легко и правильно; когда же для опытовъ брали не три, а четыре оттѣнка сѣраго цвѣта, то узнаваніе становилось неточнымъ и сопровождалось частыми ошибками [1]). Согласно съ Леманомъ, Вундтъ думаетъ, что подобнаго рода явленіе едва ли возможно объяснить чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ того, что въ нашей рѣчи существуютъ какъ разъ три слова для обозначенія различныхъ оттѣнковъ сѣраго цвѣта (сѣрый, темно-сѣрый и свѣтло-сѣрый) [2]). Это объясненіе, по мнѣнію Вундта, прекрасно подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что, когда Леманъ воспользовался для своихъ опытовъ съ узнаваніемъ девятью оттѣнками сѣраго цвѣта и обозначилъ каждый изъ нихъ числами, соотвѣтствующими ихъ порядку на одной шкалѣ, гдѣ они были расположены съ опредѣленною постепенностью перехода отъ чернаго къ бѣлому, то это сильно облегчило послѣдующее узнаваніе данныхъ оттѣнковъ.

Изъ результатовъ опытовъ Скрипчюра (произведенныхъ въ психологической лабораторіи лейпцигскаго университета) [3]) Вундтъ обращаетъ вниманіе на слѣдующій.

Чтобы изслѣдовать вопросъ, насколько отражается на появленіи въ сознаніи извѣстныхъ представленій вліяніе другихъ представленій, находившихся прежде съ ними въ связи, но не сознаваемыхъ въ данный моментъ, Скрипчюръ прежде всего предлагалъ испытуемымъ воспринимать ряды зрительныхъ образовъ *A*, *B*, *C*, *D*, причемъ каждый изъ нихъ былъ связанъ съ какимъ-нибудь незнакомымъ представленіемъ

---

[1]) Ibid., V, 138.

[2]) Ibid., VII, 348.

[3]) E. W. Scripture. «Ueber den associativen Verlauf der Vorstellungen». Phil. Stud., 1892, VII, 50—146.

(*u*, *v*, *w*, *x*). Затѣмъ давался рядъ представленій *M*, *N*, *O*, *P*, причемъ каждое изъ нихъ связывалось съ какимъ-нибудь представленіемъ изъ ряда *u*, *v*, *w*, *x*. Такимъ образомъ, испытуемый получалъ рядъ представленій *Au*, *Bv*, *Cw*, *Dx*, *Mu*, *Nv*, *Ow*, *Px*. Послѣ этого ему предлагалось какое нибудь одно изъ этихъ представленій, напр., *P* безъ *x*. При этомъ нерѣдко наблюдалось, что, воспринимая, напр., *P*, испытуемый ассоціировалъ съ нимъ *D*, совершенно не сознавая при этомъ *x*.

Указывая на это явленіе, Вундтъ считаетъ нужнымъ допустить, что побочное представленіе *x* смутно сознается и вызываетъ связанное съ нимъ прежде другое представленіе [1]).

II. Въ своей статьѣ Вундтъ не даетъ прямого разбора тѣхъ обвиненій въ нелѣпостяхъ и противорѣчіяхъ, которыя предъявляли другъ другу Леманъ и Геффдингъ, разбирая гипотезы сходства и смежности, но онъ ясно проводитъ мысль, что въ основныхъ точкахъ зрѣнія обоихъ мыслителей была нѣкоторая неправильность. То, что обыкновенно называется ассоціаціей смежности и ассоціаціей сходства, является очень сложнымъ процессомъ, въ основѣ котораго лежатъ такіе элементарные процессы, которые не могутъ быть совершенно покрыты ни той, ни другою формой ассоціаціи [2]).

Вундтъ различаетъ двѣ основныя формы ассоціацій—ассоціаціи одновременныя (simultanen) и послѣдовательныя (successiven). Подъ первыми онъ разумѣетъ всякій ассоціаціонный процессъ, составныя ассоціированныя части котораго образуютъ цѣлое, сознаваемое одновременно; подъ вторыми—

---

[1]) «Phil. Stud.», VII, 361.

[2]) «Philosoph. Stud.», VII, 332.

всякій ассоціаціонный процессъ, члены котораго сознаются какъ послѣдовательный рядъ. Устанавливая такое различіе, Вундтъ дѣлаетъ слѣдующее важное замѣчаніе: «Въ дѣйствительности можетъ происходить и, вѣроятно, происходитъ очень часто, что одновременная ассоціація требуетъ для своего возникновенія извѣстнаго времени и слѣдованія во времени. Съ другой стороны, возможно допустить, что связныя представленія при послѣдовательной ассоціаціи выступаютъ въ сознаніи одновременно и только апперципируются послѣдовательно. А такъ какъ мы можемъ опредѣлять теченіе представленій только по времени ихъ апперцепціи, то въ этомъ случаѣ ассоціація можетъ быть названа послѣдовательной (въ только что указанномъ смыслѣ) [3]).

По мнѣнію Вундта, при послѣдовательныхъ ассоціаціяхъ не можетъ быть и рѣчи о существованіи различныхъ «законовъ ассоціаціи», насколько подъ ними разумѣется закономѣрная смѣна явленій, лежащая въ основѣ различныхъ ассоціаціонныхъ явленій. Скорѣе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ассоціаціи обнаруживаются тѣ же самые элементарные процессы, которыми опредѣляются и одновременныя ассоціаціи: нѣкоторые элементы нашихъ представленій пробуждаютъ равныя имъ прежнія представленія, а къ нимъ примыкаютъ другія, которыя прежде были съ ними связаны. Вслѣдствіе этого все, нами сознаваемое (отчасти непосредственно, отчасти же опосредствованнымъ способомъ), становится въ тѣсную взаимную связь. А если такъ, то надо признать, что всякое представленіе, выступающее въ нашемъ сознаніи, поскольку оно прямо не порождается внѣшними возбужденіями, предполагаетъ участіе ассо-

[3]) Ibid. 334.

ціаціонной дѣятельности (auf Associationswirkungen beruht) [1]).

«Но здѣсь, — замѣчаетъ Вундтъ, — поднимается вопросъ: не появляются ли случайно въ сознаніи представленія, не вызванныя ни впечатлѣніями внѣшнихъ чувствъ, ни ассоціаціонными отношеніями? Дѣйствительно, каждый иногда наблюдаетъ, что вдругъ, безъ всякаго замѣтнаго повода, выступаетъ въ сознаніи какой-нибудь фантастическій образъ или воспоминаніе. Гербартъ называлъ это явленіе «свободнымъ восхожденіемъ» представленія и объяснялъ его тѣмъ, что представленіе *v*, возникающее повидимому непосредственно, было задержано другими представленіями—*a* и *b*; но какъ только эти послѣднія, въ свою очередь, были задержаны какимъ-нибудь третьимъ представленіемъ *c*, — представленіе *v* должно само собою выступить въ сознаніи. Прежде всего, всѣ принимаемые здѣсь процессы задержекъ сплошь гипотетичны. Но, кромѣ того, ясно, что все это объясненіе основано на допущеніи вѣчнаго существованія представленій и что оно сейчасъ же само собою падаетъ, какъ только мы, отбросивъ это допущеніе, станемъ разсматривать представленія не какъ неизмѣнные объекты, а какъ измѣняемыя я в л е н і я (als wechselnde Ereignisse)...

Въ силу опыта можетъ произойти, что представленіе *a* ассоціировано съ какимъ-нибудь побочнымъ представленіемъ *x*, съ которымъ ассоціировалось также другое представленіе *b*. Если затѣмъ представленіе *b* получитъ господство въ сознаніи, то оно можетъ (повидимому, безъ всякаго посредствующаго члена и, слѣдовательно, помимо воспріятія *x*) снова вызвать *a*. Итакъ, здѣсь *a* выступаетъ въ сознаніи,

---

[1]) «Philosoph. Studien», VII, 358.

повидимому, независимо отъ причинъ, лежащихъ въ ассоціаціонныхъ связяхъ... Этотъ процессъ опосредствованныхъ ассоціацій экспериментальнымъ путемъ можно изслѣдовать точнѣе, чѣмъ путемъ случайныхъ самонаблюденій. Испытуемому предлагаютъ послѣдовательно воспринять (въ зрительныхъ образахъ, при моментальныхъ освѣщеніяхъ поля зрѣнія) рядъ объектовъ *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, *f*... Каждый изъ этихъ объектовъ связанъ съ другимъ такимъ образомъ, что для извѣстныхъ членовъ ряда побочныя представленія оказываются одними и тѣми же, напр.: *ax*, *by*, *cz*, *dy*, *eq*, *fx*... Черезъ нѣкоторое время испытуемаго снова заставляютъ воспринять основные члены ряда, причемъ побочные члены отбрасываются, а порядокъ воспріятія, въ сравненіи съ первоначальнымъ, мѣняется, напр.: *d*, *c*, *b*, *a*, *f*... Изслѣдуя, какое представленіе возникаетъ само собою, какъ ассоціація, послѣ появленія того или иного образа, находятъ, что въ громадномъ количествѣ случаевъ, исключающемъ возможность случайности, появляются въ сознаніи такіе объекты даннаго ряда, которые были ассоціированы съ одинаковыми побочными представленіями, напримѣръ: вслѣдъ за *a*—*f*, какъ ассоціація, вслѣдъ за *b*—*d*, Цѣлесообразнѣе всего построить опыты такъ, чтобы главному ряду представленій *a*, *b*, *c*, *d* и т. д. соотвѣтствовали извѣстные объекты, а побочному ряду представленій *x*, *y*, *z*—произвольные знаки. Такъ, напримѣръ, Скрипчюръ [1]) взялъ для *a*, *b*, *c*... ходячія нѣмецкія слова, а для *x*, *y*, *z*... знаки японскаго письма, которые не были знакомы ни одному изъ испытуемыхъ. При такихъ условіяхъ видимость «свободнаго восхожденія» представленій возникаетъ особенно легко, такъ какъ ничего не

---

[1]) Scripture, «Philos. Studien», VII, 76.

обозначающія побочныя представленія только въ рѣдкихъ случаяхъ воспроизводятся отчетливо. Поэтому, на вопросъ, почему съ опредѣленнымъ представленіемъ *a* онъ ассоціировалъ другое представленіе *f*, испытуемый обыкновенно не могъ указать никакого основанія: представленіе, повидимому, возникаетъ совершенно случайно. Однако, на основаніи вышесказаннаго, и въ этомъ случаѣ надо признать, что въ сознаніи неясно появлялось (dunkel in das Bewusstsein getreten sei) побочное представленіе *x*, которое вызвало затѣмъ представленіе *f*, прежде съ нимъ ассоціированное. Слѣдовательно, это явленіе совершенно равняется обычной ассоціаціи, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ членъ ассоціаціоннаго ряда сознается не ясно, такъ что въ этомъ мѣстѣ рядъ кажется прерваннымъ» [1]).

Въ приведенныхъ мнѣніяхъ Вундта нѣтъ прямого отвѣта на вопросъ: не приводитъ ли признаніе чистой ассоціаціи сходства къ нелѣпымъ взглядамъ на представленія и ихъ взаимную связь? Но онъ ясно высказывается противъ гербартіанскаго взгляда на представленія, какъ неизмѣнные объекты, существующіе за порогомъ нашего сознанія и могущіе «свободно восходить» при извѣстныхъ условіяхъ. Онъ требуетъ постоянно помнить, что представленія—измѣняющіяся явленія. На тѣхъ же положеніяхъ, какъ мы знаемъ, усиленно настаивалъ и Леманъ, доказывая въ своей полемикѣ съ Геффдингомъ нелѣпость признанія гипотезы чистой ассоціаціи сходства.

III. По вопросу о томъ, не является ли признаніе гипотезы сходства совершенно безполезнымъ для объясненія явленій ассоціаціи, Вундтъ высказываетъ слѣдующія соображенія.

---

[1]) Wundt, «Philos. Stud.», VII, 359—361.

Ссылаясь на извѣстныя разсужденія Лемана и Геффдинга, Вундтъ признаетъ возможнымъ, видоизмѣняя соотвѣтственнымъ образомъ понятія «непосредственнаго» и «опосредствованнаго», объяснять всякую ассоціацію смежности какъ не прямую ассоціацію сходства, и всякую ассоціацію сходства какъ не прямую ассоціацію смежности. Въ зависимости отъ точки зрѣнія психолога, непосредственной ассоціаціей называлась то ассоціація сходства (какъ, напр., у Гербарта), то ассоціація смежности (при желаніи понять ассоціацію сходства, какъ опосредствованную ассоціацію, сводимую на ассоціацію смежности). «Однако ясно,—замѣчаетъ при этомъ Вундтъ,—что при такихъ толкованіяхъ, съ чисто-теоретической точки зрѣнія, перевѣсъ оказывается на сторонѣ теоріи смежности, такъ какъ, объясняя данную ассоціацію сходства, она совершенно удовлетворяется ссылкой на отношенія смежности, между тѣмъ какъ теорія сходства въ концѣ концовъ все-таки должна сослаться на смежность. Дѣйствительно, теперь споръ между защитниками теоріи сходства и смежности идетъ уже не о томъ, существуетъ ли одна только ассоціація сходства, или одна только ассоціація смежности: представители теоріи сходства готовы признать существованіе ассоціаціи по смежности, но при этомъ они утверждаютъ, что наряду съ ней существуетъ также ассоціація сходства и что, кромѣ того, эта ассоціація содѣйствуетъ образованію ассоціаціи смежности» [1]).

Такимъ образомъ первымъ преимуществомъ гипотезы смежности передъ гипотезой сходства является, по мнѣнію Вундта, то, что она даетъ возможность (конечно, иногда при допущеніи гипотетическихъ

[1]) «Philosoph. Studien», VII, 331.

посредствующихъ членовъ) объяснить всѣ явленія съ одной точки зрѣнія.

Желая ближе разъяснить свой взглядъ на отношеніе ассоціаціи сходства къ ассоціаціи смежности, Вундтъ останавливается на анализѣ процесса ассимиляціи. «Если мы,—говоритъ Вундтъ,—воспринимаемъ неправильно напечатанное слово какъ правильное, то здѣсь прежде всего дѣйствуютъ буквы, соотвѣтствующія правильному образу слова: онѣ вызываютъ совпадающіе съ ними воспроизводимые образы тѣхъ же самыхъ буквъ, а эти образы влекутъ за собою въ сознаніе тѣ образы, которые были съ ними внѣшнимъ образомъ связаны въ прежнихъ воспріятіяхъ и которые, вмѣстѣ съ ними, даютъ правильный образъ слова, такъ что, подъ вліяніемъ этихъ воспроизведенныхъ образовъ вытѣсняются тормозящіе элементы даннаго впечатлѣнія. Если попытаться и къ этимъ одновременнымъ связямъ приложить понятія ассоціацій сходства и смежности, то, безъ сомнѣнія, то, что выше было обозначено какъ второй актъ ассимиляціи, подходитъ подъ ассоціацію смежности. Напротивъ, сведеніе перваго акта къ ассоціаціи сходства вызываетъ серьезныя сомнѣнія. А именно, поскольку сходными называются два объекта, которые въ однихъ признакахъ равны, а въ другихъ различны, трудно понять, какимъ образомъ какое-нибудь впечатлѣніе должно непосредственно пробудить воспоминаніе о какомъ-нибудь другомъ впечатлѣніи, которое отъ него болѣе или менѣе отличается. Оно всегда можетъ пробудить его лишь настолько, насколько оно ему равно. Но тогда, конечно, вмѣстѣ съ пробужденіемъ этого равнаго, могутъ возобновиться и другіе, неравные элементы, коль скоро въ прежнихъ представленіяхъ они находились во внѣшней связи съ равными элементами. Слѣдова-

тельно, ассоціація сходства, въ собственномъ смыслѣ этого слова, всегда возможна только вслѣдствіе соединенія ассоціаціи равенства съ одной или нѣсколькими ассоціаціями смежности... Противъ этого можно было бы возразить, что два представленія никогда не бываютъ равны другъ другу, и что поэтому, вмѣсто ассоціаціи равенства, всегда должна была бы являться только ассоціація сходства. На это надо отвѣтить, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не объ ассоціаціяхъ цѣлыхъ представленій, но лишь объ ассоціаціяхъ между составными частями представленій. Совершенное равенство между двумя представленіями не можетъ существовать уже потому, что къ каждой ассоціаціи равенства сейчасъ же присоединяются ассоціаціи смежности, которыя, въ зависимости отъ того, какой изъ этихъ факторовъ беретъ перевѣсъ, сообщаютъ порождаемому ими результату форму то ассоціаціи сходства, то ассоціаціи смежности. Слѣдовательно, если мы хотимъ отдать отчетъ въ элементарныхъ процессахъ, лежащихъ въ основѣ ассоціацій, то въ качествѣ таковыхъ процессовъ можно различить только связь равнаго и связаннаго пространственной и временной смежностью... Если въ цѣломъ представленіи, которое разсматриваютъ, какъ результатъ ассоціаціи, на первый планъ сознанія выступаютъ связи равныхъ составныхъ частей, то возникшую ассоціацію называютъ ассоціаціей сходства; напротивъ, если обращаютъ вниманіе только на внѣшнія связи, то говорятъ объ ассоціаціи смежности. Такъ, напримѣръ, мы называемъ ассоціаціей сходства, если портретъ знакомаго человѣка напоминаетъ намъ самого человѣка. Портретъ могъ нѣсколько и отличаться отъ дѣйствительности, но отдѣльныя черты совпадаютъ съ нею и такимъ образомъ вызываютъ вопроизведе-

ніе прежде полученныхъ образовъ нашего знакомаго, побуждая насъ переносить на данный портретъ многія черты, принадлежащія оригиналу, но отсутствующія или измѣненныя въ портретѣ. Это воспроизведеніе составныхъ частей, не данныхъ во внѣшнемъ впечатлѣніи, конечно, есть связь по смежности. Одни изъ этихъ смежныхъ элементовъ дѣйствуютъ ассимилирующимъ образомъ, дѣлая сходство портрета большимъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ; другіе даютъ намъ возможность сознать различіе: они являются причинами того, что мы вообще отличаемъ образъ отъ дѣйствительности, вслѣдствіе чего данный психическій продуктъ является не одновременной ассимиляціей, а послѣдовательной «ассоціаціей сходства». Напротивъ, если мы слышимъ или читаемъ слова «Азъ есмь Господь»..., то каждый, знающій Десять Заповѣдей, дополнитъ «Богъ твой». Итакъ, въ результатѣ получилась ассоціація смежности. Но первоначальнымъ процессомъ и здѣсь является непосредственно слѣдующая связь равенства. Услышанныя слова вызываютъ равные, прежде слышанные звуки; и только по мѣрѣ того, какъ проявляются дѣйствія смежности, эти звуки могутъ ассимилироваться, какъ согласные съ прежде слышанными... Въ результатѣ надо признать, что существуютъ только двѣ основныя формы связи между элементами представленій, связь равенства и связь смежности, — и что обѣ онѣ должны вмѣстѣ быть налицо при каждой дѣйствительной ассоціаціи [1]).

Изъ этого видно, что Вундтъ считаетъ не безполезнымъ признать ассоціацію сходства, какъ элементарный психическій процессъ, только въ формѣ ассоціаціи равенства, причемъ не даетъ яснаго от-

---

[1]) «Philosoph. Studien», VII, 340—344.

вѣта на естественно возникающій вопросъ: чѣмъ же отличается «равное» ассоціируемое представленіе отъ того, которое послужило исходнымъ пунктомъ ассоціаціи, и почему же именно въ данномъ случаѣ необходимо говорить о двухъ равныхъ представленіяхъ, а не объ одномъ, неизмѣнно пребывающемъ въ сознаніи, элементѣ, который только мѣняетъ свою роль, въ зависимости отъ общаго состоянія нашего вниманія въ данный моментъ?

IV. Вопросъ, не нарушаетъ ли признаніе ассоціаціи сходства, какъ процесса, не сводимаго на ассоціацію смежности, цѣлостности пониманія психическаго міра въ его отношеніи къ физіологическимъ явленіямъ, принялъ въ концѣ полемики Геффдинга съ Леманомъ нѣсколько иную форму, чѣмъ онъ имѣлъ въ ея началѣ. Въ началѣ полемики Леманъ, ссылаясь на разсужденіе Риля, указывалъ, что признаніе ассоціаціи сходства, какъ процесса, не сводимаго къ ассоціаціи смежности, предполагаетъ увѣренность, что нѣкоторыя изъ явленій ассоціаціи не могутъ быть объяснены посредствомъ физіологическихъ законовъ. Геффдингъ, въ отвѣтъ на это, развилъ свою физіологическую гипотезу ассоціаціи сходства, отмѣтивъ въ то же время, что обѣ спорныя формы ассоціаціи (смежности и сходства) могутъ быть сведены къ одной основной ассоціаціи между частью и цѣлымъ. Такимъ образомъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, полемика Лемана съ Геффдингомъ по данному вопросу свелась къ разъясненію того, насколько выдерживаетъ критику физіологическая гипотеза, построенная Геффдингомъ для объясненія ассоціаціи сходства. При этомъ главнымъ спорнымъ пунктомъ былъ вопросъ: что служитъ психическимъ коррелатомъ той «легкости» воспроизведенія, которая характеризуетъ «знакомое»? Ле-

манъ видѣлъ этотъ коррелатъ въ чувственномъ тонѣ ощущенія, хотя и сомнѣвался въ томъ, чтобы при помощи этого коррелата совершалось узнаваніе. Вундтъ, какъ было уже сказано, въ этомъ пунктѣ отчасти примыкаетъ къ Леману, полагая, что «качество знакомости» выражается въ своеобразномъ чувствѣ—Erkennungsgefühl,—въ основѣ котораго лежатъ смутно сознаваемыя побочныя представленія [1]).

Вслѣдъ за статьей Вундта «Bemerkungen zur Associationslehre», въ «Philosophische Studien» появилась небольшая статья Геффдинга «Zur Theorie des Wiedererkennens» (Philosop. Studien, VIII, 86—96), въ которой онъ отвѣчалъ на послѣднія возраженія Лемана и замѣчанія Вундта.

I. Подводя итоги своей полемики съ Леманомъ по вопросу о томъ, не противорѣчитъ ли признаніе чистой ассоціаціи сходства опыту, Геффдингъ считаетъ для себя уже большимъ успѣхомъ то, что Леманъ признаетъ самый фактъ существованія такихъ случаевъ, когда лицо, узнающее данное впечатлѣніе, не сознаетъ при этомъ никакихъ побочныхъ, связанныхъ съ даннымъ впечатлѣніемъ представленій [2]). Такихъ случаевъ, при опытахъ самого Лемана съ узнаваніемъ запаховъ, было 7% (Philosoph. Stud., VII, 120). Правда, Леманъ старается объяснить эти случаи вліяніемъ «темныхъ» или «безсознательныхъ» представленій, которыя при извѣстныхъ условіяхъ могутъ нами и сознаваться. Но Геффдингъ думаетъ, что, въ теоретическомъ отношеніи, выше стоитъ та теорія, которая объясняетъ подобнаго рода случаи безъ допущенія этихъ гипотетическихъ «безсознательныхъ» представленій. Примѣръ, которымъ

---

[1]) «Philos. Studien», VII, 345.
[2]) «Philos. Stud.», VIII, 88.

пользуется Леманъ для доказательства, что при такъ называемомъ «непосредственномъ» узнаваніи имѣютъ большое значеніе ассоціаціи по смежности, кажется Геффдингу не убѣдительнымъ. Одинъ изъ испытуемыхъ Лемана призналъ знакомымъ данный ему запахъ сивушнаго масла, но долго не могъ опредѣлить его. «Вспомните-ка гимназическій классъ № 10!»—сказалъ экспериментаторъ, знавшій, что въ этомъ классѣ, хорошо извѣстномъ испытуемому, находится шкафъ съ зоологическими препаратами, издававшими сильный запахъ сивушнаго масла. «Да это—запахъ спиртовыхъ препаратовъ!»—сейчасъ же воскликнулъ испытуемый. — «Меня очень удивляетъ,—говоритъ Геффдингъ по поводу этого примѣра,—что въ подобнаго рода случаѣ можно видѣть доказательство существованія представленій, дѣйствующихъ подъ порогомъ сознанія. Такимъ способомъ можно было бы доказать существованіе «подъ порогомъ сознанія» очень многихъ представленій, а именно всѣхъ тѣхъ, которыя можно было бы вызвать у человѣка вопросомъ и возбужденіемъ воспоминаній. Вѣдь всегда можно построить слѣдующее заключеніе: «они должны были существовать подъ порогомъ сознанія, такъ какъ иначе они не могли бы явиться» [2]). По мнѣнію Геффдинга, явленіе, на которое въ данномъ случаѣ указываетъ Леманъ, слѣдуетъ объяснить такъ: испытуемый узналъ запахъ, но не могъ вспомнить его имени; тогда экспериментаторъ вызываетъ въ его сознаніи представленіе классной комнаты, характерной чертой которой былъ именно этотъ самый запахъ; а это представленіе (въ составъ котораго входятъ также зрительные образы препаратовъ, стклянокъ и т. д.) очень легко вызываетъ имя. «Но изъ

---

[2]) «Philos. Stud.», VIII, 91.

этого,—замѣчаетъ Геффдингъ,—еще нельзя заключать, что это имя уже ранѣе обнаруживало свое вліяніе въ формѣ чего-то безсознательнаго. Мнѣ кажется гораздо болѣе правильнымъ обратный выводъ, что необходимымъ условіемъ для вызова представленія имени какого-нибудь запаха у не-химиковъ и не-аптекарей является зрительное представленіе соотвѣтствующаго вещества [1]).

Сравнивая мнѣнія Лемана и Вундта по вопросу о томъ, какъ понимать психическое явленіе, отмѣченное именемъ «Bekanntheitsqualität», Геффдингъ находитъ между ними существенную разницу. «Оба изслѣдователя, — говоритъ онъ, — приписываютъ въ этомъ случаѣ чувству совсѣмъ не одинаковую роль. По Вундту, качество знакомости (Bekanntheitsqualität) состоитъ именно въ чувствѣ, вызванномъ темными побочными представленіями (Philos. Stud., VII, 352). Леманъ же положительно отрицаетъ, что качество знакомости можетъ быть чувствомъ (Phil. Stud., VII, 191). Чувство, которое допускаетъ этотъ изслѣдователь при узнаваніи, должно соотвѣтствовать «психическому коррелату предрасположенія мозговыхъ движеній» или, точнѣе, «большей легкости повтореннаго движенія» (стр. 183). Леманъ ссылается на свои опыты съ узнаваніемъ запаховъ. Воспріятіе запаховъ сопровождалось такимъ сильнымъ чувственнымъ тономъ, что немыслимо предположить, будто «качество знакомости» могло состоять въ его усиленіи или ослабленіи. Кромѣ того, этотъ чувственный тонъ замѣтно измѣнялся въ своей силѣ въ зависимости отъ силы вдыханія (Philos. Stud., VII, 191). Свою точку зрѣнія Геффдингъ считаетъ болѣе близкой взгляду Лемана, чѣмъ Вундта: «Если у насъ

[1]) «Philosoph. Studien», VIII, 91—92.

является чувство удовольствія при всякомъ узнаваніи, какъ таковомъ (при отсутствіи особенныхъ причинъ для неудовольствія), то это объясняется вліяніемъ упражненія. Наличность этого чувства удовольствія я уже отмѣтилъ въ моемъ описаніи. Только я не думаю, что качество знакомости состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ только въ этомъ чувствѣ, и Леманъ также этого не думаетъ» [1]).

II. На всѣ возраженія, что признаніе чистой ассоціаціи сходства приводитъ къ нелѣпымъ взглядамъ на представленія и ихъ взаимную связь, Геффдингъ еще разъ напоминаетъ, что выставленная имъ формула ассоціаціи сходства $\left(\overset{a}{A}\right)$ должна обозначать, съ одной стороны, что при непосредственномъ узнаваніи дѣйствуетъ то же самое, что при другихъ отношеніяхъ сдѣлало бы возможнымъ свободное воспроизведеніе, и, съ другой, что оно сродно съ ощущеніемъ (A), поскольку предполагается наличность чувственнаго впечатлѣнія. «Я,—говоритъ Геффдингъ,—не держусь того мнѣнія (которое мнѣ повидимому приписываетъ Джемсъ, «Princ. ot Psychology», I, 674), что (при непосредственномъ узнаваніи) всегда должны происходить два особыхъ процесса (изъ которыхъ одинъ соотвѣтствуетъ A а другой a), смѣшивающихся впослѣдствіи. Возможно, что иногда это происходитъ. Но своею формулой я только желаю выразить, что то, что при непосредственномъ узнаваніи представляется сознанію единымъ нераздѣльнымъ качествомъ, единымъ безраздѣльнымъ цѣлымъ (что и обозначается скобками), все-таки требуетъ для своего возникновенія двухъ особыхъ условій, а именно не только чувственнаго впечатлѣнія (A), но и нѣкотораго предрасположенія, такъ сказать, потенціаль-

[1]) «Philos. Stud.», VIII, 94.

ности представленія, могущаго перейти при другихъ обстоятельствахъ въ свободное представленіе» [1]).

III. По вопросу о томъ, не является ли признаніе гипотезы сходства совершенно безполезнымъ для объясненія явленій ассоціаціи, Геффднигъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія, вызванныя послѣдними статьями Лемана и Вундта.

«Докторъ Леманъ,—говоритъ Геффдингъ,—возражая мнѣ, апеллируетъ къ принципу, по которому неизвѣстное должно быть объяснено при помощи уже извѣстнаго. Изъ того, что свободная ассоціація представленій, встрѣчавшихся прежде вмѣстѣ, есть общеизвѣстный фактъ, онъ выводитъ, что ее слѣдуетъ положить въ основу теоріи непосредственнаго узнаванія. Я не вижу въ этомъ необходимости, такъ какъ надо еще доказать, что неизвѣстное сводится именно къ этому опредѣленному извѣстному. Кромѣ того, нужно замѣтить, что я признаю фактомъ упомянутую ассоціацію (ассоціацію по «смежности»), но фактомъ, далеко не такимъ простымъ, какъ это думаетъ Леманъ (см. мою статью въ «Vierteljahrsschrift» XIV, стр. 40—49). Мнѣ кажется, что я тоже перехожу отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, сравнивая ощущеніе съ непосредственнымъ узнаваніемъ и объясняя различіе вліяніемъ упражненія» [2]).

По поводу взгляда Вундта, признавшаго возможнымъ разложить сходство на тожество и различіе, Геффдингъ (безъ дальнѣйшихъ поясненій) замѣчаетъ, что, съ его точки зрѣнія, есть случаи, когда нельзя произвести подобнаго разложенія [3]).

Теперь постараемся выяснить вопросъ: что же

---

[1]) «Philos. Stud.», VIII, 90.
[2]) «Philos. Stud.», VIII, 90.
[3]) «Philos. Stud.», VIII, 96.

дала полемика Лемана и Геффдинга для ученія объ ассоціаціи сходства? Насколько убѣдительны доводы, выставленные въ этомъ случаѣ обѣими сторонами?

Однимъ изъ самыхъ сильныхъ возраженій Геффдинга Леману было указаніе на то, что психологи, стремящіеся свести ассоціацію сходства на смежность, игнорируютъ факты непосредственнаго узнаванія, о которыхъ намъ свидѣтельствуетъ самонаблюденіе. Леманъ, въ свою очередь, пытался доказать, что данныя самонаблюденія, приводимыя Геффдингомъ, понимаются имъ неправильно и, въ его толкованіи, противорѣчатъ другимъ показаніямъ самонаблюденія.

На сколько же оба автора, отстаивая свои точки зрѣнія, оставались вѣрными принципу—строго согласовать свои теоріи съ данными самонаблюденія?

Мы видѣли, что Леманъ не считаетъ возможнымъ ограничиваться, при объясненіи психическихъ явленій, однимъ только самонаблюденіемъ. Онъ указываетъ на то, что такъ называемое «непосредственное» узнаваніе, о которомъ намъ свидѣтельствуетъ опытъ, можетъ быть объясняемо вліяніемъ ассоціацій, дѣйствующихъ подъ порогомъ сознанія. Но Геффдингъ рѣшительно осуждаетъ такой пріемъ объясненія, находя принятіе «безсознательныхъ представленій» излишней гипотезой. Слѣдовательно, оба автора находятся не въ одинаковомъ положеніи къ вопросу о значеніи самонаблюденія: точка зрѣнія Геффдинга, строго говоря, требуетъ постоянной ссылки на самонаблюденія, а Леманъ останется вѣрнымъ своей точкѣ зрѣнія и тогда, когда ему удастся показать, что данныя самонаблюденія лишь не противорѣчатъ его теоріи.

Конечно, въ этомъ случаѣ позиція Лемана была болѣе удобна для полемики, и Геффдингу не удалось привести ни одного факта изъ области само-

наблюденія, съ которымъ не справился бы его противникъ. И это вполнѣ понятно. Признавая наличность всѣхъ данныхъ самонаблюденія, на которыя указывалъ Геффдингъ, Леманъ только предполагалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ связь этихъ данныхъ съ другими процессами, стоящими внѣ сферы самонаблюденія.

Но удалось ли Геффдингу, въ своей полемикѣ съ Леманомъ, все время оставаться на почвѣ самонаблюденія?

Выясняя значеніе ассоціаціи сходства для ассоціаціи смежности, Геффдингъ указывалъ на то, что въ формулѣ смежности

$$A + b$$

переходъ отъ A къ b возможенъ только вслѣдствіе узнаванія A, совершаемаго при помощи ассоціаціи сходства $(A + [a_1 + a_2 + \ldots + a_n])$. Но спрашивается: какимъ путемъ устанавливается это положеніе? Развѣ самонаблюденіе (особенно при быстро возникающихъ, мимолетныхъ ассоціаціяхъ смежности) всегда свидѣтельствуетъ намъ о предварительномъ узнаваніи исходнаго пункта ассоціаціи? Самонаблюденіе во многихъ случаяхъ подобнаго рода молчитъ и, желая отстаивать указанное положеніе въ его общемъ значеніи, поневолѣ приходится, исходя изъ нѣкоторыхъ наиболѣе опредѣленныхъ явленій, заключать къ другимъ по аналогіи. Это обстоятельство хорошо подмѣтилъ Леманъ, упрекая Геффдинга въ томъ, что онъ въ данномъ случаѣ смѣшалъ психологическую точку зрѣнія съ физіологической, т.-е., говоря другими словами, покинулъ почву строгаго самонаблюденія.

Возражая Леману по поводу его опытовъ съ узнаваніемъ запаховъ, Геффдингъ замѣчаетъ, что его заключеніе, будто непосредственное узнаваніе не

всегда дается одновременно съ воспріятіемъ, неправильно, такъ какъ, если испытуемый говоритъ, что онъ «еще не узнаетъ» даннаго запаха, то отсюда не елѣдуетъ, будто онъ его дѣйствительно не узналъ: здѣсь было «непосредственное» узнаваніе, только безъ припоминанія имени.

Разсматриваемое съ своей фактической стороны, это возраженіе невольно вызываетъ вопросъ: почему, отстаивая исключительную важность свидѣтельства самонаблюденія и основывая, повидимому, только на немъ признаніе самаго факта непосредственнаго узнаванія, подвергать еще особымъ, дополнительнымъ истолкованіямъ свидѣтельства, основанныя на самонаблюденіяхъ испытуемыхъ Лемана? Вѣдь эти свидѣтельства особенно цѣнны въ томъ отношеніи, что тѣ же лица, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ не сразу узнавали данный имъ запахъ, въ другихъ, многочисленныхъ случаяхъ узнавали данныя имъ обонятельныя ощущенія сразу, причемъ ихъ имена не всегда припоминались, а въ 7% всѣхъ случаевъ не было воспроизведено даже никакихъ опредѣленій («непосредственное узнаваніе»). Въ этихъ фактахъ нѣтъ ровно ничего, что могло бы заставить насъ подозрѣвать ихъ достовѣрность; въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго вліянія предвзятости (вспомнимъ, что даже самъ Геффдингъ выражаетъ удивленіе по поводу результатовъ этихъ опытовъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень благопріятныхъ, по его мнѣнію, его теоріи). Очевидно, лица, участвовавшія въ опытахъ Лемана, своими отвѣтами только добросовѣстно отмѣчали результаты своего самонаблюденія. Почему же въ данномъ случаѣ Геффдингъ не хочетъ ограничиться только тѣмъ, что даетъ самонаблюденіе, а считаетъ необходимымъ допустить, что здѣсь все-таки еще непремѣнно было не подмѣченное (или не

отмѣченное) «непосредственное узнаваніе»? Не есть ли это своего рода предвзятость, выходящая за предѣлы области строгаго самонаблюденія?

Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы признать, что Леманъ и Геффдингъ, споря другъ съ другомъ о взаимномъ отношеніи ассоціацій сходства и смежности, оба не оставались все время на почвѣ строгаго самонаблюденія, но допускали также нѣкоторыя положенія, не подтверждаемыя его прямыми данными. Но, можетъ быть, въ самомъ характерѣ фактовъ, предполагаемыхъ двумя этими психологами, есть настолько существенная разница, что нѣкоторые изъ нихъ надо отвергнуть прямо уже потому, что они противорѣчатъ всему строю нашихъ научныхъ знаній? Этотъ вопросъ можно разъяснить на одномъ очень характерномъ примѣрѣ.

Леманъ, доказывая, что гипотеза сходства заключаетъ въ себѣ логическую несообразность, воспользовался, между прочимъ, анализомъ формулы узнаванія

$$A + (a_1 + a_2 + \ldots + a_n),$$

гдѣ качественное измѣненіе (узнаваніе) объясняется измѣненіями количественнаго характера ($a_1 + a_2 + \ldots + a_n$). Въ отвѣтъ на это, Геффдингъ разъяснилъ, что, предполагая при всякомъ непосредственномъ узнаваніи ассоціацію сходства, онъ хотѣлъ лишь выразить слѣдующее: то, что при непосредственномъ узнаваніи представляется сознанію единымъ нераздѣльнымъ качествомъ, все-таки требуетъ для своего возникновенія двухъ особыхъ условій—чувственнаго впечатлѣнія A и предрасположенія, могущаго перейти при другихъ обстоятельствахъ въ свободное представленіе. Отсюда наиболѣе соотвѣтствующей

своему взгляду формулой узнаванія Геффдингъ признавалъ слѣдующую

$$\left(\overset{a}{A}\right).$$

Съ этимъ объясненіемъ Геффдинга интересно сопоставить его же собственное возраженіе Леману, пытавшемуся доказать, при помощи своихъ опытовъ съ узнаваніемъ запаховъ, участіе въ процессѣ непосредственнаго узнаванія ассоціацій, находящихся ниже порога сознанія. Леманъ описываетъ два случая такъ называемаго «непосредственнаго» узнаванія запаховъ, когда экспериментатору удалось своимъ вопросомъ превратить это «непосредственное» узнаваніе въ «узнаваніе съ обстоятельствами», вызвавъ, при помощи вопроса, въ сознаніи испытуемаго соотвѣтствующія представленія. Геффдингъ сильно возражалъ противъ допущенія въ данномъ случаѣ гипотетическихъ «безсознательныхъ» представленій. Онъ замѣчалъ, что подобнаго рода способомъ возможно было бы доказать существованіе «подъ порогомъ сознанія» всѣхъ представленій, которыя можно было бы вызвать у человѣка вопросомъ и возбужденіемъ воспоминаній, такъ какъ всегда можно построить заключеніе: «они должны были существовать подъ порогомъ сознанія, потому что иначе они не могли бы явиться».

Но развѣ нельзя направить всѣхъ этихъ возраженій противъ гипотезы самого Геффдинга? Развѣ въ его формулѣ непосредственнаго узнаванія $\left(\overset{a}{A}\right)$ не скрывается гипотетическаго «безсознательнаго» представленія *a*? И развѣ, съ другой стороны, въ разсужденіи Лемана объ ассоціапіяхъ, дѣйствующихъ подъ порогомъ сознанія при актѣ непосредственнаго узнаванія, не заключается прежде всего указанія на то, что необходимыми условіями даннаго акта явля-

ются чувственное впечатлѣніе и предрасположеніе, могущее перейти при другихъ обстоятельствахъ въ свободное представленіе?

На всѣ эти вопросы надо отвѣтить утвердительно, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, надо признать, что въ самой природѣ психическихъ фактовъ, прямо предполагаемыхъ гипотезами Геффдинга и Лемана, нѣтъ существенной разницы.

Впрочемъ, оба эти психолога, споря другъ съ другомъ, старались доказать, что противная точка зрѣнія основана на нѣкоторыхъ предвзятыхъ и нелѣпыхъ психологическихъ воззрѣніяхъ: Леманъ обвинялъ представителей теоріи сходства въ пониманіи представленій, какъ чего-то объективно неизмѣннаго, а Геффдингъ видѣлъ въ ученіи представителей теоріи смежности признаки старой теоріи абстракціи.

Слабость обвиненія, выставленнаго въ данномъ случаѣ Геффдингомъ, настолько очевидна, что Леманъ даже не счелъ нужнымъ серьезно съ нимъ считаться. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ соображенія Геффдинга. Онъ указывалъ на то, что если, напр., признать, что листъ бумаги напоминаетъ листъ дерева вслѣдствіе своей тонкости, представленіе о которой является такимъ образомъ промежуточнымъ звеномъ (tertium comparationis) между этими двумя представленіями (бумаги и листа), и если вмѣстѣ съ тѣмъ принять, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ ассоціаціей смежности, то придется допустить въ нашемъ сознаніи переходъ отъ представленія бумаги къ представленію листа посредствомъ свободнаго представленія «тонкости», и при томъ не тонкости бумаги или листа, а «тонкости вообще», въ смыслѣ старой теоріи абстракціи. Въ этомъ переходѣ отъ признанія нѣкоторыхъ частей даннаго слож-

наго представленія исходнымъ пунктомъ для воспроизведенія нѣкоторыхъ другихъ частичныхъ представленій, ассоціированныхъ съ нимъ по смежности, къ необходимости возобновить старую теорію абстракціи—чувствуется несомнѣнный логическій скачекъ. Предположимъ, что представленіе $A(=a+b+c+d)$ вызываетъ въ моемъ сознаніи сходное представленіе $B(=a+e+f+m)$. Объясняя это явленіе, я указываю на значеніе элемента a и на связь его (по смежности) съ элементами b и e. Грубо схематизируя такое объясненіе, можно, конечно, сказать, что весь данный процессъ «ассоціаціи по сходству», въ сущности, сводится къ тремъ главнымъ моментамъ:

1) сознаніе представленія A, какъ исходнаго пункта ассоціаціи,

2) направленіе вниманія на a и

3) сознаніе B, какъ представленія, сходнаго съ A.

Если, безъ дальнѣйшаго размышленія, остановиться на этой схемѣ, то, пожалуй, во второмъ моментѣ и можно подмѣтить слѣды старой абстракціонной теоріи (a, какъ нѣчто сознаваемое само по себѣ, независимо отъ A и B!). Но, не нарушая основъ той же самой схемы, вполнѣ возможно придать ей видъ, наиболѣе соотвѣтствующій самонаблюденію и совершенно далекій отъ той теоріи абстракціи, противъ которой успѣшно боролся еще Беркли. Для этого нужно только во второмъ изъ указанныхъ моментовъ различить еще, по крайней мѣрѣ, два момента:

1) направленіе вниманія на a, какъ элементъ представленія A, и

2) направленіе вниманія на a, какъ элементъ представленія B.

Между этими двумя моментами возможно (иногда довольно отчетливо) отмѣтить еще третій моментъ: направленіе вниманія на a, какъ элементъ, связанный

отчасти съ нѣкоторыми элементами представленія A $(b+c+d)$, отчасти же съ нѣкоторыми элементами представленія B $(e+f+m)$. Тогда мы получимъ приблизительно такую схему:

1) $A(=a+b+c+d)$

2) $a+b+c\ldots$

или

$a+b\ldots$

3) $a+\begin{cases} b\ldots+d \\ e\ldots \end{cases}$

или

$a+\begin{cases} b\ldots \\ e+f\ldots \end{cases}$

или

$a+\begin{cases} b+c+\ldots \\ e+\ldots m \end{cases}$

4) $a+e+f+m(=B)$.

Въ этой схемѣ a, являясь переходнымъ пунктомъ отъ A къ B, въ то же время ни въ одинъ моментъ не представляется чѣмъ-нибудь совершенно изолированнымъ въ сознаніи отъ элементовъ, входящихъ въ составъ этихъ двухъ представленій (A и B). А, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ нѣтъ основаній и для упрека въ желаніи возобновить старую теорію абстракціи.

Посмотримъ теперь, насколько справедливы обвиненія Лемана, утверждавшаго, что теорія Геффдинга предполагаетъ нелѣпый взглядъ на представленія, какъ что-то объективно неизмѣнное.

Леманъ указывалъ, что, пытаясь объяснять ассоціацію по смежности при помощи ассоціаціи сходства и предполагая, что A воспроизводитъ b лишь при помощи промежуточнаго a_1 (такъ какъ именно оно, а не данное A, когда-то было ассоціировано

съ b), Геффдингъ, очевидно, признаетъ въ данномъ случаѣ, что прежде полученное представленіе a_1 есть нѣчто объективно неизмѣнное, въ томъ смыслѣ, какъ понималъ неизмѣнность представленій Гербартъ. Мы знаемъ, что Геффдингъ, въ отвѣтъ на это, настойчиво указывалъ, что психическій элементъ имѣетъ свою параллель не въ матеріальныхъ атомахъ, а въ матеріальныхъ процессахъ, и что, помимо всякаго признанія объективной неизмѣнности представленій, необходимо все-таки помнить, что A только тогда вызоветъ представленіе b, связанное по смежности съ a, когда въ нашемъ сознаніи произойдетъ отожествленіе A и a или, иначе говоря,—непосредственное узнаваніе A, выражаемое формулой

$$\left(\overset{a}{A}\right).$$

Спрашивается теперь: возможно ли допустить эту формулу $\left(\overset{a}{A}\right)$, не принимая въ то же время теоріи объективно неизмѣнныхъ и вѣчно пребывающихъ въ нашей душѣ, хотя часто и не сознаваемыхъ нами, представленій? Конечно, надо согласиться, что эта формула подаетъ очень соблазнительный поводъ къ принятію осужденной Леманомъ теоріи, но является ли дѣйствительно эта теорія ея логически необходимой предпосылкой?

Развивая, въ отвѣтъ на возраженія Лемана, свою теорію сходства, Геффдингъ удѣлилъ достаточно вниманія разъясненію ея физіологическихъ основъ, причемъ старался установить, что представленіямъ, которыя въ сознаніи являются сходными, соотвѣтствуютъ одинаковыя мозговыя возбужденія. Онъ указывалъ на то, что возбужденіе, однажды пережитое нашимъ мозгомъ, при повтореніи возникаетъ съ большею легкостью, такъ какъ мозгъ уже обладаетъ извѣстнымъ «предрасположеніемъ» возбуждаться въ

данномъ направленіи, и что, слѣдовательно, при данныхъ условіяхъ, обезпечивающихъ большую ясность или легкость сознанія (вторичнаго) A, является также возможнымъ и болѣе легкое воспроизведеніе («свободнаго») a. Иначе говоря, Геффдингъ своею формулой $A+(a_1+a_2+a_3 \ldots +a_n)+b$ хотѣлъ только указать, что, объясняя данное состояніе сознанія, необходимо принять во вниманіе и то вліяніе, которое (въ смыслѣ извѣстнаго рода «предрасположеній», не отрицаемыхъ и теоріей смежности) оказалъ на него предшествующій опытъ, причемъ въ высшей степени важно имѣть въ виду прежнія состоянія сознанія, элементы которыхъ были сродны съ элементами наличнаго состоянія сознанія. Очевидно, что отъ такого положенія еще очень далеко до признанія представленій, какъ объективно неизмѣнныхъ величинъ.

Итакъ, мы видимъ, что

1) Леманъ и Геффдингъ, споря другъ съ другомъ, оба не оставались на строгой почвѣ самонаблюденія, а прибѣгали къ допущенію нѣкоторыхъ гипотетическихъ фактовъ съ цѣлью объясненія данныхъ непосредственнаго сознанія,

2) предполагаемые ими въ данномъ случаѣ факты, разсматриваемые сами по себѣ, являются однородными («предрасположеніями», понимаемыми отчасти въ физіологическомъ, отчасти въ психологическомъ смыслѣ) и

3) точки зрѣнія Лемана и Геффдинга логически не связаны съ какой-нибудь предвзятой нелѣпой психологической теоріей.

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что изъ спора Лемана съ Геффдингомъ достаточно выяснилось желаніе обоихъ авторовъ обезпечить цѣлостность пониманія душевной жизни и открыть какой-нибудь

единый законъ, управляющій ассоціаціонными процессами: Леманъ признаетъ такимъ закономъ смежность, а Геффдингъ—ассоціацію между частью и цѣлымъ. При этомъ какъ тотъ, такъ и другой авторъ стремятся къ установкѣ опредѣленнаго соотвѣтствія между психологической и физіологической точкой зрѣнія на факты душевной жизни.

Въ чемъ же заключается коренное различіе между теоріями Лемана и Геффдинга? Въ какихъ именно пунктахъ онѣ оказываются непримиримыми? И отъ чего зависитъ эта непримиримость?

Эти вопросы можно въ значительной степени выяснить, обратившись къ оцѣнкѣ методологическаго значенія обѣихъ гипотезъ.

Конечно, всякая гипотеза должна доказать свое право на существованіе, свою полезность. Въ этомъ отношеніи гипотеза ассоціаціи смежности стоитъ внѣ сомнѣній, такъ какъ даже защитники «ассоціаціи сходства» все-таки считаютъ необходимымъ, наряду со сходствомъ, признавать и смежность, какъ особый видъ ассоціаціи. Но необходимо ли признать для объясненія ассоціаціонныхъ явленій, кромѣ смежности, еще особый законъ ассоціаціи сходства? Леманъ доказывалъ полную возможность объяснить всѣ случаи «воспроизведенія по сходству», какъ частные случаи «воспроизведенія по смежности». Геффдингъ находилъ, что нельзя всѣ случаи сходства свести на смежность, и что поэтому признаніе особой «ассоціаціи сходства» необходимо.

Разберемъ аргументы Геффдинга.

Возражая Леману, Геффдингъ отмѣчаетъ четыре возможныхъ способа сведенія сходства на смежность:

1) Сходныя представленія A_1 и A_2 имѣютъ тожественный элементъ p.

Формула:

$$\overbrace{\overbrace{m+n}^{A_1}+\underbrace{p+y}_{A_2}+x}$$

2) Сходныя представленія A_1 и A_2 заключаютъ въ себѣ элементы p_1 и p_2, связанные другъ съ другомъ рядомъ промежуточныхъ ассоціацій по смежности.

Формула:

$$\underbrace{x+p_1}_{A_1}+p_n+p_m+\ldots+p_q+\underbrace{p_2+y}_{A_2}$$

3) Сходныя представленія A_1 и A_2 ассоціированы по смежности съ однимъ именемъ n. Формула:

$$A_1+n+A_2.$$

4) Сходство представленій A_1 и A_2 является результатомъ сравненія представленій, одновременно и послѣдовательно сознаваемыхъ нами.

Изъ всѣхъ возраженій Геффдинга, направленныхъ противъ этихъ четырехъ способовъ, самыми сильными слѣдуетъ признать тѣ, которыя направлены противъ послѣдняго изъ нихъ. Конечно, всякое сравненіе предполагаетъ сходство, и въ этомъ смыслѣ Геффдингу не трудно было доказать тавтологію, заключенную въ послѣднемъ изъ отмѣченныхъ имъ пріемовъ сведенія ассоціаціи сходства на смежность. Но обратимся къ разбору первыхъ трехъ формулъ.

Геффдингъ совершенно справедливо указываетъ, что каждая изъ этихъ формулъ не можетъ объяснить всѣхъ случаевъ ассоціаціи сходства. Но вѣдь ничто не обязываетъ представителей теоріи смежности всегда придерживаться въ своихъ объясненіяхъ явленій сходства какой-нибудь одной изъ этихъ формулъ. Вѣдь онѣ логически не исключаютъ одна другую. И легко показать, что при-

мѣры, приводимые Геффдингомъ противъ одной изъ этихъ формулъ, прекрасно могутъ быть сведены къ другимъ.

Возражая противъ первой формулы, Геффдингъ говоритъ:

«Желтое и оранжевое или различные оттѣнки краснаго не имѣютъ никакого общаго элемента и все-таки напоминаютъ другъ друга (примѣръ первый). Если Гомеръ сравниваетъ видъ блестящаго оружія греческихъ воиновъ съ видомъ отдаленнаго лѣсного пожара, то все-таки металлическій блескъ и пламя—цвѣта различнаго качества, и фантазія поэта должна сдѣлать скачекъ, переходя отъ одного къ другому (примѣръ второй). Если портретъ напоминаетъ мнѣ изображеннаго на немъ человѣка, то эта ассоціація можетъ происходить даже тогда, когда оттѣнки цвѣта на портретѣ—не совсѣмъ такіе же, какъ въ дѣйствительности (примѣръ третій). Если въ англійскомъ языкѣ бабочка называется «butterfly» или одинъ цвѣтокъ называется датски «Smörblomst» (масляный цвѣтокъ), то, конечно, между масломъ и желтымъ насѣкомымъ, давшимъ имя цѣлой группѣ, или желтымъ цвѣткомъ существуетъ, только сходство качествъ, а не психологическое тожество ихъ (примѣръ четвертый).

Первый изъ этихъ примѣровъ легко можно свести къ формулѣ:

$$\underbrace{x+p_1}_{A_1}+p_n+p_m+\ldots+p_q+\underbrace{p_2+y}_{A_2}.$$

Воспріятіе желтаго цвѣта (p_1), сознаваемаго при извѣстныхъ обстоятельствахъ (x), вызываетъ въ сознаніи ощущеніе оранжеваго цвѣта (p_2), полученнаго при другихъ обстоятельствахъ (y). Но желтый и оранжевый цвѣтъ связываются между собою (въ

предшествующемъ опытѣ) рядомъ промежуточныхъ оттѣнковъ (p_n, p_m ... p_q): одна и та же поверхность, подъ вліяніемъ измѣненій въ освѣщеніи, нерѣдко принимаетъ различные оттѣнки цвѣтовъ, естественно вступающіе между собою въ ассоціацію по смежности; въ спектрѣ мы воспринимаемъ рядомъ «сходные» оттѣнки; при длительномъ воспріятіи однихъ и тѣхъ же цвѣтовъ нашъ зрительный аппаратъ утомляется и нашему сознанію, при дѣйствіи одного и того же раздражителя, представляется рядъ не тожественныхъ, но «сходныхъ» оттѣнковъ, ассоціирующихся другъ съ другомъ по смежности; то же самое еще въ большей степени сказывается при сравненіи цвѣтовыхъ воспріятій съ тѣми образами, которые остаются непосредственно послѣ нихъ въ сознаніи (Nachbilder).

Второй примѣръ отчасти можетъ быть объясненъ аналогично первому, по второй формулѣ

$$\underbrace{(x+p_1}_{A_1}+p_n+p_m+\ldots+p_q+\underbrace{p_2+y)}_{A_2}.$$

Въ данномъ случаѣ членами p_1 и p_2 явятся цвѣта пламени и оружія. Но, кромѣ того, здѣсь есть еще и нѣкоторый общій элементъ p, дающій возможность подвести этотъ примѣръ подъ формулу:

$$\overbrace{m+n+\underbrace{p+y}_{A_2}+x}^{A_1}.$$

Этотъ общій элементъ—чувство, вызываемое у насъ блескомъ (оружія или отдаленнаго огня).

Примѣръ третій, очевидно, легко разрѣшается въ формулу вторую

$$\underbrace{(x+p_1}_{A_1}+p_n+p_m+\ldots+p_q+\underbrace{p_2+y)}_{A_2},$$

подобно первому примѣру, приведенному Геффдингомъ.

Четвертый примѣръ—самый сложный и, объясняя его съ точки зрѣнія смежности, приходится пользоваться отчасти формулой второй (переходъ отъ цвѣта насѣкомаго или цвѣтка къ цвѣту масла, или переходъ отъ качествъ одного насѣкомаго къ качествамъ другихъ, «сходныхъ» съ нимъ), отчасти формулой третьей ($A_1 + n + A_2$), гдѣ n обозначаетъ общее имя.

Возражая противъ третьей формулы, Геффдингъ указываетъ на то, что существуютъ представленія, которыя обыкновенно не связываются со словами, и что поэтому нельзя всѣ ассоціаціи сходства объяснять, какъ ассоціаціи по смежности, устанавливаемыя при помощи слова. Это указаніе, конечно, справедливо, но оно не подрываетъ самаго принципа объяснять сходство, какъ частный случай ассоціаціи по смежности. Геффдингъ даже не пытается привести ни одного реальнаго случая, который, не допуская объясненія по формулѣ третьей, въ то же время не могъ бы быть объясненъ при помощи первыхъ двухъ формулъ.

Впрочемъ, возражая противъ возможности свести ассоціацію сходства на смежность, Геффдингъ старается доказать, что въ каждомъ случаѣ ассоціаціи по сходству, даже подходящемъ, повидимому, подъ формулы защитниковъ «теоріи смежности», все-таки есть что-то свое, особое, не сводимое на понятіе «смежнаго». Такъ, разбирая формулу первую, Геффдингъ замѣчаетъ: «если я въ группѣ $(m + n + p)$ дошелъ до p, то отсюда еще не слѣдуетъ, что данный рядъ найдетъ свое продолженіе въ $y + x$; это происходитъ лишь тогда, когда возникаетъ извѣстное воспоминаніе, что мы уже имѣли p; если p является для меня чѣмъ-то новымъ, то этого не проис-

ходитъ» [1]). Если понять это замѣчаніе въ томъ смыслѣ, что p можетъ послужить исходнымъ ассоціаціонным пунктомъ для возникновенія въ сознаніи $y+x$ лишь при условіи, что они (т.-е. p, съ одной стороны, и $y+x$, съ другой) когда-то были въ сознаніи, то это замѣчаніе не имѣетъ никакой силы въ смыслѣ возраженія противъ теоріи смежности, такъ какъ при всякой ассоціаціи смежности тоже предполагается, что исходный пунктъ воспроизведенія уже былъ ассоціированъ въ предшествующемъ опытѣ съ тѣмъ, что въ данномъ случаѣ воспроизводится. Конечно, можно поставить вопросъ: въ какомъ смыслѣ p, какъ исходный пунктъ воспроизведенія $y+x$, можно считать даннымъ уже въ предшествующемъ опытѣ? Но этотъ вопросъ имѣетъ одинаковую силу по отношенію къ обѣимъ теоріямъ. Впрочемъ, только что приведенное замѣчаніе Геффдинга можно понять еще въ смыслѣ утвержденія, что p вызываетъ $y+x$ только тогда, когда оно само предварительно узнается, какъ уже данное въ предшествующемъ опытѣ. Такому пониманію очень благопріятствуютъ другія мѣста изъ статей Геффдинга (напр., его разборъ того случая, когда грохотъ на улицѣ вызываетъ представленіе омнибуса). Но здѣсь-то и поднимается коренной вопросъ: въ чемъ заключается процессъ узнаванія и въ какой степени можно объяснить его теоріей смежности? Леманъ думаетъ, что всякое узнаваніе, въ концѣ концовъ, сводится къ ассоціаціи смежности. Геффдингъ полагаетъ, что узнаванія нельзя объяснить безъ допущенія ассоціаціи сходства, какъ процесса, отличнаго отъ ассоціаціи смежности. Насколько же велика сравнительная сила ихъ аргументовъ?

---

[1]) «Vierteljahrsschrift», 1890, 170.

Въ полемикѣ Лемана съ Геффдингомъ выяснилась необходимость различать случаи «непосредственнаго» узнаванія и «узнаванія съ обстоятельствами», причемъ, съ точки зрѣнія Лемана, всякое «непосредственное узнаваніе» слѣдуетъ объяснять по аналогіи съ «узнаваніемъ съ обстоятельствами», гдѣ замѣтно выступаетъ значеніе ассоціаціи смежности, а, съ точки зрѣнія Геффдинга,—во всякомъ «узнаваніи съ обстоятельствами» необходимо присутствуютъ элементы «непосредственнаго узнаванія», которое, для своего объясненія, требуетъ не ассоціаціи смежности, но чистой ассоціаціи сходства.

Мы не будемъ пока разбирать тѣхъ ссылокъ на факты, которыя въ данномъ случаѣ дѣлаются обоими авторами, потому что, какъ было показано выше, обѣ стороны не ограничиваются здѣсь областью чистаго самонаблюденія. Постараемся же уяснить себѣ главныя теоретическія основанія, которыя заставляютъ обоихъ авторовъ отстаивать свою точку зрѣнія на процессъ узнаванія.

Оба автора признаютъ очевидное участіе ассоціаціи смежности въ случаяхъ «узнаванія съ обстоятельствами». Но Геффдингъ указываетъ на то, что всякое узнаваніе всегда предполагаетъ (по самому своему понятію) сопоставленіе новаго (узнаваемаго) съ тѣмъ, что уже извѣстно. Съ этой точки зрѣнія, даже допустивъ, что многіе случаи узнаванія A сводятся къ ассоціаціи по смежности $A+b$, все-таки надо признать необходимымъ сознаніе b, какъ чего-то знакомаго. Какимъ же путемъ узнается b? Тоже при помощи ассоціаціи смежности съ какимъ-нибудь c? А это c какъ узнается? При помощи новаго, психическаго элемента d, связаннаго съ нимъ по смежности?.. Нельзя же этотъ процессъ признать идущимъ въ безконечность! Поэтому надо допустить,

что психическія величины, опредѣляющія знакомость другихъ («новыхъ») психическихъ величинъ, сами представляются сознанію «непосредственно извѣстными», причемъ въ основѣ этого «непосредственнаго узнаванія» лежитъ чистая ассоціація сходства.

Такимъ образомъ къ признанію гипотезы чистой ассоціации сходства Геффдинга приводитъ сознаніе необходимости найти конечный пунктъ объясненію узнаванія—въ чемъ-нибудь такомъ извѣстномъ, что, само по себѣ, не требовало бы обращенія къ другому извѣстному.

Отвѣчая Геффдингу, Леманъ справедливо указывалъ, что, съ формальной точки зрѣнія, и гипотеза сходства не исключаетъ возможности ставить безконечный рядъ вопросовъ: если A узнается при помощи a_1, то при помощи чего же узнается a_1? При помощи a_2? Но при помощи чего узнается a_2? и т. д. Для устраненія этого же затрудненія Геффдингу оставалось только доказывать, что воспроизведеніе представленія a, насколько оно предполагается въ моментѣ непосредственнаго узнаванія, сознается нами, какъ простое «качество знакомости» представленія A. Насколько же сильны въ данномъ случаѣ доказательства Геффдинга?

Строго говоря, Геффдингъ даже не доказываетъ своего положенія, что для сознанія «качества знакомости», связаннаго съ представленіемъ A, достаточно лишь воспроизвести a. Геффдингъ прямо допускаетъ это положеніе, стараясь только показать его удобство въ качествѣ принципа объясненія. Но прежде, чѣмъ оцѣнивать гипотезу Геффдинга съ точки зрѣнія ея удобства въ методологическомъ отношеніи, попробуемъ обсудить ее съ точки зрѣнія логической послѣдовательности.

На одну изъ нелогичностей, заключенныхъ въ

этой гипотезѣ, указалъ Леманъ, разъяснившій, что формула $A+(a_1+a_2+\ldots+a_n)$, предполагая рядъ количественныхъ измѣненій, строитъ на этомъ объясненіе не количественнаго, а качественнаго измѣненія (качество знакомости). Къ этому можно прибавить еще одно невольно напрашивающееся на умъ недоумѣніе. Объясняя свою формулу непосредственнаго узнаванія $\left(\overset{a}{A}\right)$, Геффдингъ указываетъ, что a, заключенное въ скобки, обозначаетъ наличность предрасположенія, могущаго перейти при другихъ условіяхъ въ свободное представленіе. Но, спрашивается, чѣмъ же это «свободное» a будетъ отличаться отъ даннаго въ наличномъ опытѣ A? Почему одно изъ нихъ мы сознаемъ, какъ нѣчто явившееся намъ только въ данный моментъ, а другое—какъ нѣчто, бывшее прежде? Развѣ локализація во времени того или другого ощущенія не предполагаетъ ассоціаціи по смежности? А если для сознанія a, какъ чего-то, локализованнаго во времени, необходимо участіе ассоціаціи смежности, то приходится сказать, что формула непосредственнаго узнаванія $\left(\overset{a}{A}\right)$, насколько въ ней a обозначаетъ возможность свободно возникающаго въ сознаніи представленія, предполагаетъ ассоціацію смежности. Если ту же самую мысль выразить нѣсколько другими словами, то можно сказать: насколько въ формулѣ $\left(\overset{a}{A}\right)$ представленіе a мыслится, какъ нѣчто отличное отъ A, оно предполагаетъ ассоціацію смежности; насколько же оно мыслится, какъ не отличное отъ A, самое предположеніе его является излишнимъ, такъ какъ тогда мы имѣли бы не два «сходныхъ» представленія, а одно представленіе, тожественное самому себѣ, и въ такомъ случаѣ, конечно, было бы странно утверждать, что это единое представленіе само съ собою

ассоціируется по сходству. Вѣдь, если дѣлать такія допущенія, то слѣдуетъ признать, что всякое простое ощущеніе, переживаемое нами, необходимо заключаетъ въ себѣ ассоціацію сходства—съ самимъ собою! Но, очевидно, что такое безплодное положеніе могло бы показаться заманчивымъ развѣ однимъ любителямъ схоластическихъ фокусовъ.

Впрочемъ, Геффдингъ опредѣленно указываетъ, что его формула $\left(\overset{a}{A}\right)$ заключаетъ въ себѣ еще одинъ смыслъ: впечатлѣніе A (именно потому что оно получается нами не въ первый разъ, т.-е., иначе говоря, потому, что у насъ уже есть предрасположеніе къ свободному воспроизведенію a) сознается нами не такъ, какъ оно сознавалось бы при другихъ обстоятельствахъ. Конечно, вліяніе предшествующихъ психофизіологическихъ состояній на послѣдующія несомнѣнно. Этого не отрицаютъ и защитники «теоріи смежности» (на что, кстати сказать, обращаетъ вниманіе и самъ Геффдингъ, разбирая опыты Лемана съ узнаваніемъ цвѣтовыхъ ощущеній). Но въ данномъ случаѣ является очень важный вопросъ: возможно ли это вліяніе разсматривать именно какъ ассоціацію сходства? Будемъ помнить, что понятіе «ассоціаціи сходства» прежде всего предполагаетъ наличность нѣкоторыхъ психическихъ величинъ. Въ какихъ же психическихъ величинахъ можетъ выразиться a, какъ часть формулы $\left(\overset{a}{A}\right)$? Геффдингъ говоритъ, что непосредственно узнаваемое A отличается отъ A, воспринимаемаго въ первый разъ, тѣмъ, что сопровождающій его физіологическій процессъ совершается съ большею легкостью. Но какъ сознается нами эта легкость? Леманъ справедливо предвидитъ въ данномъ случаѣ опасность смѣшенія психологической точки зрѣнія съ физіологической. Не-

обходимо указать чисто психическій коррелатъ этой «легкости». Мы знаемъ, что Леманъ и Вундтъ находили возможнымъ видѣть его только въ извѣстномъ чувствѣ, сопровождающемъ повтореніе прежняго впечатлѣнія. Пожалуй, можно видѣть такой психическій коррелатъ еще въ большей ясности даннаго впечатлѣнія. Но во всякомъ случаѣ мы встрѣчаемся здѣсь съ большимъ затрудненіемъ, которое невозможно разрѣшить, оставаясь въ предѣлахъ тѣхъ данныхъ, которыя заключены въ формулѣ $\left(\frac{a}{A}\right)$. Это затрудненіе состоитъ въ слѣдующемъ.

Съ точки зрѣнія современной психофизіологіи, большая или меньшая легкость воспріятія (особенно поскольку она сознается нами какъ большая или меньшая ясность его) зависитъ не только отъ наличности опредѣленнаго мозгового предрасположенія, но и отъ величины раздражителя, дѣйствующаго на нервную систему. Спрашивается теперь: насколько же возможно, руководясь однимъ только самонаблюденіемъ (и при томъ самонаблюденіемъ, ограниченнымъ областью даннаго, непосредственнаго узнаваемаго состоянія), отдать себѣ отчетъ въ характерѣ этой легкости, т.-е. рѣшить, обусловлена ли она мозговымъ предрасположеніемъ, или силой дѣйствующаго раздражителя? Вѣдь само собою разумѣется, что о «непосредственномъ узнаваніи», характеризуемомъ сознаніемъ «легкости» впечатлѣнія, можетъ быть рѣчь лишь постольку, поскольку здѣсь дѣйствуетъ именно «предрасположеніе». Но какъ отличить легкость впечатлѣнія, зависящую отъ мозгового предрасположенія, отъ легкости, вызванной силою раздражителя,—въ этомъ случаѣ самонаблюденіе (если ограничить его областью психическихъ элементовъ, выражаемыхъ въ теоріи Геффдинга буквами A и a) молчитъ.

Если разсматривать теорію Геффдинга, какъ руко-

водящую гипотезу для объясненія фактовъ, то придется испытать большое затрудненіе передъ вопросомъ: почему «знакомое» (т.-е. не въ первый разъ возникающее въ нашемъ сознаніи) ощущеніе иногда не сразу узнается? Разрѣшая этотъ вопросъ, приходится или признать недостаточной гипотезу Геффдинга (какъ это сдѣлалъ Леманъ), или признать, что «непосредственное узнаваніе» въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, хотя имѣется, но ускользаетъ отъ самонаблюденія (какъ это слѣлалъ Геффдингъ).

Итакъ, подводя итогъ всему, что сказано о гипотезѣ Геффдинга, приходится признать ее во многихъ отношеніяхъ недостаточной, но въ то же время ясно выражающей одно основное стремленіе автора— показать, что не только въ случаяхъ такъ называемаго ассоціированія по сходству, но и въ случаяхъ такъ называемаго ассоціированія по смежности всегда предполагается (въ той или другой формѣ) сознаніе чего-то «знакомаго». Объяснить, откуда происходитъ сознаніе этой «знакомости», Геффдингу не удалось. Задача была имъ поставлена, но не рѣшена.

Не вполнѣ разрѣшилъ эту задачу и Леманъ. Превосходно показавъ значеніе ассоціацій смежности въ процессахъ узнаванія и намѣтивъ путь къ объясненію случаевъ «непосредственнаго узнаванія» по аналогіи со случаями «узнаванія съ обстоятельствами», онъ все-таки оставилъ не разъясненнымъ вопросъ: если *A* узнается при помощи *b*, то при помощи чего же узнается *b*? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, ярко выставленный Геффдингомъ, Леманъ указывалъ только, что подобнаго же рода затрудненіе существуетъ и въ гипотезѣ Геффдинга. Совершенно вѣрно, существуетъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что его нѣтъ и въ гипотезѣ Лемана.

VIII.

Новѣйшія теоріи ассоціаціи сходства.

Для того, чтобы достичь болѣе точнаго пониманія современнаго положенія вопроса объ ассоціаціи сходства, намъ необходимо теперь, въ концѣ историческаго обзора ученій о сходствѣ, обратить вниманіе на тѣхъ современныхъ психологовъ, взгляды которыхъ на ассоціацію сходства отличаются наибольшей оригинальностью и распространенностью.

1. Липпсъ различаетъ два вида ассоціаціи сходства и одновременности, причемъ воспроизведеніе по сходству опредѣляется имъ какъ воспроизведеніе равнаго, вмѣстѣ съ нераздѣльно связаннымъ съ нимъ неравнымъ. Но это «воспроизведеніе равнаго», къ которому собственно и сводится ассоціація сходства, въ ея отличіе отъ ассоціаціи одновременности, собственно говоря, является, по Липпсу, не ассоціаціей въ строгомъ смыслѣ слова, предполагающей, по своему первоначальному опредѣленію, существованіе, по крайней мѣрѣ, двухъ представленій, но лишь повтореніемъ одного и того же въ сознаніи, или, какъ выражается Липпсъ, «самоповтореніемъ» (Selbstwiederholung) [1].

2. Джэмсъ, примыкая къ Гертли, сводитъ законъ ассоціаціи къ закону пріученія нервныхъ тка-

[1] Theodor Lipps, «Grundtatsachen des Seelenlebens», Bonn, 1883, 105.

ней къ воспріятію впечатлѣній. «Наличность извѣстныхъ матеріаловъ для нашей мысли,—говоритъ онъ,—зависитъ отъ того, какимъ путемъ одинъ элементарный нервный процессъ стремится вызвать за собою другой, который уже вызывался имъ когда-нибудь прежде. Число элементарныхъ нервныхъ процессовъ, дѣйствующихъ въ данную минуту въ мозгу, и природа тѣхъ изъ нихъ, которые вызываютъ къ дѣятельности другіе процессы, опредѣляютъ общій характеръ мозговой дѣятельности, которая, въ свою очередь, опредѣляетъ содержаніе мысли въ данную минуту. Въ зависимости отъ того, какимъ является для насъ этотъ сложный результатъ элементарныхъ процессовъ, мы называемъ его продуктомъ ассоціаціи по смежности, по сходству или по контрасту, или еще по какому-нибудь свойству, смотря по тому, сколько основныхъ родовъ ассоціацій мы насчитываемъ. Впрочемъ, самое образованіе какой бы то ни было ассоціаціи должно объясняться чисто количественными различіями въ дѣятельности элементарныхъ нервныхъ процессовъ, совершающихся въ насъ въ данный моментъ по закону пріученія нервной ткани» [1]).

Законъ, опредѣляющій общія физіологическія основы ассоціацій, формулируется Джэмсомъ такъ: если два элементарныхъ нервныхъ процесса дѣйствовали одновременно или непосредственно одинъ за другимъ, то одинъ изъ нихъ, повторяясь, стремится распространить свое возбужденіе и на другой [2]).

Подвергая психологическому анализу явленіе сходства, Джэмсъ находитъ, что «сходство двухъ сложныхъ объектовъ есть тожество въ какомъ-нибудь

---

[1]) Уилльямъ Джэмсъ, «Психологія», перев. И. И. Лапшина, Спб. 1902, 202.

[2]) Ibidem, 203.

отношеніи того и другого» [1]). «Два сложныхъ объекта, — говоритъ Джэмсъ, — сходны, когда оба имѣютъ одно или нѣсколько общихъ свойствъ, хотя бы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ между ними не было ничего общаго. Луна похожа на пламя газоваго рожка и на мячикъ, хотя между пламенемъ и мячикомъ нѣтъ сходства. Устанавливая сходства между двумя сложными объектами, мы всегда должны указывать, въ чемъ оно заключается. Луна и пламя газоваго рожка сходны, какъ свѣтлыя тѣла—и только; луна и мячикъ сходны, какъ круглыя тѣла—и только. Мячикъ и пламя ни въ какомъ отношеніи не сходны, т.-е. у нихъ нѣтъ ни одного общаго качества».

Описывая самый процессъ воспроизведенія по сходству, Джэмсъ прежде всего обращаетъ вниманіе на то, что при смѣшанной ассоціаціи, часто изъ цѣлаго объекта мысли привлекаетъ наше вниманіе только нѣкоторая, заинтересовавшая насъ часть этого объекта. «Гамильтонъ разсказываетъ, напримѣръ, что однажды мысль о горѣ Бэнъ-Ломондъ привела его къ мысли о прусской системѣ воспитанія, причемъ звеньями ассоціаціи были нѣмецъ, котораго онъ встрѣтилъ у Бэнъ-Ломонда, Германія и т. д. Въ Бэнъ-Ломондѣ, какъ объектѣ опыта, интересною стороною, опредѣляющею дальнѣйшее теченіе мыслей, было присутствіе сложнаго образа отдѣльнаго человѣка. Но теперь предположимъ, что заинтересованное въ данномъ объектѣ вниманіе еще болѣе утончается и подчеркиваетъ въ немъ лишь одну часть, которая сама по себѣ уже такъ незначительна, что не можетъ быть изображеніемъ конкретнаго предмета, а представляетъ собою отвлеченное свойство. Кромѣ того, предположимъ, что эта

[1]) Ibidem, 213.

часть объекта сохраняется передъ нашимъ сознаніемъ (или, выражаясь физіологически, продолжаются обусловливающіе ее мозговые процессы), послѣ того, какъ другія стороны даннаго объекта стушевались. Въ такомъ случаѣ этотъ малый остатокъ представленія окружитъ себя своими собственными элементами ассоціаціи тѣмъ путемъ, который мы описали выше [1]), и тогда отношеніе между исчезнувшимъ и вновь образовавшимся объектами мысли будетъ отношеніемъ сходства. Пара такихъ объектовъ образуетъ то, что называется ассоціаціей по сходству. Сходные объекты, сопровождающіе одинъ другого въ такой ассоціаціи, всегда суть нѣчто сложное. Это постоянно подтверждается опытомъ. Простыя «идеи», аттрибуты или качества не обнаруживаютъ стремленія напоминать объ аналогичныхъ свойствахъ. Мысль о какомъ-нибудь оттѣнкѣ голубого цвѣта не вызываетъ мысли о другомъ оттѣнкѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ради сравненія или съ цѣлью установить номенклатуру мы сопоставляемъ различные оттѣнки голубого цвѣта» [2]).

Но «почему одинъ элементъ въ тускнѣющемъ объектѣ мысли отдѣляется отъ остальныхъ и дѣйствуетъ самостоятельно, почему другіе элементы при этомъ не принимаютъ въ образованіи новаго представленія никакого участія, — все это, — говоритъ Джэмсъ, — загадки, которыя мы не беремся отгадывать, ограничиваясь простымъ указаніемъ на фактъ. Можетъ быть, болѣе тонкій анализъ законовъ нервной дѣятельности дастъ когда-нибудь ключъ къ рѣшенію этихъ загадокъ; можетъ быть также, что въ

---

[1]) Т.-е., вызвавъ связанныя съ нимъ недавнія, привычныя, живыя или эмоціональныя представленія.

[2]) Ibidem, 212.

нервной дѣятельности мы не найдемъ объясняющаго принципа для этихъ явленій, и тогда придется предположить въ нихъ проявленіе активности самого сознанія» [1]).

3) Кюльпе, въ своемъ «Очеркѣ психологіи» [2]), изложенію своихъ взглядовъ на ассоціацію сходства предпосылаетъ рядъ общихъ замѣчаній, касающихся ассоціаціи.

Говоря объ ассоціаціи, какъ общемъ законѣ, опредѣляющемъ воспроизведеніе представленій, съ точки зрѣнія Кюльпе [3]), слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: 1) нерѣдко бываетъ, что въ нашемъ сознаніи вдругъ появляется комплексъ центрально возбужденныхъ ощущеній, причемъ мы совершенно не въ состояніи указать, съ чѣмъ именно былъ ассоціированъ данный комплексъ, и 2) нельзя отрицать случаевъ, когда можетъ имѣть мѣсто опосредствованное воспроизведеніе безъ существованія предшествующей ассоціаціи между воспроизводящимъ и воспроизводимымъ представленіемъ [4]).

---

[1]) Ibidem, 214.

[2]) O. Külpe, «Grundriss der Psychologie», Leipzig, 1893.

[3]) Стр. 191—193.

[4]) «Воспринимая новыя впечатлѣнія,—говоритъ Кюльпе,—мы не прибываемъ съ пустымъ сознаніемъ, безъ мыслей, но эти впечатлѣнія являются поводомъ къ возникновенію болѣе или менѣе широкихъ или односторонне опредѣленныхъ движеній въ области представленій. Въ этомъ отношеніи сложныя и простыя качества обнаруживаютъ сходство. Однако, такъ какъ о сложныхъ качествахъ можно утверждать, что возбудителями или воспроизводителями являются собственно входящіе въ ихъ составъ элементы, то будетъ цѣлесообразнѣе установить отмѣченный фактъ прямо на простыхъ качествахъ, единичныхъ ощущеніяхъ. Кто исчерпалъ богатство различимыхъ оттѣнковъ свѣта? Кто можетъ сказать, что онъ знаетъ всѣ возможныя степени тѣни и установилъ между ними ассоціацію? Между тѣмъ каждый, обративъ вниманіе на какой-нибудь оттѣнокъ свѣта, сейчасъ же возбуждается, по крайней мѣрѣ, къ воспроизведенію его названія, а также, можетъ быть, и къ воспроизведенію другихъ единичныхъ представленій... Подведеніе конкретныхъ явленій подъ болѣе общія понятія едва ли можно понять, съ психологической точки зрѣнія, иначе, какъ воспроизведеніе именъ, заступающихъ эти понятія, при помощи этихъ явленій, данныхъ въ воспріятіи. Но это подведеніе ничуть не связано съ ассоціаціей всѣхъ такихъ явленій съ соотвѣтствующими именами». «Grundriss», 192.

*

Обращаясь къ разбору тѣхъ случаевъ, которые обыкновенно обозначаются какъ ассоціація по сходству, Кюльпе прежде всего отмѣчаетъ многообразіе значеній слова «сходство», вслѣдствіе котораго этотъ терминъ является неудобнымъ для выраженія закона. «Сходство двухъ простыхъ качествъ можетъ заключаться прежде всего въ ихъ незначительномъ различіи (такъ, напримѣръ, два различныхъ оттѣнка синяго цвѣта въ спектрѣ называются сходными тонами цвѣта). Далѣе, можно считать сходствомъ всякую частичную однородность (partielle Gleichartigkeit); въ этомъ смыслѣ оказываются сходными два цвѣтовыхъ тона различной насыщенности или различной распространенности или продолжительности, поскольку они обладаютъ однимъ и тѣмъ же качествомъ. Наконецъ, о двухъ качествахъ можно сказать, что они сходны, если они находятся въ одномъ и томъ же отношеніи къ третьему; такъ, напримѣръ, зеленое и красное сходно между собою, такъ какъ и то и другое воспроизводятъ слово цвѣтъ» [1]).

Такое разнообразное значеніе термина «сходство», по замѣчанію Кюльпе, даетъ намъ возможность считать все сходнымъ между собою. Ставъ на такую точку зрѣнія, пришлось бы признать сходство единственнымъ мотивомъ воспроизведенія представленій. Но если стать на психологическую, а не логическую точку зрѣнія, то надо признать, что «опытъ безспорно указываетъ намъ на дѣйствительное существованіе ассоціацій, сущность которыхъ заключается въ смежности ихъ членовъ» [1]). «Напротивъ, — говоритъ Кюльпе, — не можетъ быть и рѣчи о такомъ ясномъ указаніи относительно ассоціацій сходства

---

[1]) «Grundriss», 194.

[1]) Ibidem, 195.

или контраста. Съ трудомъ можно утверждать, что тоны, запахи и цвѣта, мало различающіеся между собою, напоминаютъ другъ друга, какъ таковые; по крайней мѣрѣ, нельзя найти, чтобы, помимо другихъ мотивовъ воспроизведенія, они имѣли для дѣятельности памяти какое-нибудь замѣтное преимущество въ сравненіи съ ощущеніями большаго различія. Что касается частичной однородности сходныхъ представленій, то при ощущеніяхъ она возможна лишь въ тѣхъ случаяхъ, если одно ихъ свойство равно, а другія различны; при комплексахъ же ощущеній здѣсь еще требуется, чтобы извѣстныя составныя части ихъ были тѣми же самыми или чтобы извѣстныя отношенія пространственнаго, временного, интенсивнаго характера, не смотря на абсолютныя отклоненія, производили равное впечатлѣніе. Никакой трудности не представляетъ пониманіе такъ называемаго воспроизведенія по сходству въ томъ случаѣ. когда оба ощущенія или комплекса ощущеній обладаютъ абсолютно тожественнымъ или, по крайней мѣрѣ, кажущимся равнымъ качествомъ. Если два, сходныхъ въ этомъ смыслѣ, представленія *ab* и *ac* воспроизводятъ другъ друга, то посредствующею ступенью въ процессѣ воспроизведенія является субституція, т.-е. равный членъ *a* воспроизводитъ прежде связанный съ нимъ побочный членъ, который, такъ сказать, заступаетъ мѣсто даннаго въ настоящій моментъ. Здѣсь воспроизведеніе по сходству, очевидно, сводится на воспроизведеніе по смежности. Особенно важно то, что все это не теоретическое построеніе, но описаніе дѣйствительнаго явленія. Въ дѣйствительности происходитъ не такъ, чтобы *ab*, какъ цѣлое, воспроизводило *ac*, но къ неизмѣнно пребывающему, не удвояемому *a* присоединяется *c*, возбужденное при помощи *a*... Гораздо

труднѣе выяснить другой случай частичной однородности, гдѣ сходство основано не на абсолютной тожественности, а лишь на относительномъ равенствѣ. Возьмемъ излюбленный примѣръ воспроизведенія по сходству: портретъ напоминаетъ изображенный на немъ оригиналъ или маленькая и безцвѣтная фотографія — большой, полный красокъ ландшафтъ. Здѣсь мы имѣемъ только пространственныя и свѣтовыя отношенія, производящія равное впечатлѣніе, но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ нѣтъ ни одной общей (въ прямомъ смыслѣ этого слова) составной части; ихъ качества и формы, абсолютно взятыя,—различны. Поэтому здѣсь совсѣмъ не можетъ имѣть мѣста та простая субституція, о которой мы выше говорили. Въ подобнаго рода случаѣ, по моему наблюденію, воспоминаніе обыкновенно является лишь тогда, когда уже дано знаніе значенія портрета или фотографіи. Мы должны сначала узнать, что существуетъ отношеніе между ними и тѣми предметами, которые они обозначаютъ. Если это въ общемъ произошло, то, сознавая изображеніе предмета, мы начинаемъ воспроизводить въ усвоенномъ направленіи. Тогда обыкновенно прежде всего представляется конкретное обозначеніе снова даннаго впечатлѣнія и къ нему, можетъ быть, присоединяется образъ воспоминанія о немъ со всѣми обстоятельствами, сопровождавшими прежнее воспріятіе. По моему наблюденію, портретъ вообще не возбуждаетъ непосредственно представленія своего оригинала по той простой причинѣ, что оба содержанія сознанія совсѣмъ не могутъ развиваться на ряду другъ съ другомъ, и для воспоминанія достаточно припомнить названія, обстоятельства, имѣющія значеніе для оригинала. Здѣсь настолько же отсутствуетъ возобновленіе или удвоеніе воспринятаго,

какъ и при узнаваніи [1]). Слѣдовательно, здѣсь несходное вызываетъ воспоминаніе о сходномъ, но оба они производятъ одно и то же дѣйствіе, вызывая равныя слова, представленія и т. д. Итакъ, проблема этого случая — та же самая, какая была дана и въ послѣдней формѣ, гдѣ два впечатлѣнія, находясь въ равномъ отношеніи къ третьему, оказываются сходными между собою. Здѣсь также нельзя сказать, что сходство дѣйствуетъ какъ мотивъ воспроизведенія, но можно утверждать лишь то, что при помощи сходнаго могутъ возбуждаться равныя представленія» [2]).

На основаніи этихъ соображеній, Кюльпе считаетъ совершенно неосновательнымъ признаніе сходства закономъ воспроизведенія: «вліяніе такого закона

---

[1]) «Въ новѣйшее время,—говоритъ Кюльпе,—снова стали больше обращать вниманія на непосредственное узнаваніе и въ этомъ смыслѣ заговорили о качествѣ знакомости (Bekanntheitsqualität), которое связано съ познанными такимъ способомъ ощущеніями. Конечно, этимъ, вмѣсто точнаго анализа и объясненія, вводится только одно слово,—слово, дающее поводъ къ ошибочному мнѣнію, будто знакомымъ представленіямъ, какъ таковымъ, принадлежитъ особое свойство, которое обозначается именемъ «знакомый». А вмѣстѣ съ этимъ, по меньшей мѣрѣ, допускается, что подобнаго рода сужденіе можетъ возникнуть безъ посредства особыхъ образовъ воспоминанія, и ставится задача изслѣдовать вопросъ о собственномъ основаніи такого сужденія. Это основаніе, по нашему взгляду, состоитъ въ особенной центрально возбужденной дѣятельности знакомыхъ впечатлѣній или образовъ воспоминанія, отчасти въ томъ своеобразномъ (пріятномъ или, по крайней мѣрѣ) успокаивающемъ настроеніи, которое они въ насъ возбуждаютъ... Очевидно, непосредственное узнаваніе не даетъ никакого основанія для утвержденія, будто образы воспоминанія суть только возобновленные образы воспріятія, такъ какъ въ данномъ случаѣ отсутствуетъ сравненіе того или другого... Признаніе тожества образовъ воспріятія и воспроизведенія при опосредствованномъ узнаваніи основывается не столько на достаточныхъ эмпирическихъ предпосылкахъ, сколько на старомъ сенсуалистическомъ представленіи, что въ памяти души не можетъ находиться ничего другого, кромѣ того, что ею воспринято при помощи внѣшнихъ чувствъ, и на взглядѣ, многократно выдвигавшемся въ новѣйшее время, по которому нервные центры для образовъ воспріятія и воспоминанія — одни и тѣ же». (Külpe, «Grundriss der Psychologie», 177—182).

[2]) Ibidem, 195—197.

отчасти вообще не можетъ быть указано въ опытѣ, отчасти, при ближайшемъ анализѣ, можно свести его видимость на особые случаи смежности, субституціи и своеобразнаго удержанія» [1]).

4. Ремке дѣлаетъ попытку доказать, что два основныхъ «закона ассоціаціи идей» (смежность и сходство) въ дѣйствительности суть только двѣ формы пониманія (nur zwei Fassungen) единаго закона, управляющаго нашею способностью представленія вообще, изъ которыхъ одна выдвигаетъ на первый планъ моментъ единства, а другая—моментъ равенства [2]).

Объединяющая и отожествляющая дѣятельность, по мнѣнію Ремке, характеризуетъ мышленіе какъ необходимое предположеніе представливанія вообще [3]). При этомъ Ремке дѣлаетъ слѣдующую, важную для нашего вопроса, оговорку: «Хотя мы признаемъ это общимъ закономъ представливанія, однако, нельзя, конечно, утверждать, что это представливаніе должно уже выступать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда только существуютъ эти моменты единства и равенства; если же въ отдѣльныхъ особенныхъ случаяхъ явятся еще особыя условія, которыя должны быть выполнены, то сейчасъ же будетъ дѣйствительно представлено то, что, безъ сомнѣнія, все-таки представимо (Vorstellbares) при фактически выполненныхъ общихъ условіяхъ» [4]).

Въ «законѣ сходства», по мнѣнію Ремке, замѣтно выступаетъ та сторона общаго закона, управляющаго дѣятельностью представленія, которую можно на-

---

[1]) Ibidem, 197.

[2]) Johannes Rehmke, «Lehrbuch der allgemeinen Psychologie», Hamburg und Leipzig», 1894, 286.

[3]) Ibidem, 288.

[4]) Ibidem, 289.

звать моментомъ сознанія равенства (Gleicheitsmoment). Сходство наличнаго состоянія сознанія съ предшествующимъ можетъ выражаться въ трехъ формахъ: 1) содержаніе наличнаго состоянія сознанія, въ цѣломъ, является частью прежняго, 2) содержаніе прежняго состоянія сознанія, въ цѣломъ, составляетъ часть наличнаго состоянія сознанія и 3) часть содержанія наличнаго состоянія сознанія равна части содержанія прежняго состоянія сознанія. Въ этой связи части съ цѣлымъ заключается отношеніе единства (Einheitsmoment). Гдѣ нѣтъ этого отношенія между «равнымъ» и «различнымъ», тамъ нельзя говорить о сходствѣ; тамъ нѣтъ сходства, а есть или равенство или различіе [1]).

«Законъ смежности», по мнѣнію Ремке, предполагаетъ «моментъ равенства» (Gleichheitsmoment): «утвержденіе, что содержаніе наличнаго состоянія сознанія уже прежде существовало въ душѣ вмѣстѣ съ другимъ, подразумѣваетъ, что это наличное содержаніе сознанія равно тому, которое прежде сознавалось вмѣстѣ съ «другимъ». Такимъ образомъ этотъ «законъ смежности», съ точки зрѣнія Ремке, мы можемъ лишь тогда признать закономъ представливанія, если наряду съ моментомъ единства осуществится въ его полномъ значеніи моментъ равенства.

Въ итогѣ всѣхъ этихъ разсужденій, сравнивая свой собственный взглядъ на «законъ сходства» съ наиболѣе распространенными мнѣніями объ этомъ предметѣ, Ремке видитъ въ послѣднихъ одно крупное заблужденіе, которое заключается въ томъ, что «законъ сходства приняли за одинъ изъ нѣсколькихъ общихъ законовъ, управляющихъ

[1]) Ibidem, 291.

дѣятельностью представливанія и совершенно просмотрѣли моментъ единства, являющійся условіемъ возникновенія представленія» [1]).

5. Іодль [2]) высказывается противъ сведенія ассоціаціи сходства на ассоціацію смежности, хотя въ то же время допускаетъ возможность подвести оба эти вида ассоціаціи подъ одинъ общій законъ цѣлостности (Gesätz der Totalität), который онъ, согласно съ Гамильтономъ, формулируетъ такъ: «представленія, которыя прежде образовали части какого-нибудь комплекса мыслей, обладаютъ тенденціей вызывать другъ друга» [3]).

Во «взаимномъ притяженіи элементовъ сознанія при помощи сходства» Іодль различаетъ два случая: 1) случай тожества и 2) случай равенства при частичномъ контрастѣ, или сходство въ тѣсномъ смыслѣ этого слова [4]).

«Случай тожества въ самомъ чистомъ видѣ, данъ тамъ, гдѣ точно повторяется прежнее первичное возбужденіе. Здѣсь новымъ воспріятіемъ вызывается въ сознаніе слѣдъ прежняго, совершенно съ нимъ смѣшиваясь. При этомъ происходитъ взаимное проясненіе (Verdeutlichung), такъ что воспроизводимое воспріятіе облегчаетъ схватываніе непосредственно даннаго, а это послѣднее, съ своей стороны, дополняетъ и облегчаетъ воспоминаемый образъ... Случай сходства въ тѣсномъ смыслѣ этого слова бываетъ данъ тамъ, гдѣ непосредственнымъ воспріятіемъ вызываются въ сознаніи такіе элементы, которые имѣютъ съ ними общими только извѣстныя составныя части,

---

[1]) Ibidem, 292.

[2]) Friedrich Jodl, «Lehrbuch der Psychologie», Stuttgart, 1896, 2 Aufl. 1903.

[3]) Ibidem, 2 Aufl., B. 2, 126.

[4]) Ibidem, § 34.

между тѣмъ какъ другія части отличны или противоположны. Здѣсь также имѣетъ мѣсто притяженіе и смѣшеніе однороднаго. Это явленіе сродно съ явленіемъ узнаванія; можно даже сказать: всякое воспроизведеніе по закону сходства, въ первоначальной стадіи своего психическаго развитія, есть ничто иное, какъ простое узнаваніе» [1]).

Обращаясь къ попыткамъ свести ассоціацію сходства къ смежности, Іодль отмѣчаетъ, что, съ физіологической точки зрѣнія, сведеніе всѣхъ ассоціацій къ сосуществованію возбужденій соблазнительно своею наглядностью. При этомъ однако, по взгляду Іодля, гораздо легче указать въ механическихъ процессахъ центральнаго органа нервной системы нѣчто аналогичное съ ассоціаціей смежности, чѣмъ съ ассоціаціей сходства. Ассоціація смежности соотвѣтствуетъ общему механизму нервной системы—координаціи движеній и навыку въ нихъ при помощи повторенія. Сведеніе ассоціаціи сходства на этотъ процессъ едва ли возможно безъ натяжки. Связь по сходству опредѣляется не тѣмъ, что совпадающіе пункты, служащіе исходной точкой ассоціаціи, однажды существовали вмѣстѣ: этого какъ разъ не бываетъ при ассоціаціи сходства, такъ какъ она связываетъ между собою вещи, которыя никогда не являлись вмѣстѣ, но имѣютъ общіе признаки. «Нельзя отрицать, — говоритъ Іодль, — что явленія ассоціаціи смежности и сходства не могутъ быть просто признаны различными, но нельзя также утверждать, что они совершенно одинаковы. Ассоціація смежности относится къ ассоціаціи сходства, какъ принципъ привычки, психической косности къ принципу психической производительности, и такимъ

[1]) Ibidem, §§ 35—41, стр. 127—135.

образомъ онѣ вплетаются одна въ другую. Сходство можетъ существовать не только между вещами и ихъ признаками или свойствами, но также между процессами. Процессы, связанные другъ съ другомъ по закону непрерывности, могутъ, въ качествѣ таковыхъ ассоціаціонныхъ комплексовъ, воспроизводить и прояснять другъ друга. Точно также въ каждомъ комплексѣ, образованномъ при помощи ассоціаціи смежности, отдѣльные члены, по сходству, могутъ замѣщаться аналогичными элементами» [1]).

По мнѣнію Іодля, ни ассоціація смежности, ни ассоціація сходства не могутъ сдѣлать намъ наглядным пониманіе воспроизведенія представленій въ смыслѣ физіологической функціи. «Психически ассоціація сходства,—говоритъ Іодль,—не сложнѣе ассоціаціи смежности. Сознаніе уже въ ощущеніи является сравнивающимъ и различающимъ, и на вторичную ступень съ новымъ матеріаломъ оно переноситъ лишь то, что началось на первичной, и эту произвольность (Spontaneität) сознанія, какъ послѣдній фактъ психической жизни вообще, нельзя представлять въ объективномъ образѣ, потому что это значило бы выводить само сознаніе изъ пространственно подвижныхъ образованій и механическихъ процессовъ» [2]).

6. Эббингаусъ полагаетъ, что признаніе ассоціаціи сходства первоначальной тенденціей души ведетъ къ цѣлому ряду недоумѣній. «Допустимъ,—говоритъ онъ,—что сходнымъ представленіямъ будутъ соотвѣтствовать сходные процессы возбужденія въ мозговой корѣ, что нервные элементы, образующіе многочисленную группу и приведенные въ

---

[1]) Ibidem., § 47.
[2]) Ibidem.

возбужденіе, въ извѣстной части оказываются тожественными у обоихъ представленій, что процессъ возбужденія по своему качеству (т.-е. по ритму и напряженности) въ обоихъ случаяхъ однороденъ. Понятно, что вызванное соотвѣтствующими причинами возбужденіе опредѣленной комбинаціи клѣтокъ влечетъ за собою возбужденіе другой группы, которая прежде вмѣстѣ съ нею подвергалась возбужденію. Вѣдь нервное возбужденіе есть идущій впередъ процессъ, который долженъ куда-нибудь распространяться (вслѣдствіе того прежняго процесса); извѣстная система волоконъ, проводящихъ возбужденіе отъ одной группы клѣтокъ къ другой, легче отзывается на эту опредѣленную конфигурацію возбужденій, чѣмъ волокна, проводящія возбужденіе въ другихъ направленіяхъ. Но какимъ образомъ, вмѣсто этого, опредѣленное возбужденіе можетъ *само по себѣ* и безъ всякаго другого толчка превратиться въ сходное возбужденіе, т.-е. или въ нѣкоторой степени измѣнить свое качество или, частью перейдя на другія клѣтки, частью оставаться въ тѣхъ же самыхъ,—мнѣ представляется очень мало понятнымъ. Кромѣ того, сходство есть нѣчто совсѣмъ неопредѣленное. Какимъ образомъ опредѣленное возбужденіе вызываетъ изъ безчисленнаго ряда сходныхъ съ нимъ въ разныхъ отношеніяхъ возбужденій именно это опредѣленное возбужденіе? Но вѣдь это должно быть такъ, если только при помощи ассоціаціи сходства должны вызываться опредѣленныя представленія... Если бы прямой переходъ къ сходному былъ непосредственно наблюдаемымъ фактомъ, то, само собою разумѣется, его слѣдовало бы принять. Но такъ какъ онъ является конструкціей, придуманной для объясненія другихъ фактовъ, то надо еще обратиться къ другимъ конструкціямъ, которыя лучше

согласуются съ установленными взглядами на внутреннюю связь вещей» [1]).

Эббинггаусъ думаетъ, что такъ называемая ассоціація сходства безъ всякихъ затрудненій, можетъ быть понята какъ частное выраженіе того общаго закона ассоціацій, который обозначается у него именемъ «Erfahrungsassociation» и подъ которымъ разумѣется ассоціація по смежности во времени [2]).

Приступая къ психологическому анализу ассоціацій сходства, Эббинггаусъ требуетъ строго различать воспроизведенія при помощи сходныхъ исходныхъ пунктовъ, которые представляютъ собою нѣчто совершенно реальное, и ассоціаціи, устанавливаемыя при помощи допущенія такъ называемой ассоціаціи сходства, между исходнымъ пунктомъ и сходнымъ съ нимъ конечнымъ членомъ. «Движеніе представленія,—говоритъ Эббинггаусъ,—идетъ не прямо отъ впечатлѣній *ab* къ сходнымъ съ ними впечатлѣніямъ a_1 b_1, но, если только впечатлѣнія *ab* прежде были связаны съ *cd*, оно идетъ не только отъ *ab*, но также отъ a_1 b_1 къ тѣмъ членамъ *cd*, которые прежде были связаны съ *ab*, или, лучше сказать, къ ихъ представленіямъ $\gamma\delta$. Если дитя называетъ встрѣчнаго незнакомца папой, то можно ли сказать, что видъ незнакомца прежде всего вызвалъ представленіе похожаго на него отца и затѣмъ уже это представленіе вызвало соотвѣтствующее имя? Скорѣе надо допустить, что общее впечатлѣніе, сходное съ образомъ отца, сразу вызываетъ представленіе слова и соотвѣтствующія движенія органовъ рѣчи, такъ какъ довольно часто можно наблюдать, что ребенокъ

---

[1]) H. Ebbinghaus, «Grundzüge der Psychologie», I. B., Leipzig, 1902, 614.
[2]) Ibidem, 607—613.

остается при этомъ совершенно безучастнымъ. Ставъ на эту точку зрѣнія, данный процессъ можно понять и съ матеріальной стороны. Ни въ чемъ нельзя указать повода къ превращенію процесса возбужденія *ab* въ сходный съ нимъ процессъ a_1 b_1. Но если только процессъ *ab* получилъ силу вызывать процессъ *cd*, то, по нашимъ воззрѣніямъ, не только возможно, но прямо необходимо допустить, что извѣстной силой для того же самаго долженъ обладать и процессъ a_1 b_1, однородный съ *ab*.—Безчисленные теоретики ассоціацій, конечно, утверждаютъ, что такія воспроизведенія отъ сходныхъ исходныхъ пунктовъ сами возможны только посредствомъ ассоціацій сходства, и что они какъ разъ являются самымъ сильнымъ доказательствомъ реальности послѣднихъ. Для того, чтобы γδ могло быть вызвано при помощи a_1 b_1, прежде всего требуется, чтобы было вызвано *ab* (или αβ), такъ какъ *cd* сосуществовало только съ нимъ. Но вѣдь это чистая фикція, теорія безъ фактической почвы. Если я вижу, что небо покрывается тучами и начинаю вспоминать грозу, то неужели я сначала думаю о прежнемъ заволакиваніи, съ которымъ было фактически связано начало грозы? Я объ этомъ ровно ничего не знаю... То, что здѣсь является какъ случайное обстоятельство, — быстрое слѣдованіе одна за другою двухъ ассоціацій, пріобрѣтенныхъ опытомъ,—характеризуетъ вторую группу такъ называемыхъ ассоціацій по сходству. Психическіе образы могутъ быть сходны тѣмъ, что они обладаютъ болѣе или менѣе хорошо различимыми общими составными частями, какъ это можно представить при помощи символовъ *abcd* и *cdmn*. Если въ такомъ случаѣ дана группа *abcd*, то, при надлежащихъ обстоятельствахъ, содержащіеся въ ней члены *cd* естественно могутъ воспроизвести представленія

$\mu\nu$. Тогда, непосредственно другъ за другомъ, мы переживаемъ *abcd* и *cd*$\mu\nu$, но не вслѣдствіе особой воспроизводительной силы сходства, а какъ естественное проявленіе общаго закона ассоціаціи, обнаружившагося при данныхъ особенныхъ обстоятельствахъ... Итакъ, объ ассоціаціяхъ по сходству можно сказать то же самое, что и объ ассоціаціяхъ по смежности въ пространствѣ и по контрасту: онѣ возникаютъ не изъ особой основной закономѣрности душевной жизни, прямо предназначенной для ихъ осуществленія, а являются лишь отдѣльными случаями ассоціацій опыта (Erfahrungsassociation), которые возникаютъ при особыхъ обстоятельствахъ и вслѣдствіе этого всегда представляютъ практическій интересъ» [1]).

7. Ціэнъ, въ своихъ взглядахъ на ассоціацію сходства, очень близко подходитъ къ Эббинггаусу. Для характеристики его точки зрѣнія на этотъ предметъ, можно привести одинъ небольшой отрывокъ изъ его «Очерковъ физіологической психологіи» [2]).

«Представленіе спящаго можетъ вызвать за собою представленіе мертваго. Психофизіологически оба эти представленія мыслятся нами какъ составленныя изъ очень большого числа частичныхъ представленій, которыя соотвѣтствуютъ многочисленнымъ возбужденіямъ въ различныхъ мѣстахъ мозговой коры. Изображая дѣло совершенно схематически, можно сказать, что представленію сна соотвѣтствуютъ возбужденія гангліозныхъ клѣтокъ *abcd*, а представленію смерти—возбужденія клѣтокъ *cefg*, при чемъ возбужденіе клѣтки *c* соотвѣтствуетъ общему въ представленіяхъ сна и смерти частичному представленію

[1]) Ibidem, 615—617.

[2]) Th. Ziehen, «Leitfaden der physiologischen Psychologie in 15 Vorlesungen». Sechste Auflage. 1902. Стр. 178 сл.

спокойствія. Теперь спрашивается: если представленіе сна влечетъ за собою представленіе смерти, то что это такое—ассоціація по сходству или ассоціація по одновременности? Очевидно, ассоціація по одновременности, такъ какъ частичныя представленія *abcd*, равно какъ и частичныя представленія *cefg*, очевидно, соединены другъ съ другомъ ассоціаціями одновременности. Если въ моментъ 1 сознаются частичныя представленія *abcd*, образующія вмѣстѣ сложное цѣльное представленіе сна, то каждое изъ этихъ частичныхъ представленій въ моментъ 2 можетъ вызвать рядъ представленій, связанныхъ съ нимъ при помощи ассоціаціи одновременности. Но частичное представленіе *c*, будучи связано ассоціаціей одновременности съ *e*, *f* и *g*, можетъ вызвать также и эти представленія, а вмѣстѣ съ ними—представленіе смерти. Такимъ образомъ, принципъ одновременности оказывается совершенно достаточнымъ для объясненія ассоціаціи, существующей между представленіями смерти и сна, или, вообще говоря, ассоціаціи между такими сложными представленіями, у которыхъ оказываются общими одно или нѣсколько частичныхъ представленій. Эти сложныя представленія, благодаря общимъ частичнымъ представленіямъ, очевидно, оказываются, по содержанію, сродными или сходными между собою, и тѣмъ не менѣе ихъ ассоціаціонная связь, какъ мы видимъ, опредѣляется ассоціаціей одновременности, а не ассоціаціей сходства. Вмѣстѣ съ этимъ для васъ впервые станетъ совершенно понятнымъ и мое прежде высказанное утвержденіе рѣдкости чистыхъ ассоціацій сходства между представленіями [1]): вѣдь сходство представленій въ

[1]) Выше Ціэнъ замѣчаетъ: «Внутренняя ассоціація (т.-е. ассоціація по сходству, стр. 176) играетъ въ нашемъ мышленіи очень малую роль; только

большинствѣ случаевъ основано на общихъ частичныхъ представленіяхъ, и представленія, обладающія общими частичными представленіями, вызываютъ другъ друга въ силу ассоціаціи одновременности. Даже въ приведенномъ выше случаѣ ассоціаціи сходно звучащихъ представленій словъ, для которой я призналъ дѣятельность ассоціаціи сходства, это сходство основано на общности равныхъ представленій буквъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь также, по меньшей мѣрѣ, нельзя исключить дѣйствія ассоціаціи одновременности.—Въ другихъ случаяхъ, въ которыхъ вы равнымъ образомъ прежде всего были бы склонны видѣть ассоціацію сходства, связующимъ моментомъ является принадлежность къ одному и тому же общему представленію, а вмѣстѣ съ этимъ снова дается ассоціація смежности. Напримѣръ, представленіе «красное» очень часто вызываетъ представленіе какого-нибудь другого цвѣта, напримѣръ «желтое». Здѣсь переходъ таковъ: представленіе «красное» вызываетъ общее представленіе «цвѣтъ», а это послѣднее—представленіе «желтое». При этомъ промежуточное и связующее представленіе «цвѣтъ» совсѣмъ не должно непремѣнно сознаваться нами; оно можетъ пребывать въ скрытомъ состояніи (latent bleiben). Насколько мало въ подобнаго рода случаяхъ принимаетъ участіе ассоціація сходства, видно изъ того, что представленіе какого-нибудь цвѣта совсѣмъ не вызываетъ чаще всего представленія цвѣта, очень съ нимъ сходнаго, т.-е., напримѣръ, того, который занимаетъ съ нимъ рядомъ мѣсто въ спектрѣ, но

при психическихъ заболѣваніяхъ, когда господствуетъ такъ называемый вихрь идей, повидимому, иногда внутреннія ассоціаціи берутъ перевѣсъ надъ внѣшними. Подъ вліяніемъ этого, такой маніакъ совершенно безсмысленно подбираетъ другъ за другомъ слова подъ риѳму: Hund—Bund—Schund и т. д. Въ этомъ рядѣ сказывается дѣйствіе сходства движеній органовъ рѣчи» (Leitfaden, 177).

воспроизводитъ несходные цвѣта настолько же часто или, благодаря спеціальной смежности, еще чаще, чѣмъ сходные».

Въ виду того большого значенія, какое имѣетъ при анализѣ ассоціаціи сходства понятіе «психически равнаго», здѣсь интересно будетъ остановиться еще на слѣдующемъ разсужденіи Ціэна: «Строго говоря, почти всѣ наши ощущенія новы; рѣдкое ощущеніе уже было точно такимъ же прежде. Если мы снова видимъ опредѣленную розу, которую видѣли уже прежде, то у насъ возникаетъ образъ воспоминанія той же самой, прежде видѣнной розы. Здѣсь, конечно, можно сказать, что ощущеніе прежде всего вызываетъ представленіе, равное ему по содержанію. Но если мы видимъ какую-нибудь, случайно попавшую намъ на глаза розу или какой-нибудь совсѣмъ неизвѣстный цвѣтокъ, то у насъ возникаетъ только общее зрительное представленіе «роза» или «цвѣтокъ»; прежде мы никогда не видали розы или цвѣтка, съ которыми данная роза или данный цвѣтокъ совершенно совпадалъ бы. Слѣдовательно, здѣсь ощущеніе прежде всего воспроизводитъ представленіе, сходное или сродное съ нимъ по содержанію: равное по содержанію вообще не существуетъ. Но еще рѣже абсолютнаго равенства новаго ощущенія съ прежнимъ является абсолютное неравенство новаго со всѣми прежними. Подумайте, что наши ощущенія въ большинствѣ случаевъ сложны и что поэтому, при всей своеобразности новаго ощущенія въ цѣломъ, всетаки у него въ высшей степени рѣдко будутъ отсутствовать извѣстныя частичныя сходства съ прежними ощущеніями» [1]).

---

[1]) Ibidem, 175.

Попробуемъ теперь, въ краткихъ чертахъ, сдѣлать общій обзоръ главныхъ моментовъ исторіи ученія объ ассоціаціи сходства.

Намѣченное еще Аристотелемъ противоположеніе припоминанія по сходству припоминанію по смежности и контрасту въ теченіе многихъ вѣковъ остается господствующимъ въ психологической литературѣ, пока, подъ вліяніемъ развитія метафизическихъ теорій раціоналистическаго (Малебраншъ) и матеріалистическаго (Гертли) характера, не является стремленія свести всѣ виды ассоціацій къ одному. Въ это время опредѣляется (Вольфъ) та общая формула закона рединтеграціи, зачатки которой имѣлись еще у Аристотеля и которая получила свое дальнѣйшее развитіе въ сочиненіяхъ Гамильтона. Кромѣ вліянія раціоналистическихъ и матеріалистическихъ теорій, стремленію свести всѣ традиціонные виды ассоціацій къ меньшему числу особенно благопріятствовала работа англійскихъ психологовъ (Юмъ), выяснявшихъ идеалъ точнаго психологическаго изслѣдованія и важность установки возможно меньшаго числа такихъ основныхъ законовъ психической жизни, которые обнимали бы собою и другіе, болѣе частные законы. Первыя опредѣленныя попытки подробнаго психологическаго анализа ассоціаціи сходства, съ опредѣленіемъ ея какъ частичнаго тожеетва, которое легко можетъ быть подведено подъ формулу ассоціаціи смежности, мы находимъ въ нѣмецкой литературѣ конца XVIII вѣка (Маасъ). Развившееся въ нѣмецкой психологіи первой половины XIX вѣка ученіе о безсознательныхъ представленіяхъ (Гербартъ) послужило основаніемъ къ новой постановкѣ вопроса объ ассоціаціи сходства въ ея отношеніи къ ассоціаціи смежности. Съ этого времени въ спорахъ о психологической природѣ при-

поминанія по сходству психологи часто начинаютъ прибѣгать къ гипотезѣ «безсознательныхъ ассоціацій», причемъ, вмѣстѣ съ этимъ, выясняется и пониманіе особаго вида сходства, какъ частичнаго тожества при длинномъ рядѣ посредствующихъ членовъ (Брошаръ). Въ горячей полемикѣ англійскихъ психологовъ по поводу теоріи Джемса Милля, который въ своемъ ученіи о сходствѣ явился, строго говоря, только послушнымъ ученикомъ Гертли, выяснился взглядъ на чистое сходство, какъ непосредственное узнаваніе, причемъ было отмѣчено значеніе узнаванія, какъ элемента сходства, при ассоціаціи смежности и ассоціаціи смежности — какъ фактора припоминанія по сходству (Дж. Ст. Милль, Бэнъ). Вслѣдъ за этимъ, Геффдингомъ была отмѣчена та логическая несообразность, которая получилась бы въ томъ случаѣ, если бы мы стали отрицать необходимость непосредственнаго узнаванія, какъ элемента всякаго рода ассоціаціи (безконечный рядъ членовъ, изъ которыхъ каждый узнается при помощи слѣдующаго). Полемизируя съ Геффдингомъ, Леманъ впервые прилагаетъ методы экспериментальнаго изслѣдованія къ разъясненію вопроса о взаимномъ отношеніи ассоціацій сходства и смежности, причемъ пытается свести типичные случаи ассоціаціи сходства, или такъ называемое непосредственное узнаваніе, къ ассоціаціи смежности. Ему же принадлежитъ опредѣленное выясненіе роли слова при такъ называемомъ припоминаніи по сходству. Благодаря работамъ Вундта, поставившаго вопросъ объ ассоціаціи по сходству въ связь съ вопросомъ объ отличіи перцепціи и апперцепціи, былъ выдвинутъ вопросъ о томъ опредѣляющемъ значеніи, которое можетъ имѣть въ проблемѣ сходства анализъ дѣятельности вниманія. Широко распространенное

опредѣленіе сходства, какъ частичнаго тожества, естественно повлекло за собой, съ одной стороны, признаніе существеннымъ элементомъ въ процессѣ припоминанія по сходству—«ассоціаціи тожества» (Вундтъ), а, съ другой стороны, сомнѣніе въ возможности считать тожество ассоціаціей (Брошаръ, Кюльпе). Изъ тѣхъ указаній, которыя были выдвинуты по вопросу объ ассоціаціи сходства въ послѣднее время, слѣдуетъ отмѣтить противоположеніе сходства и смежности, какъ психической произвольности и привычки (Іодль) и признаніе чистой ассоціаціи сходства совершенно непонятной съ физіологической точки зрѣнія (Эббингаусъ).

Часть вторая.

ОСНОВЫ УЧЕНІЯ ОБЪ АССОЦІАЦІИ СХОДСТВА.

I.

Ассоціація, какъ законъ воспроизведенія представленій.

Было время, когда не только въ широкомъ кругѣ образованныхъ людей, но и среди спеціалистовъ психологовъ незыблемо держалось представленіе о памяти, какъ извѣстнаго рода хранилищѣ пережитыхъ нами душевныхъ состояній: въ это хранилище складываются до извѣстнаго срока полученныя нами представленія и чувства и затѣмъ снова появляются оттуда въ нашемъ сознаніи въ видѣ воспоминаній. Такое воззрѣніе находитъ себѣ пріютъ еще въ теоріи Гербарта и его правовѣрныхъ послѣдователей. Однако недостатки подобнаго взгляда теперь уже достаточно выяснились, и въ настоящее время, говоря о широкой области психическихъ явленій, обозначаемыхъ словомъ «воспроизведеніе», мы уже не можемъ думать, будто въ данномъ случаѣ, въ буквальномъ смыслѣ слова, идетъ рѣчь о возвращеніи въ наше сознаніе того же самаго, что уже было нами пережито.

Безспорно, у насъ часто является сознаніе, что мы снова переживаемъ тѣ же чувства и тѣ же впечатлѣнія, которыя были нами прежде когда то получены. Это непосредственное сознаніе и служитъ основаніемъ для возникновенія наивнаго психологическаго воззрѣнія, будто наши прежнія представ-

ленія дѣйствительно гдѣ то хранились, не сознаваясь нами, а потомъ вдругъ снова появились въ нашей памяти. Но къ этому свидѣтельству непосредственнаго сознанія надо отнестись очень осторожно. Вѣдь такое же непосредственное сознаніе говоритъ намъ о краскахъ внѣшняго міра, о звукахъ, наполняющихъ окружающее насъ пространство, и т. п. Однако мы ясно понимаемъ несостоятельность того наивнаго реализма, который не желаетъ знать различія между качествами нашихъ ощущеній и того, что подъ ними мыслится. Точно такъ же, и говоря о «воспроизведеніи» нашихъ прежнихъ представленій, необходимо проводить строгое различіе между тѣмъ, что можно было бы назвать непосредственными единичными данными состояній нашего сознанія, и тѣмъ значеніемъ, которое они имѣютъ въ общемъ ходѣ нашей интеллектуальной жизни.

Уже при самомъ поверхностномъ самонаблюденіи невольно обращаетъ на себя вниманіе различіе въ интенсивности «первично-возникающихъ» и «воспроизводимыхъ» представленій: образы воспоминанія въ большинствѣ случаевъ характеризуются какъ нѣчто болѣе слабое, чѣмъ впечатлѣнія, полученныя при дѣйствіи внѣшнихъ раздражителей. Болѣе подробный анализъ процессовъ воспоминанія показываетъ, что между воспроизведенными образами и соотвѣтствующими имъ первоначальными психическими состояніями заключается обыкновенно немалая качественная разница, которая становится особенно ясной, если принять во вниманіе процессы ассимиляціи, послужившіе предметомъ извѣстныхъ анализовъ Вундта [1]). Итакъ, стоя на почвѣ строгаго самонаблюденія, если не по отношенію ко всѣмъ, то, по

[1]) «Grundzüge der physiologischen Psychologie», III, 526 слѣд.

крайней мѣрѣ, къ громадному большинству случаевъ такъ называемаго «воспроизведенія» представленій, нельзя утверждать, что представленіе, «воспроизводимое» въ данный моментъ, дѣйствительно равно тому, которое когда то было «первоначально воспринято».

Если стать на физіологическую точку зрѣнія и, вмѣсто воспроизведенія представленій, какъ психическихъ величинъ, имѣть въ виду лишь воспроизведеніе возбужденій извѣстныхъ нервныхъ элементовъ (или ихъ группъ), какъ физіологическихъ коррелатовъ опредѣленныхъ психическихъ состояній, то и здѣсь намъ придется признать несостоятельнымъ терминъ «воспроизведеніе», прилагаемый въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Не будемъ говорить о томъ, что жизнь всего нашего тѣла (и въ томъ числѣ нервной системы) представляетъ собою постоянный обмѣнъ веществъ, такъ что только въ очень и очень относительномъ смыслѣ слова возможно говорить о возбужденіи «тѣхъ же самыхъ нервныхъ элементовъ» черезъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени. Но возьмемъ данный вопросъ даже въ болѣе простой постановкѣ. Допустимъ на время, что извѣстныя группы нервныхъ элементовъ, оставаясь, сами по себѣ, неизмѣнными, подвергаются, въ моменты 1 и 2, дѣйствію двухъ объективно одинаково сильныхъ (внѣшнихъ или внутреннихъ) раздражителей *A* и *B*, или даже дѣйствію одного и того же раздражителя *A*. Значитъ ли это, что и возбужденіе данныхъ элементовъ въ моменты 1 и 2 будетъ равнымъ? Вѣдь мы знаемъ, что сила возбужденія нервныхъ элементовъ зависитъ не только отъ силы дѣйствующихъ на нихъ возбудителей, но и отъ того, что можно было бы назвать возбудимостью данныхъ нервныхъ элементовъ

въ данный моментъ времени. А эта возбудимость, какъ извѣстно, въ значительной степени обусловлена и тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находятся, въ данный моментъ, другія части нервной системы. Такимъ образомъ, одна уже эта сложность комбинаціи взаимодѣйствія всѣхъ частей нервной системы, обусловливающей силу возбужденія опредѣленной группы нервныхъ элементовъ, показываетъ намъ, насколько должно быть ограничено (если только вообще допустимо) количество такихъ случаевъ возбужденія нервныхъ центровъ, про которые можно было бы сказать, что они являются повтореніями того, что уже было. А вѣдь большее или меньшее участіе такъ называемыхъ «воспроизведенныхъ» представленій предполагается во всѣхъ сложныхъ состояніяхъ нашего сознанія!..

Для того, чтобы, несмотря на всѣ эти соображенія, удержать гипотезу «воспроизведенія», остается только, вслѣдъ за Гербартомъ, широко использовавъ понятіе «безсознательной душевной жизни», провести различіе между абсолютной и относительной величиной представленій, восходящихъ за порогъ сознанія [1]). Тогда можно было бы сказать, что, хотя, по даннымъ самонаблюденія, воспроизводимое представленіе обыкновенно и не равняется тому, что соотвѣтствуетъ ему въ качествѣ первичной психической величины, тѣмъ не менѣе въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ той же самой абсолютной величиной, которая только, отчасти задерживаясь въ области безсознательнаго, отчасти же соединяясь и сливаясь въ области сознательнаго, мѣняетъ лишь свое относительное значеніе въ данномъ моментѣ нашего сознаванія.

---

[1]) Herbart, «Psychologie als Wissenschaft», §§ 25—36.

Но какъ бы ни казалась заманчивой, въ глазахъ нѣкоторыхъ психологовъ, такая гипотеза, она возбуждаетъ цѣлый рядъ недоумѣній. Вся теорія погруженія представленій за порогъ сознанія, съ сохраненіемъ ихъ абсолютной силы, предполагаетъ понятіе «представливанія» безъ представляемаго, которое, будучи, собственно говоря, выраженіемъ лишь простой возможности появленія представленій въ сознаніи, ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ понятій «душевныхъ способностей», противъ которыхъ такъ сильно возставалъ самъ Гербартъ. Кромѣ того, вся эта гипотеза является мало соотвѣтствующей направленію современныхъ психологическихъ изслѣдованій и состоянію современныхъ знаній. При томъ слабомъ развитіи психофизіологическихъ свѣдѣній, съ которымъ приходилось считаться ученому первой четверти XIX вѣка, еще можно было, объясняя явленія памяти, довольствоваться неопредѣленными схемами, общими указаніями на существованіе разнаго рода «возможностей» и «способностей», дававшими все-таки нѣкоторый ключъ къ первоначальной классификаціи душевныхъ явленій. Но, подобно тому, какъ съ появленіемъ современной экспериментальной психологіи должно было стать анахронизмомъ увлеченіе предположительными формулами математической психологіи Гербарта (зачѣмъ общія предположенія тамъ, гдѣ можно вычислять съ большею фактическою точностью!), такъ и съ расширеніемъ психофизіологическихъ знаній о памяти должна была перестать казаться удовлетворительной слишкомъ общая, слишкомъ неопредѣленная, слишкомъ расплывчатая теорія «представливанія» безъ представляемаго. Современный психологъ не долженъ успокоиться на формулѣ: «это представленіе сознается мною, потому что у меня была обусловленная предшествую-

щимъ опытомъ возможность его представить». Онъ долженъ идти дальше (по пути, отчасти намѣченному самимъ Гербартомъ) и стараться выяснить ближайшія условія этой возможности представливанія.

Но, спрашивается, нужно ли при этомъ обращаться къ понятію «безсознательной душевной жизни»? Мы знаемъ, что современная психофизіологія, хотя часто и прибѣгаетъ къ понятію безсознательнаго, однако это безсознательное обыкновенно понимается или въ смыслѣ смутно сознаваемыхъ душевныхъ явленій, или же въ смыслѣ чисто физіологическихъ процессовъ или состояній, которымъ въ данный моментъ не соотвѣтствуетъ никакого опредѣленнаго психическаго содержанія, но которые тѣмъ не менѣе могутъ разсматриваться, какъ имѣющіе значеніе для появленія другихъ физіологическихъ процессовъ или состояній, являющихся уже болѣе или менѣе прямыми коррелатами душевныхъ явленій. Методологическая выгода подобнаго рода точки зрѣнія намъ представляется внѣ сомнѣній уже по одному тому, что она обязываетъ принявшихъ ее изслѣдователей всегда доискиваться опредѣленныхъ (психическихъ или физіологическихъ) фактовъ, которые въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должны соотвѣтствовать допущенному виду безсознательнаго. Между тѣмъ понятіе «представливаніе безъ представляемаго» или, что то же, «безсознательная душевная жизнь» не составляетъ предмета ни субъективнаго (психологическаго), ни объективнаго (физіологическаго) наблюденія.

Въ виду всего этого, въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не будемъ пользоваться понятіемъ безсознательной душевной жизни, въ томъ смыслѣ, какъ примѣнялъ его Гербартъ. Вмѣстѣ съ этимъ, мы должны признать, какъ фактъ, что въ случаяхъ такъ

называемаго «воспроизведенія» представленій мы имѣемъ дѣло не съ переживаніемъ того же самаго представленія, которое сознавалось нами прежде, а съ инымъ душевнымъ явленіемъ, которое болѣе или менѣе отличается отъ него количественно и качественно и только понимается, истолковывается нами, какъ то же самое. Если оставаться на почвѣ строгаго самонаблюденія, то надо согласиться съ тѣмъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ существуютъ только, такъ сказать, субституты и суррогаты воспроизведенія, болѣе или менѣе яркія иллюзіи переживанія забытаго. И эта иллюзорность воспроизведенія выступаетъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе сложное явленіе воспроизводится въ нашемъ сознаніи. Воспроизведеніе же въ буквальномъ смыслѣ этого слова, т.-е. въ смыслѣ повторенія тѣхъ же самыхъ душевныхъ состояній, если и допустимо въ чрезвычайно ограниченномъ количествѣ случаевъ, то все-таки никогда не можетъ быть научно доказано. Придавая вновь переживаемымъ нами душевнымъ состояніямъ значеніе чего то уже пережитаго нами прежде, мысля вновь возникающія въ нашемъ сознаніи представленія какъ старыя, сохраненныя нашей памятью, впечатлѣнія, мы, въ сущности, напоминаемъ того рантье, который, проживая въ теченіе многихъ лѣтъ проценты съ своего капитала, внесеннаго въ банкъ, захотѣлъ бы наконецъ получить изъ банка «тотъ же самый капиталъ», который былъ имъ когда то внесенъ. Конечно, ему будутъ выданы уже совсѣмъ не тѣ самыя монеты и бумаги, которыя онъ когда то приносилъ въ банкъ. Значитъ, полученныя деньги только въ условномъ смыслѣ можно будетъ назвать «тѣмъ же самымъ» капиталомъ, въ смыслѣ того, что имъ придается такое же значеніе, какъ и тѣмъ деньгамъ, которыя были прежде внесены. Если развить

это сравненіе дальше, то можно сказать, что, въ зависимости отъ измѣненій условій окружающей жизни, относительная цѣнность денегъ значительно мѣняется, и потому одинъ и тотъ же капиталъ въ два разные момента (въ моментъ вклада въ банкъ и вынманія оттуда) можетъ представлять неодинаковую относительную цѣнность для его владѣльца.

Теперь намъ предстоитъ двойная задача. Мы должны, во-первыхъ, объяснить, въ какомъ смыслѣ, съ нашей точки зрѣнія, возможно говорить объ ассоціаціи, какъ законѣ воспроизведенія представленій, и, во-вторыхъ, показать, отъ какихъ условій зависятъ иллюзіи, дающія намъ возможность принимать вновь возникающія представленія за старыя. Естественнымъ переходомъ отъ первой задачи ко второй долженъ служить анализъ явленій такъ называемаго воспроизведенія представленій по сходству.

Итакъ: можно ли вообще говорить объ ассоціаціи представленій, какъ законѣ воспроизведенія ихъ?

Во французской литературѣ послѣдняго времени была сдѣлана попытка показать, что отношеніе сходства, существующее между исходнымъ пунктомъ воспроизведенія *A* и воспроизводимымъ представленіемъ *B*, не можетъ быть причиной вызова *B*, такъ какъ это отношеніе можетъ существовать только тогда, когда само *B* уже вызвано [1]). По этому поводу, въ той же французской литературѣ указывалось, что подобнаго рода разсужденіе можно примѣнить и по отношенію къ принципу смежности [2]).

Нельзя отрицать, что здѣсь ставится интересный принципіальный вопросъ, насколько можно считать

[1]) V. Brochard, «De la loi de similarité«, Revue philosophique, 1880, 257—269.

[2]) «La critique philosophique», 1885, I, 194 (Pillon).

ассоціацію, существующую между исходнымъ пунктомъ воспроизведенія *A* и воспроизводимымъ представленіемъ *B*, причиной появленія въ сознаніи этого *B*. Разъясняя этотъ вопросъ, указывали на необходимость проводить различіе между ассоціаціей, какъ субъективно сознаваемымъ отношеніемъ между данными представленіями, и ассоціаціей, какъ извѣстнымъ объективно существующимъ отношеніемъ между ними [1]). Но вѣдь пока существуетъ въ сознаніи одно только *A*, а *B* еще совсѣмъ не появлялось, то между ними нѣтъ еще никакого (ни субъективно-сознаваемаго, ни объективно существующаго) отношенія, которое можно было бы считать причиною возникновенія *B* вслѣдъ за *A*. Признаніе ассоціаціи между *A* и *B* причиною возникновенія въ нашемъ сознаніи этого *B* возможно было бы только въ томъ случаѣ, если бы мы допустили, что это *B* дѣйствительно является ничѣмъ инымъ, какъ представленіемъ, воспроизводимымъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова и, слѣдовательно, уже существующимъ въ нашей душѣ до момента своего воспроизведенія. Но мы уже отказались отъ подобной точки зрѣнія и потому не можемъ остановиться на такомъ пониманіи ассоціаціи.

Душевная жизнь представляетъ собою непрерывный рядъ измѣненій. Внимательно изучая эти измѣненія, мы должны признать, что всѣ предшествующія переживанія оказываютъ извѣстное вліяніе на послѣдующія. Смотря по тому, какимъ вліяніямъ подвергался нашъ психофизическій организмъ въ предшествующіе годы нашей жизни, онъ становится болѣе или менѣе отзывчивымъ къ тѣмъ или инымъ раздраженіямъ, болѣе или менѣе способнымъ къ пе-

[1]) Ibidem.

реживанію тѣхъ или иныхъ состояній. Поэтому, изучая какое-нибудь состояніе сознанія въ данный моментъ, всегда позволительно задать два вопроса: 1) въ какой степени данное состояніе сознанія было обусловлено предшествующимъ опытомъ того субъекта, которому оно принадлежитъ? и 2) въ какой степени оно само можетъ оказать вліяніе на послѣдующую душевную жизнь даннаго лица, и въ особенности на ближайшіе моменты этой жизни?

Изучая опредѣленное состояніе своего сознанія въ его отношеніи къ нашимъ предшествующимъ психофизіологическимъ переживаніямъ, мы обыкновенно убѣждаемся, что многіе элементы переживаемаго нами состоянія сознаются нами какъ повтореніе или незначительное измѣненіе того, что уже сознавалось въ предшествующіе моменты. Анализируя ближе это отношеніе послѣдующаго къ предыдущему, мы видимъ, далѣе, что не всѣ элементы въ отдѣльныхъ состояніяхъ нашего сознанія оказываютъ одинаково сильное вліяніе на моменты послѣдующіе: одни изъ нихъ (на которыхъ сосредоточивается наше невольное или произвольное вниманіе) пріобрѣтаютъ извѣстное господство въ душевной жизни, другіе—замираютъ, стушевывается. Это господство нѣкоторыхъ изъ нашихъ представленій, безспорно, въ значительной степени опредѣляется нашимъ предшествующимъ опытомъ. Для того, чтобы нагляднѣе представить дѣло, возьмемъ три послѣдовательныхъ состоянія сознанія, непосредственно смѣняющихъ другъ друга—1, 2 и 3. Изъ нихъ состояніе сознанія 1 характеризуется представленіями $A_1B_1C_1$, состояніе сознанія 2—представленіями NB_2M и состояніе сознанія 3—представленіями A_2QR. (Само собою разумѣется, что, пользуясь въ данномъ случаѣ для обозначенія отдѣльныхъ представленій, характеризую-

щихъ разныя состоянія сознанія, однѣми и тѣми же буквами (A, B), мы не хотимъ сказать этимъ, что данныя представленія, въ буквальномъ смыслѣ слова, равны другъ другу; они только понимаются сознающимъ субъектомъ какъ равныя или равнозначныя, и только въ этомъ смыслѣ мы обозначаемъ ихъ однѣми и тѣми же буквами). Сравнивая состояніе 2 и 1, мы говоримъ, что представленіе B_2 обусловлено предшествующимъ сознаніемъ представленія B_1, такъ какъ B_2 является тожественнымъ или сходнымъ съ B_1. Точно такъ же, сравнивая состояніе 3 и 2, мы находимъ, что существованіе представленія A_2 обусловлено вліяніемъ прежде всего—представленія B_2 (въ состояніи 2) и, далѣе, представленія A_1 въ связи съ B_1 (въ состояніи 1). Рѣшая вопросъ, отчего въ данномъ состояніи сознанія пріобрѣли наибольшее вліяніе именно такія, а не другія представленія, мы должны еще болѣе углубиться въ предшествующій опытъ. Изученіе этого опыта дастъ намъ возможность опредѣлить, какія представленія изъ характеризующихъ данное наличное состояніе сознанія слѣдуетъ признать наиболѣе вліятельными для послѣдующей душевной жизни. Такъ, напримѣръ, мы можемъ предположить, что B_2 (въ состояніи сознанія 2) окажетъ болѣе значительное вліяніе на послѣдующій моментъ душевной жизни, чѣмъ представленія N и M, если намъ извѣстно, что B_2 связано болѣе тѣсными отношеніями съ представленіями, характеризовавшими прежнія состоянія сознанія. При всемъ этомъ необходимо помнить, что если, напримѣръ, говоря о предшествующихъ переживаніяхъ, вліяющихъ на возникновеніе въ сознаніи представленія B_2 (въ моментъ 2), мы указываемъ на представленіе B_1, характеризовавшее состояніе сознанія 1, то это значитъ лишь то, что указанное предшествующее

переживаніе (B_1) оказало наиболѣе замѣтное вліяніе на возникновеніе даннаго представленія B_2, которое, безспорно, было обусловлено вліяніемъ не только B_1, но и цѣлаго ряда другихъ причинъ. Такъ, напримѣръ, на интенсивность и качество B_2, кромѣ интенсивности и качества B_1, могутъ оказывать извѣстное вліяніе интенсивность и качество представленій N и M, а также—A и C. Было бы рисковано утверждать, что каждое изъ этихъ вліяній, обусловливающихъ появленіе въ сознаніи B_2, можетъ быть подведено подъ общепринятую формулу ассоціаціи представленій. Вѣдь въ числѣ факторовъ, обусловливающихъ интенсивность и качество представленія B_2, должна быть и сумма всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній, переживаемыхъ въ данный моментъ сознающимъ субъектомъ. Но сомнительно, чтобы можно было безъ натяжки доказать существованіе ассоціаціи между любымъ «воспроизведеннымъ» представленіемъ и каждымъ изъ внѣшнихъ впечатлѣній, одновременно переживаемыхъ. И если бы только мы допускали, что это «воспроизводимое» представленіе, качество и количество котораго опредѣляется такимъ сложнымъ рядомъ психофизіологическихъ вліяній, дѣйствительно есть нѣчто воспроизводимое изъ прежняго опыта въ буквальномъ смыслѣ этого слова, то намъ пришлось бы отказаться отъ мысли видѣть въ такъ называемой «ассоціаціи представленій» нетолько единственный, но даже основной законъ воспроизведенія.

Однако дѣло обстоитъ иначе. Мы знаемъ, что воспроизведенія представленій, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ (а если есть, то во всякомъ случаѣ оно является такимъ исключеніемъ, самое существованіе котораго не можетъ быть строго доказано). Существуютъ только иллюзіи воспроизведенія. Новымъ психическимъ переживаніямъ мы

придаемъ значеніе старыхъ. Въ этой то иллюзіи и заключается сущность того, что называется воспроизведеніемъ. Слѣдовательно, если намъ предлагаютъ опредѣлить основные законы воспроизведенія, то въ данномъ случаѣ задача сводится не къ тому, чтобы выяснять причины, обусловливающія всѣ особенности вновь возникающихъ въ нашемъ сознаніи состояній, а къ тому, чтобы выяснить причины, создающія психологическую необходимость считать эти вновь возникающія въ нашемъ сознаніи состоянія за воспроизведеніе чего-то уже пережитаго нами. И вотъ съ этой точки зрѣнія въ томъ отношеніи представленій, которое до сихъ поръ описывалось подъ именемъ ихъ ассоціаціи, дѣйствительно можно усмотрѣть проявленіе основного закона, обусловливающаго тѣ психическіе процессы, которые называются воспроизведеніемъ представленій [1]).

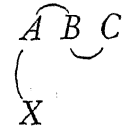
Основной законъ ассоціаціи представленій можно формулировать такъ:

Если одною изъ причинъ, опредѣляющихъ качество или количество представленія *B*, характеризующаго наличное состояніе сознанія какого-нибудь субъекта, является предшествующее переживаніе, характеризуемое сознаніемъ представленія *A*, то въ моменты, непосредственно слѣдующіе за даннымъ наличнымъ состояніемъ сознанія (*B*), представленіе *C*, особенности котораго находятся въ зависи-

[1]) Выяснивъ свою точку зрѣнія на процессъ «воспроизведенія» представленій, я въ дальнѣйшемъ изложеніи буду пользоваться терминами «воспроизводимое представленіе», «процессъ воспроизведенія» и т. п. уже безъ всякихъ особыхъ оговорокъ. Читатель будетъ помнить, въ какомъ смыслѣ надо понимать эти термины и къ чему, слѣдовательно, меня могутъ обязывать эти выраженія.

мости отъ переживанія, характеризуемаго сознаніемъ представленія *B*, въ то же время обусловливается замѣтнымъ вліяніемъ тѣхъ психофизіологическихъ переживаній X, которыя находились въ одновременной или послѣдовательной связи съ переживаніемъ, характеризуемымъ сознаніемъ представленія *A* [1]).

Взаимное отношеніе психофизіологическихъ переживаній, указанныхъ въ данномъ опредѣленіи, наглядно можетъ быть выражено такъ:



Остановимся на этомъ опредѣленіи. Оно предполагаетъ, по крайней мѣрѣ, четыре представленія

$$A — X — B — C.$$

Отношеніе *A*—*X* назовемъ первоначальной или потенціальной ассоціаціей. Отношеніе *B*—*C* назовемъ ассоціаціей вторичной или дѣйствующей. Когда человѣкъ въ первый разъ видитъ молнію (*A*) и вслѣдъ за этимъ слышитъ громъ (*X*), то представленія молніи и грома находятся между собою въ первоначальной или потенціальной ассоціаціи, которая служитъ только подготовительною ступенью

---

[1]) Примѣръ. Мы видимъ молнію. Количественная и качественная сторона даннаго воспріятія (*B*) опредѣляется въ извѣстной степени и тѣмъ, что подобнаго рода впечатлѣніе нами получено уже не въ первый разъ. Такимъ образомъ предшествующее воспріятіе блеска молніи (*A*) можно разсматривать, какъ одну изъ причинъ, опредѣляющихъ особенности воспріятія молніи въ данный моментъ. Но это воспріятіе молніи сопровождается невольнымъ ожиданіемъ грома. Представленіе грома (*C*), явившееся вслѣдъ за воспріятіемъ молніи (*B*), надо считать обусловленнымъ этимъ самымъ воспріятіемъ (*B*). Но оно въ то же самое время обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что предшествующее воспріятіе молніи (*A*) сопровождалось воспріятіемъ грома (*X*).

къ дѣйствующей ассоціаціи, какъ процессу воспроизведенія. Такая дѣйствующая ассоціація обнаруживается лишь тогда, когда вторичное воспріятіе блеска молніи (*B*) влечетъ за собою представленіе грома. Это послѣднее представленіе (грома) нельзя считать (стр. 202) тожественнымъ тому первоначальному воспріятію грома, которое было обозначено буквой *X*. Поэтому его надо обозначить другою буквой—*C*.

Теперь спрашивается: насколько необходимо для пониманія перехода потенціальной ассоціаціи *A*—*X* въ дѣйствующую *B*—*C* предположеніе особаго момента въ сознаніи, характеризуемаго появленіемъ представленія *B*? Развѣ нельзя себѣ представить болѣе простой процессъ, который выражался бы смѣной представленій

$$X — A — C?$$

Для рѣшенія этого вопроса надо прежде всего помнить, что потенціальная ассоціація *X*—*A* можетъ выражаться въ отношеніи или одновременности, или послѣдовательности. Въ первомъ случаѣ для перехода потенціальной ассоціаціи въ дѣйствующую, несомнѣнно, всегда придется предположить такой моментъ, когда одно изъ данныхъ представленій (*X* или *A*) перестанетъ сознаваться (потому что иначе нельзя было бы и говорить о «воспроизведеніи» по ассоціаціи того, что ни на одинъ моментъ не выпадало изъ сознанія). Предположимъ, что изъ двухъ представленій *X* и *A*, находящихся въ потенціальной ассоціаціи по одновременности, перестало сознаваться *X*. Это не можетъ остаться безъ вліянія на качество или количество оставшагося въ сознаніи представленія *A*, которое поэтому точнѣе будетъ признать уже инымъ представленіемъ сравнительно съ *A* и обозначить особою буквою—*B*. Итакъ, для пониманія перехода всякой потенціальной ассоціа-

ціи по одновременности въ ассоціацію дѣйствующую необходимо допустить, по крайней мѣрѣ, четыре представленія.

Допустимъ теперь, что потенціальная ассоціація $X — A$ выражается въ отношеніи послѣдовательности. Если принять во вниманіе, что отношенія представленій, сознаваемыхъ нами въ послѣдовательности, строго говоря, сводятся къ одновременности (Вундтъ, см. выше, 139 стр.), то и къ этому случаю примѣнимо все, сказанное сейчасъ. Но допустимъ даже, что представленія $X—X$ находятся въ отношеніи чистой послѣдовательности, причемъ представленіе X предшествуетъ представленію X. Тогда дѣйствующую ассоціацію можно мыслить или въ формѣ, соотвѣтствующей данной потенціальной ассоціаціи, когда вслѣдъ за появленіемъ въ сознаніи представленія, равнозначнаго X, возникаетъ представленіе, равнозначное A, или въ обратной формѣ ($A—X$). Въ первомъ случаѣ мы (въ силу предшествующихъ разсужденій) должны будемъ ввести два новыхъ представленія—C (равнозначное X) и B (равнозначное A). Во второмъ случаѣ дѣйствительно можно было бы понять переходъ потенціальной ассоціаціи въ дѣйствующую безъ допущенія четвертаго представленія. Но этотъ случай является скорѣе логической конструкціей, чѣмъ точнымъ психологическимъ фактомъ, потому что нельзя точно доказать самаго существованія потенціальныхъ ассоціацій, сводимыхъ къ отношенію чистой послѣдовательности.

Допустивъ, что всякій, фактически осуществленный процессъ «воспроизведенія по ассоціаціи» предполагаетъ четыре представленія

$$X — A — B — C,$$

мы должны теперь ближе опредѣлить взаимныя отношенія этихъ представленій. Отношеніе $X — A$

нами уже было обозначено, какъ потенціальная ассоціація, отношеніе *B—C*—какъ ассоціація дѣйствующая.

Всякая дѣйствующая ассоціація предполагаетъ предшествующее существованіе ассоціаціи потенціальной, а эта послѣдняя, въ принятой нами формулѣ (*X—A*), очевидно, сводится къ отношенію смежности. Изъ четырехъ представленій, составляющихъ ассоціаціонный процессъ, два понимаются какъ равнозначныя двумъ другимъ. Вслѣдствіе этого обыкновенно принято говорить объ ассоціаціонномъ процессѣ, какъ отношеніи д в у х ъ, а не четырехъ представленій. Представленіе *B* понимается какъ равнозначное представленію *A*; представленіе *C*—какъ равнозначное представленію *X*.

Если представленіе *B* нерѣдко оказывается непосредственно слѣдующимъ за представленіемъ *A* (причемъ иногда возможно даже, съ извѣстной натяжкой, допустить, что *B=A*), то представленіе *C* никогда не слѣдуетъ непосредственно за представленіемъ *X*. Въ какомъ же смыслѣ возможно разсуждать о связи *X* и *C*? Какая связь существуетъ, напримѣръ, между представленіемъ грома, какъ невольнымъ воспоминаніемъ, возникающимъ вслѣдъ за даннымъ воспріятіемъ молніи, и тѣмъ предшествующимъ воспріятіемъ грома, которое находилось въ потенціальной ассоціаціи съ другимъ предшествующимъ воспріятіемъ молніи?

Обсуждая отношеніе *X—C*, хочется сказать, что оно сводится къ сходству. Однако нельзя забывать, что, устанавливая такое опредѣленіе, мы, собственно говоря, вырываемъ *X* и *C* изъ той ассоціаціонной цѣпи, въ которой они дѣйствительно находятся. Мы разсматриваемъ *X* и *C*, какъ взятыя совершенно изолированно другъ отъ друга. Дѣйствительно, нельзя

говорить о непосредственномъ вліяніи *X* на *C* уже по одному тому, что ихъ существованіе раздѣлено опредѣленнымъ промежуткомъ времени и въ моментъ возникновенія *C* представленіе *X* уже не существуетъ. Значитъ, вліяніе *X* на *C* возможно только благодаря существованію нѣкоторыхъ промежуточныхъ состояній, которыя, находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ *X*, въ то же время непосредственно вліяютъ на *C* или же на состоянія, непосредственно его опредѣляющія.

Жизнь нашего психофизическаго организма представляетъ собою непрерывный рядъ измѣненій. При этомъ всякое данное психофизическое состояніе опредѣляется, во-первыхъ, суммой всѣхъ внѣшнихъ раздражителей, дѣйствующихъ въ данный моментъ на организмъ, и, во-вторыхъ, состояніемъ этого организма въ моментъ, непосредственно предшествующій данному. Конечно, это послѣднее состояніе, въ свою очередь, опять-таки опредѣляется состояніемъ предшествующимъ, и т. д. Для простоты объясненія, мы часто не принимаемъ во вниманіе этого длиннаго ряда непосредственно слѣдующихъ одно за другимъ и непосредственно вліяющихъ одно на другое состояній, изъ которыхъ каждое является такимъ образомъ результатомъ всѣхъ предшествующихъ психофизическихъ переживаній даннаго субъекта. Мы обыкновенно прямо указываемъ, что, напримѣръ, при существованіи ряда психофизическихъ измѣненій *ABCDE*..., на состояніи *E* обнаруживается вліяніе *A*. Такое обозначеніе, по своей краткости, представляетъ, конечно, очень много удобствъ. Но нельзя забывать условности этого обозначенія. Надо помнить, что въ данномъ случаѣ, строго говоря, *A* совсѣмъ не вліяетъ на *E*, такъ какъ въ моментъ появленія *E* его уже не существуетъ; но *E* подвер-

гается непосредственному вліянію *D*, на которомъ, въ свою очередь, сказалось вліяніе *C*, и т. д., до вліянія *A* на *B* включительно.

Съ этой точки зрѣнія придется признать, что фактически вліяніе однихъ душевныхъ состояній на другія всегда выражается въ формахъ отношенія смежности. Но почему же въ такомъ случаѣ, выясняя вліяніе на данное душевное состояніе другихъ душевныхъ состояній, мы часто игнорируемъ цѣлый рядъ моментовъ, непосредственно предшествующихъ этому данному состоянію, и указываемъ на какое-нибудь сравнительно очень отдаленное переживаніе, какъ на вліяніе, по преимуществу опредѣляющее его особенности?

Основанія для этого могутъ быть отчасти объективнаго, отчасти субъективнаго характера.

Во-первыхъ, мы въ данномъ случаѣ отмѣчаемъ тотъ моментъ, съ котораго начался рядъ непрерывныхъ психофизическихъ состояній, завершившихся, наконецъ, тѣмъ, которое подлежитъ нашему истолкованію. Для примѣра возьмемъ нѣкоторые случаи идіосинкразіи. Человѣкъ задрожалъ, увидавъ чернаго таракана. Объясняя свое состояніе, онъ указываетъ на то, что еще въ дѣтствѣ какъ-то во время сна къ нему въ кровать попалъ черный тараканъ, вызвавшій въ немъ сильный испугъ и чувство глубокаго отвращенія. Съ тѣхъ поръ видъ таракана постоянно вызываетъ въ немъ невольный трепетъ. Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ фактически мы имѣемъ дѣло съ непрерывнымъ рядомъ вліянія предшествующихъ психофизическихъ состояній на послѣдующія. Человѣкъ росъ. Измѣнялся его организмъ. Эти измѣненія обусловливались не только особенностями окружающей среды, но и особенностями самаго организма человѣка. Въ любой моментъ

жизни этого организма (каковы бы ни были внѣшнія вліянія, воздѣйствующія на него) онъ не могъ обнаружить того, къ чему уже не былъ способенъ въ моментъ, непосредственно предшествующій данному. Но, прослѣживая назадъ цѣлый рядъ вліяній, обусловливающихъ проявленіе той или другой способности извѣстнаго организма въ данный моментъ, можно дойти наконецъ до опредѣленнаго пункта, который приходится, съ данной точки зрѣнія, разсматривать какъ начальный. Для краткости, можно, игнорируя всѣ послѣдующіе (такъ сказать, передаточные) моменты, назвать его дѣйствующей причиной, порождающей данное состояніе.

Второй отвѣтъ на поставленный выше вопросъ можетъ быть данъ съ субъективной точки зрѣнія. Онъ сводится къ тому, что нѣкоторыя состоянія сознанія невольно истолковываютси нами, какъ равнозначныя тѣмъ, которыя давно уже были нами пережиты. Они узнаются нами, какъ старыя. На чемъ основано это узнаваніе,—я надѣюсь выяснить ниже. Теперь же, подводя итогъ всѣмъ разсужденіямъ объ отношеніи представленій X—C, надо признать, что

1) X не оказываетъ никакого непосредственнаго вліянія на C,

2) о вліяніи X на C можно говорить лишь въ условномъ смыслѣ, насколько оно вліяетъ на состоянія, непосредственно предшествующія состоянію, характеризуемому представленіемъ C,

3) если C понимается сознающимъ субъектомъ какъ равнозначное представленію X, то это вызываетъ невольное стремленіе считать X непосредственно вліяющимъ на состояніе, характеризуемое сознаніемъ представленія C, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что X дѣйствительно оказываетъ непосредственное вліяніе на C,

4) весь процессъ дѣйствительнаго вліянія X на C сводится къ отношенію смежныхъ состояній.

Все, что сказано о взаимномъ отношеніи представленій $X—C$, въ основныхъ чертахъ, возможно примѣнить и къ представленіямъ $A—B$, особенно когда они бываютъ раздѣлены нѣкоторымъ промежуткомъ времени.

Но въ какой степени возможно подвести подъ это опредѣленіе даже тѣ явленія, которыя обыкновенно называются воспроизведеніемъ по сходству? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы прежде всего должны обратиться къ анализу самаго понятія сходства, какъ ассоціаціи.

II.

Сходство, какъ ассоціація.

Для того, чтобы разобраться въ длинномъ рядѣ споровъ и положеній, связанныхъ съ вопросомъ о сходствѣ, какъ ассоціаціи, мы прежде всего должны отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какіе собственно процессы душевной жизни могутъ быть подведены подъ понятіе ассоціаціи сходства.

Разсмотримъ прежде всего вопросъ о томъ, что служитъ объектомъ отношенія сходства.

Когда разсуждаютъ объ ассоціаціи сходства, то обыкновенно имѣютъ въ виду такіе случаи, когда отношеніе сходства устанавливается между воспроизводимымъ представленіемъ и исходнымъ пунктомъ воспроизведенія. Типичнымъ примѣромъ здѣсь является воспроизведеніе образа знакомаго человѣка при встрѣчѣ съ другимъ лицомъ, на него похожимъ.

Однако въ послѣдніе годы, доказывая участіе отношенія сходства въ процессахъ припоминанія по смежности, нѣкоторые психологи (Бэнъ, Геффдингъ) стали обращать вниманіе на такіе случаи, гдѣ отношеніе сходства устанавливается между двумя представленіями, изъ которыхъ каждое является исходнымъ пунктомъ воспроизведенія для другого, не сходнаго съ нимъ представленія. Такъ, напримѣръ, воспріятіе рѣки, въ данный моментъ времени, на-

поминаетъ ея имя, потому что данное воспріятіе сходно съ другимъ воспріятіемъ (рѣки), находящимся въ связи съ представленіемъ ея имени.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ сходство можетъ или сознаваться, или не сознаваться воспроизводящимъ субъектомъ. Когда это сходство сознается, то вторично возникающее представленіе обыкновенно сопровождается сознаніемъ нѣкоторой закономѣрности воспроизведенія. Въ такомъ случаѣ мы обыкновенно внутренно признаемъ, что извѣстное (сходное) представленіе внушено другимъ. Когда же сознаніе сходства (воспроизводящаго и воспроизводимаго или двухъ исходныхъ пунктовъ воспроизведенія) отсутствуетъ, то воспроизводимое представленіе (если только оно не сводится на болѣе или менѣе ясно сознаваемую ассоціацію смежности) кажется намъ возникающимъ «случайно» и «неизвѣстно почему». Конечно, это не исключаетъ возможности черезъ нѣкоторый промежутокъ времени сознать данное отношеніе сходства. Такъ, напримѣръ, разсѣянно слушая музыку, мы иногда невольно начинаемъ напѣвать какой-нибудь сходный съ нею мотивъ. При этомъ намъ иногда кажется, что этотъ мотивъ припомнился неизвѣстно почему, и только черезъ нѣкоторое время мы подмѣчаемъ его сходство съ данной музыкой. Могутъ быть и такіе случаи, когда человѣкъ не замѣчаетъ сходства между воспроизводящимъ и воспроизводимымъ представленіемъ (исходный пунктъ воспроизведенія можетъ быть очень блѣденъ и мимолетенъ) ни въ самый моментъ воспроизведенія, ни послѣ. Но другой человѣкъ, слѣдящій за объективными проявленіями теченія представленій даннаго субъекта, подмѣчаетъ это отношеніе сходства. Хорошими примѣрами этого рода могутъ служить многіе случаи внушенія, дѣлаемаго

въ состояніи разсѣяннаго отношенія субъекта къ исходному пункту внушенія [1]).

Теперь спрашивается: можно ли всѣ указанные сейчасъ случаи воспроизведенія представленій считать подходящими подъ понятіе ассоціаціоннаго процесса?

На этотъ вопросъ надо отвѣтить утвердительно. Въ каждомъ изъ двухъ только что указанныхъ случаевъ «воспроизведенія по сходству» [1) при сходствѣ исходнаго пункта воспроизведенія и воспроизводимаго состоянія и 2) при сходствѣ двухъ исходныхъ пунктовъ воспроизведенія] предполагается существованіе, по крайней мѣрѣ, двухъ моментовъ сознанія, слѣдующихъ другъ за другомъ и опредѣляемыхъ вліяніемъ двухъ предшествующихъ переживаній, опять-таки связанныхъ между собою отношеніями сосуществованія или послѣдовательности.

Такъ, напримѣръ, если я смотрю на лицо человѣка, котораго вижу въ первый разъ, и при этомъ вспоминаю лицо своего знакомаго, похожаго на него, то при этомъ несомнѣнно можно различить два момента: 1) наличное воспріятіе (новаго лица),. при ко-

---

[1]) Въ сочиненіи Охоровича объ умственномъ внушеніи есть интересный примѣръ, подходящій къ данному случаю: «Мой другъ П., человѣкъ столь же разсѣянный, сколь и остроумный, игралъ въ шахматы въ сосѣдней комнатѣ, а мы, остальные, разговаривали около двери. Я замѣтилъ, что мой другъ, когда совсѣмъ погружался въ игру, имѣлъ обыкновеніе насвистывать арію изъ «Madame Angot». Я уже собрался ему въ аккомпаниментъ отбивать тактъ на столѣ, но въ этотъ разъ онъ сталъ насвистывать маршъ изъ «Пророка».—«Послушайте,—сказалъ я товарищамъ.—мы сдѣлаемъ съ П. штуку: мы прикажемъ ему (мысленно) перейти съ «Пророка» на «La fille de madame Angot». — Сначала я сталъ отбивать маршъ; потомъ, воспользовавшись нѣсколькими нотами, общими обѣимъ пьесамъ, немедленно перешелъ на болѣе быстрый темпъ любимой аріи моего пріятеля. П. съ своей стороны внезапно перемѣнилъ мотивъ и началъ насвистывать «Madame Angot». Всѣ разсмѣялись. Мой другъ былъ слишкомъ занятъ шахомъ королевѣ, чтобы замѣтить что-нибудь» (Цит. С и д и с ъ, «Психологія внушенія», перев. Колоколова, Спб. 1902, 10 стр.).

торомъ мое вниманіе невольно обращается на извѣстныя («сходныя» съ предшествующимъ воспріятіемъ) черты и 2) возникновеніе въ моемъ сознаніи зрительнаго образа (моего стараго знакомаго), который мною узнается, какъ воспринятый уже раньше. На томъ и другомъ моментѣ несомнѣнно сказывается вліяніе прежняго опыта, причемъ данныя этого прежняго опыта, которыми мы объясняемъ особенности нашихъ наличныхъ переживаній, находились между собою въ отношеніи сосуществованія (Рабье, Брошаръ). Если взять случаи другого рода (сходство двухъ исходныхъ пунктовъ воспроизведенія), то они еще опредѣленнѣе подойдутъ подъ выставленную нами въ предшествующей главѣ формулу ассоціаціонныхъ отношеній.

Теперь спрашивается: слѣдуетъ ли считать воспроизведеніе по сходству только частнымъ видомъ воспроизведенія по смежности или надо признать, что сходство и смежность—два совершенно различные и не сводимые другъ на друга принципы?

Историко-критическій обзоръ вопроса объ ассоціаціи сходства въ ея отношеніи къ ассоціаціи смежности показалъ, что психологическій анализъ сложныхъ случаевъ воспроизведенія по сходству обыкновенно даетъ возможность обнаружить въ этихъ процессахъ участіе ассоціацій по смежности (Маасъ, Брошаръ, Леманъ). Полемика Лемана съ Геффдингомъ ясно показываетъ, что (особенно при допущеніи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, существованія «безсознательныхъ ассоціацій») возможно каждый случай ассоціаціи по сходству подвести подъ формулу смежности. Но, съ другой стороны, мы находимъ настойчивыя попытки доказать, что основная формула воспроизведенія по ассоціаціи смежности implicite заключаетъ въ себѣ принципъ сход-

ства, въ формѣ узнаванія или отожествленія нѣкоторыхъ элементовъ данныхъ психическихъ состояній (Бэнъ, Геффдингъ). Желая разъяснить эту проблему, въ послѣднее время обращаютъ особенное вниманіе на анализъ элементарныхъ процессовъ, лежащихъ въ основѣ случаевъ такъ называемаго «воспроизведенія по сходству» и «воспроизведенія по смежности», причемъ ассоціація сходства разсматривается какъ своеобразное сочетаніе процессовъ ассимиляціи и диссимиляціи или смежности и отожествленія (Вундтъ).

Постановка вопроса объ ассоціаціи сходства, предложенная Вундтомъ, является наиболѣе удобной для нашего разсужденія. Ни одинъ психологъ, сводившій ассоціацію сходства на смежность, не отрицалъ важности въ процессѣ ассоціаціи сходства момента сознаванія тожественныхъ представленій, входящихъ въ составъ «сходныхъ» комплексовъ. Но теперь передъ нами естественно возникаютъ два вопроса: 1) слѣдуетъ ли моментъ отожествленія ясно отличать отъ момента различенія? и 2) въ одинаковой ли степени къ обоимъ изъ этихъ моментовъ примѣнимо понятіе ассоціаціоннаго процесса?

На первый вопросъ, безъ всякаго сомнѣнія, надо отвѣтить утвердительно. Формулы $A=A$ и $A+B$ (съ сознаніемъ, что A не $= B$) явно не сводимы одна къ другой.

Что же касается второго вопроса, то его рѣшеніе по отношенію къ обоимъ изъ указанныхъ моментовъ представляетъ не одинаковыя трудности. При моментѣ различенія, входящаго въ составъ процесса воспроизведенія по сходству, выступаютъ всѣ характерныя черты ассоціаціонныхъ отношеній. Этого не стоитъ даже подробно доказывать, такъ какъ ни одинъ психологъ противъ этого не возражалъ. Но

можно ли видѣть ассоціацію въ моментѣ отожествленія? Мы знаемъ, что Вундтъ признаетъ «ассоціацію тожества». Однако, мы видѣли (стр. 146), что его аргументація въ данномъ случаѣ недостаточна. Надо помнить, что существуютъ два вида психическихъ состояній, очень близкихъ другъ къ другу, но не допускающихъ смѣшенія между собою, 1) состояніе отожествленія и 2) состояніе неразличенія. Я могу сознавать рядъ послѣдовательныхъ представленій a_1, a_2, a_3, a_4 и т. д., причемъ, сознавая, напримѣръ, представленіе a_3, могу сознавать, что оно тожественно съ представленіемъ a_2. Въ этомъ случаѣ сознаніе представленія a_3 сопровождается процессомъ узнаванія, а подобнаго рода случаи (если стать на точку зрѣнія Лемана, которой, какъ мы видѣли, въ вопросѣ объ узнаваніи, явно сочувствуетъ Вундтъ) легко сводятся къ выставленной нами общей формулѣ ассоціаціоннаго процесса. Отъ этихъ состояній отожествленія слѣдуетъ отличать состоянія неразличенія, гдѣ совсѣмъ не сознается нѣсколькихъ представленій, которыя затѣмъ отожествлялись бы. Я переживаю одно длительное состояніе (напримѣръ, смотрю въ теченіе нѣсколькихъ секундъ на зеленую поверхность своего письменнаго стола) и при этомъ совсѣмъ не думаю о томъ, что въ настоящій моментъ я вижу тотъ же самый цвѣтъ, что и въ моментъ предшествующій. Въ переживаемомъ мною состояніи нѣтъ ничего, напоминающаго процессъ узнаванія. Это—именно неразличеніе, а не отожествленіе.

Вотъ эти то состоянія неразличенія, по нашему взгляду, и невозможно подвести подъ формулу ассоціаціи, выставленную въ предшествующей главѣ. И если бы мы захотѣли, во что бы то ни стало, за случаями переживанія двухъ неразличаемыхъ съ

психической стороны моментовъ удержать названіе дѣйствующей ассоціаціи (вѣдь Вундтъ говоритъ объ «ассоціаціи тожества» въ смыслѣ дѣйствующей ассоціаціи!), то намъ пришлось бы признать дѣйствующую ассоціацію даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы, втеченіе двухъ непосредственно слѣдующихъ одинъ за другимъ моментовъ, испытываемъ неразличаемое нами по интенсивности ощущеніе, вызванное дѣйствіемъ одного и того же раздражителя.

Анализируя отдѣльные случаи воспроизведенія представленій по сходству, мы находимъ, что сознаніе тожественныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ «сходныхъ» психическихъ комплексовъ, является или въ формѣ отожествленія, или въ формѣ неразличенія. Въ первомъ случаѣ исходный пунктъ воспроизведенія опредѣленно сознается, во второмъ случаѣ этого нѣтъ. Тамъ, гдѣ явно выступаетъ моментъ отожествленія, несомнѣнно обнаруживаются всѣ характерныя черты ассоціаціоннаго процесса, но этотъ процессъ можетъ быть сведенъ къ отношенію смежности. Тамъ же, гдѣ, вмѣсто отожествленія, выступаетъ лишь моментъ неразличенія, — въ психическомъ состояніи, характеризующемъ этотъ самый моментъ, нельзя видѣть проявленія дѣйствующей ассоціаціи, не внося громадной путаницы въ психологическую терминологію.

Наша душевная жизнь представляетъ собою рядъ непрерывныхъ измѣненій. Эти измѣненія обыкновенно происходятъ съ извѣстною постепенностью. Мы обыкновенно сознаемъ, что измѣнилась только *нѣкоторая часть* нашего душевнаго состоянія; перемѣнъ же въ другой части своихъ душевныхъ состояній мы не сознаемъ. Иначе говоря, въ ходѣ нашей душевной жизни обыкновенно параллельно проявляются два основныхъ процесса — *различенія* и *нераз-*

личенія, причемъ ихъ своеобразная комбинація (съ перевѣсомъ вниманія въ сторону неразличенія) порождаетъ третій процессъ—отожествленія.

Какъ результатъ процесса неразличенія, является представленіе «я», въ смыслѣ чего-то сознаваемаго, какъ равное самому себѣ и связующее всѣ наши измѣняющіяся (т.-е. различаемыя) душевныя состоянія.

Граница, лежащая между представленіемъ «я» и его отдѣльными состояніями, или между процессами неразличенія и различенія,—въ то же время является границей между понятіями тожества и смежности. Граница эта неустойчива, но она существуетъ.

Опредѣливъ точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ рѣшить вопросъ объ отношеніи такъ называемой «ассоціаціи сходства» къ «ассоціаціи смежности», мы можемъ перейти къ разбору основного логическаго затрудненія, связаннаго съ пониманіемъ процесса узнаванія.

Разборъ полемики Лемана и Геффдинга показываетъ намъ, что главная трудность рѣшенія проблемы узнаванія состоитъ въ отвѣтѣ на вопросъ: посредствомъ чего узнается «знакомое»? Геффдингъ указывалъ, что если сводить процессъ узнаванія къ ассоціаціи по смежности и предположить, что одно представленіе узнается при помощи другого, «знакомаго», то невольно возникаетъ вопросъ: а чѣмъ же обусловливается сознаніе «знакомости» этого послѣдняго представленія? Очевидно, что процессъ узнаванія не можетъ идти въ безконечность. Онъ долженъ, въ концѣ концовъ, закончиться сознаніемъ чего-то «непосредственно извѣстнаго», чего-то такого, что узнается само по себѣ, безъ помощи дальнѣйшихъ ассоціацій. Что же считать такимъ «непосредственно знакомымъ фактомъ»? Мы видѣли, что попытка Геффдинга создать гипотезу чистой ассо-

ціаціи сходства, проявляющейся въ отдѣльныхъ случаяхъ «непосредственнаго узнаванія», должна быть признана неудачной. Гораздо болѣе плодотворной является точка зрѣнія Лемана, по взглядамъ котораго во всякомъ случаѣ «непосредственнаго узнаванія» слѣдуетъ предполагать большее или меньшее участіе ассоціаціи смежности. Но и Леману, какъ мы знаемъ, не удалось разрѣшить затрудненія, подмѣченнаго Геффдингомъ.

Какъ же выйти изъ этого положенія, которое, въ концѣ концовъ, требуетъ отъ насъ и признанія участія въ процессѣ узнаванія дѣйствующей ассоціаціи смежности и наличности чего-то «непосредственно знакомаго»?

Съ нашей точки зрѣнія, эта проблема можетъ получить удовлетворительное разрѣшеніе только тогда, когда психологами, по отношенію къ вопросу объ узнаваніи, будетъ широко использовано то различіе, которое существуетъ между устойчивыми и неустойчивыми («неизмѣнными» и «измѣняющимися») элементами нашей душевной жизни. Наше «я» (насколько оно проявляется въ нашемъ сознаніи) есть нѣчто, всегда съ нами пребывающее и связывающее собою цѣлый рядъ измѣняющихся душевныхъ состояній. Сознаніе личности характеризуется моментомъ отожествленія. Наше «я» (какъ нѣчто, неразличимое отъ самого себя) въ то же время «непосредственно извѣстно». Вотъ единственный случай, когда возможно примѣнить понятіе непосредственной извѣстности или непосредственнаго узнаванія, въ смыслѣ неразличенія главной группы психическихъ элементовъ, смѣняемаго различеніемъ сопутствующихъ душевныхъ явленій и, въ связи съ нимъ, порождающаго сознаніе тожества!.. Всѣ представленія (какъ доказалъ Леманъ) узнаются при помощи

ассоціаціи смежности, но при этомъ необходимо, чтобы воспроизводимое по ассоціаціи представленіе, въ свою очередь, само было намъ «знакомо» и чтобы, въ концѣ концовъ, весь этотъ процессъ узнаванія опирался на что-нибудь, уже не требующее дальнѣйшаго узнаванія, знакомое «непосредственно». Это условіе какъ разъ и будетъ соблюдено, если воспроизводимое «знакомое» представленіе (при помощи котораго что-нибудь узнается) ассоціировано съ какимъ-нибудь психическимъ элементомъ, входящимъ въ составъ устойчиваго, «неизмѣнно» пребывающаго въ сознаніи комплекса—личности.

III.

Безсознательныя ассоціаціи.

Мы видѣли, что, объясняя воспроизведеніе представленій по сходству, многіе психологи широко пользуются понятіемъ безсознательныхъ ассоціацій. Это понятіе, въ болѣе или менѣе замѣтномъ видѣ, предполагалось и при нашемъ изложеніи основъ ученія объ ассоціаціи сходства. Поэтому наше изслѣдованіе страдало бы крупнымъ пробѣломъ, если бы въ немъ не былъ особо разсмотрѣнъ вопросъ о безсознательныхъ ассоціаціяхъ.

Выше намъ приходилось уже высказываться противъ нѣкоторыхъ случаевъ допущенія понятія безсознательнаго, какъ принципа, объясняющаго воспроизведеніе представленій. Эти возраженія были направлены противъ такихъ психологическихъ теорій, въ которыхъ «безсознательное» въ то же самое время понимается какъ «душевное», «психическое». Такое допущеніе «несознаваемости психическаго» или «психичности безсознательнаго», если его понимать буквально, носитъ явно метафизическій характеръ (въ противоположность требованіямъ индуктивнаго метода) или заключаетъ въ себѣ глубокое внутреннее противорѣчіе, поскольку всякое «психическое» состояніе отличается отъ «не психическаго» именно тѣмъ, что оно непосредственно извѣстно сознающему субъекту въ моментъ своего существованія.

Но, при объясненіи психическихъ явленій, можно прибѣгать къ понятію безсознательнаго, не пускаясь въ метафизику и не отожествляя «безсознательнаго» съ «психическимъ». Примѣромъ подобнаго рода объясненія можетъ служить любой случай, когда, желая понять извѣстныя измѣненія въ состояніи нашего сознанія, указываютъ на тѣ или другіе физіологическіе процессы. Конечно, эти процессы, взятые сами по себѣ, составляютъ нѣчто противоположное сознанію, «безсознательное», но тѣмъ не менѣе имѣющее значеніе при объясненіи сознаваемыхъ нами, душевныхъ явленій.

Когда, объясняя измѣненія въ интенсивности ощущеній, мы указываемъ на измѣненія силы соотвѣтствующихъ имъ раздраженій, то эти раздраженія, какъ физіологическіе процессы, могутъ быть названы безсознательными факторами душевной жизни. Эти физіологическіе процессы, въ свою очередь, могутъ отличаться разной интенсивностью въ зависимости отъ предшествующихъ состояній, пережитыхъ даннымъ субъектомъ. Обозначимъ ощущеніе, переживаемое въ данный моментъ какимъ-нибудь субъектомъ, буквой S, а соотвѣтствующее ему раздраженіе—буквой R. Интенсивность R опредѣляется, между прочимъ, рядомъ предшествующихъ раздраженій r_1, r_2, $r_3 \ldots r_n$, пережитыхъ даннымъ субъектомъ. Желая въ краткихъ словахъ отмѣтить вліяніе всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ этихъ предшествующихъ раздраженій r_1, r_2, $r_3 \ldots r_n$ (черезъ посредство R) на интенсивность ощущенія S, мы прямо говоримъ, что на S сказывается, напримѣръ, вліяніе r_2, причемъ, допуская извѣстнаго рода неточность, обозначаемъ это r_2 именемъ того ощущенія S_2, которое ему соотвѣтствовало въ сознаніи субъекта, переживавшаго раздраженіе r_2. Мы прямо говоримъ, что ощущеніе S

опредѣляется предшествующимъ ощущеніемъ S_2, хотя правильнѣе было бы сказать, что ощущеніе S опредѣляется лишь соотвѣтствующимъ ему раздраженіемъ R, которое, въ свою очередь, находится въ зависимости отъ раздраженія r_2, имѣвшаго своимъ психическимъ коррелатомъ ощущеніе S_2. Вслѣдствіе этой неточности выраженія, легко возникаетъ представленіе о томъ, что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о непосредственномъ вліяніи предшествующаго психическаго состоянія, характеризуемаго ощущеніемъ S_2, на наше наличное состояніе сознанія, характеризуемое ощущеніемъ S. А такъ какъ S_2, въ моментъ переживанія ощущенія S, совсѣмъ не сознается, то мы легко признаемъ его безсознательнымъ (хотя въ то же самое время и «психическимъ») факторомъ. Конечно, это—недоразумѣніе, которое всегда надо имѣть въ виду.

Кромѣ этого, при сужденіи о безсознательныхъ факторахъ душевной жизни надо помнить еще и тѣ случаи, когда особенности даннаго психическаго состоянія объясняются вліяніемъ смутныхъ, мимолетныхъ и легко забываемыхъ душевныхъ переживаній. Эти смутно сознаваемыя душевныя явленія иногда называются безсознательными, причемъ неточность этого термина ясна сама собою.

Въ какомъ же смыслѣ возможно говорить о безсознательныхъ ассоціаціяхъ? Въ какой степени будетъ соотвѣтствовать понятіе «безсознательныхъ ассоціацій» общимъ принципамъ, которыхъ мы придерживались при объясненіи явленій воспроизведенія представленій? Въ какихъ фактахъ выражаются эти безсознательныя ассоціаціи? Какого рода наблюденіями могло бы быть провѣрено ихъ существованіе?

Выставленное нами опредѣленіе закона ассоціаціи

представленій (см. выше, стр. 213) не исключаетъ понятія безсознательнаго, понимаемаго въ смыслѣ физіологическихъ процессовъ. Напротивъ, въ этомъ опредѣленіи мы постоянно указывали на вліяніе предшествующихъ физіологическихъ переживаній, сопровождаемыхъ сознаніемъ того или другого представленія. Такимъ образомъ, мы были далеки отъ мысли признать законъ ассоціаціи закономъ чисто психическимъ. Сводя законъ ассоціаціи представленій къ ряду непосредственно вліяющихъ другъ на друга психофизіологическихъ переживаній, мы тѣмъ самымъ оставляли за собою право говорить объ ассоціаціи не только въ смыслѣ отношенія психическихъ явленій, но и въ смыслѣ отношенія явленій физіологическихъ. Съ этой точки зрѣнія, мы не впадемъ въ противорѣчіе, допустивъ понятіе безсознательныхъ ассоціацій, какъ физіологическихъ факторовъ, обусловливающихъ ассоціацію представленій, какъ сознаваемыхъ нами величинъ.

Какими же фактами можно иллюстрировать существованіе «безсознательныхъ ассоціацій» и вліяніе ихъ на ассоціаціонное отношеніе представленій, какъ сознаваемыхъ нами величинъ?

Разбирая этотъ вопросъ, мы остановимся лишь на томъ матеріалѣ, который представляется наиболѣе точно изслѣдованнымъ.

Весь этотъ матеріалъ можно раздѣлить на два рода фактовъ: одни изъ нихъ заключаютъ въ себѣ указанія на качественныя, а другія—на количественныя измѣненія въ состояніяхъ сознанія, причемъ какъ тѣ, такъ и другія измѣненія ставятся въ зависимость отъ «безсознательныхъ ассоціацій».

Разсмотримъ сначала факты перваго рода.

Характернымъ примѣромъ для нихъ можетъ слу-

жить случай, описанный, со словъ Макса Баумгартена, Іерузалемомъ [1]).

Однажды вечеромъ Баумгартенъ сидѣлъ, погруженный въ свою работу. Вдругъ ему представились образы двухъ людей—старика и молодой дѣвушки, въ очень ясномъ видѣ, съ цѣлымъ рядомъ подробностей. Первоначальныя попытки отдать себѣ отчетъ въ томъ, почему возникло подобное воспоминаніе, были неудачны. Наконецъ, Баумгартенъ обратилъ вниманіе на стоявшій въ комнатѣ букетъ цвѣтовъ, въ числѣ которыхъ была Pyrola uniflora. Вмѣстѣ съ этимъ, у него явилось воспоминаніе о томъ, что такой же цвѣтокъ въ первый разъ былъ найденъ имъ въ горной мѣстности, гдѣ тогда же съ нимъ встрѣтились старикъ и молодая дѣвушка, образы которыхъ теперь неожиданно возникли въ его воображеніи. Очевидно, запахъ цвѣтка вызвалъ воспоминаніе о той обстановкѣ, въ которой онъ былъ когда-то найденъ.

Разбирая этотъ случай, Вундтъ [2]) справедливо не считаетъ его достаточнымъ доказательствомъ существованія безсознательныхъ членовъ въ ассоціаціонномъ процессѣ, характеризующемъ воспоминаніе. Онъ думаетъ, что случай, описанный Іерузалемомъ, правильнѣе понимать какъ примѣръ посредствующаго члена ассоціаціи, оставшагося незамѣченнымъ (не апперцепированнымъ), но тѣмъ не менѣе сознававшимся (перцепированнымъ).

Данный примѣръ является очень характернымъ показателемъ того, какъ трудно установить вліяніе безсознательныхъ ассоціацій на появленіе въ созна-

---

[1]) W. Ierusalem. «Ein Beispiel von Association durch unbewusste Mittelglieder». Phil. Studien, X, 1894, 323.

[2]) W. Wundt. «Sind die Mittelglieder einer mittelbaren Association bewusst oder unbewusst?» Philosoph. Studien, X, 1894, 326.

ніи тѣхъ или иныхъ представленій и какое разнообразное значеніе можетъ принимать въ подобнаго рода случаяхъ терминъ «безсознательный».

Если вдуматься въ наблюденіе Баумгартена, то его легко свести къ ассоціаціи смутно сознаваемыхъ представленій, съ одной стороны, и къ ошибочно построенному толкованію возникшаго воспоминанія— съ другой. Человѣкъ, находясь на прогулкѣ, одновременно видитъ цвѣтокъ и ощущаетъ его запахъ. Вслѣдъ за этимъ, онъ видитъ фигуры двухъ лицъ. Потенціальная ассоціація устанавливается сразу въ двухъ направленіяхъ: 1) между зрительными образами данныхъ лицъ и зрительнымъ образомъ цвѣтка и 2) между зрительными образами данныхъ лицъ и обонятельнымъ образомъ цвѣтка. По истеченіи нѣкотораго времени, запахъ цвѣтка вызываетъ зрительные образы встрѣчныхъ путниковъ. Одна изъ потенціальныхъ ассоціацій переходитъ въ дѣйствующую. Чего же не доставало въ этомъ процессѣ, въ сравненіи съ другими случаями воспроизведенія, въ которыхъ мы сейчасъ же признаемъ обнаруженіе законовъ ассоціаціи? Узнаванія исходнаго пункта воспроизведенія! Воспріятіе запаха цвѣтка было такъ далеко отъ господствующихъ интересовъ наблюдателя, что пробужденные имъ образы казались возникшими совершенно случайно. Кромѣ того, и въ то время, когда устанавливались потенціальныя ассоціаціи, начавшія теперь дѣйствовать, вниманіе наблюдателя гораздо сильнѣе сосредоточивалось на отношеніи однородныхъ образовъ (зрительныхъ воспріятій цвѣтка и фигуръ), чѣмъ на отношеніи образовъ разнородныхъ (запахъ цвѣтка и видъ встрѣчныхъ). Возникала иллюзія, будто образы встрѣчныхъ ассоціированы только съ зрительнымъ образомъ цвѣтка, который, въ свою очередь, былъ ассоціированъ съ

воспріятіемъ извѣстнаго запаха. Поэтому, когда, въ концѣ концовъ, въ сознаніи наблюдателя опять явился зрительный образъ Pyrola uniflora, то онъ невольно поставилъ съ нимъ въ связь воспоминаніе о тѣхъ давно забытыхъ встрѣчныхъ, которыхъ онъ видѣлъ, срывая въ первый разъ этотъ цвѣтокъ. И весь процессъ воспоминанія невольно былъ истолкованъ какъ дѣйствующая ассоціація представленій—запахъ цвѣтка, его видъ, образы старика и дѣвушки, причемъ одно изъ этихъ представленій (видъ цвѣтка) оставалось будто бы несознаваемымъ, но въ то же время дѣйствующимъ. На самомъ же дѣлѣ это могло быть совершенной иллюзіей, такъ какъ 1) потенціальная ассоціація несомнѣнно могла быть установлена непосредственно между зрительными образами встрѣчныхъ и запахомъ цвѣтка и 2) для превращенія потенціальной ассоціаціи въ дѣйствующую совсѣмъ не является необходимымъ условіемъ узнаваніе исходнаго пункта воспоминанія.

Для того, чтобы собрать болѣе точные факты, доказывающіе необходимость признанія безсознательныхъ ассоціацій, какъ факторовъ, объясняющихъ нѣкоторыя качественныя измѣненія сознанія, Скрипчюръ произвелъ рядъ спеціальныхъ опытовъ.

Эти опыты [1]), о которыхъ намъ уже приходилось упоминать, состояли въ томъ, что испытуемый долженъ былъ воспринять (въ зрительной формѣ) рядъ ходячихъ нѣмецкихъ словъ на ряду съ незнакомыми ему знаками японскаго письма, причемъ каждому слову соотвѣтствовалъ одинъ какой-нибудь знакъ. Послѣ этого тому же испытуемому давался другой

---

[1]) E. W. Scripture. «Ueber den associativen Verlauf der Vorstellungen». «Philosoph. Studien», 1892, VII, 50—146.

рядъ ходячихъ нѣмецкихъ словъ, изъ которыхъ каждое было соединено съ какимъ-нибудь изъ японскихъ знаковъ, данныхъ въ первомъ ряду. Послѣ этого давалось какое-нибудь одно изъ воспринятыхъ уже нѣмецкихъ словъ (безъ соотвѣтствующаго ему знака японскаго письма). При этомъ Скрипчюръ нерѣдко наблюдалъ, что испытуемый, воспринимая данное ему нѣмецкое слово, невольно воспроизводилъ другое нѣмецкое слово, стоявшее въ другомъ ряду опытовъ, но соединявшееся съ тѣмъ же самымъ знакомъ японскаго письма. Вотъ эти то знаки японскаго письма, воспринятые и быстро забытые, и являются, по заключенію Скрипчюра, тѣми посредствующими ассоціаціями, которыя обусловливаютъ въ данномъ случаѣ процессъ воспоминанія, хотя сами и не сознаются.

Мы знаемъ (стр. 138), что Вундтъ, толкуя результаты опытовъ Скрипчюра, склоненъ былъ видѣть въ приведенныхъ фактахъ не дѣйствіе безсознательныхъ ассоціацій, а лишь простой ассоціаціонный рядъ представленій, нѣкоторые члены котораго сознаются смутно [1]). Дѣйствительно, доказать, что въ томъ или другомъ случаѣ воспроизведенія по ассоціаціи нѣкоторые члены ряда совсѣмъ не сознавались воспроизводящимъ субъектомъ, чрезвычайно трудно, такъ какъ мы всегда должны имѣть въ виду возможность неяснаго сознанія представленій, быстро возникающихъ на полѣ нашего слабаго вниманія и также быстро исчезающихъ изъ него. Но независимо отъ этой общей трудности, съ которой всегда связано наблюденіе безсознательныхъ ассоціацій, результаты Скрипчюра въ настоящее время

---

[1]) Wundt, «Bemerkungen zur Associationslehre», «Philos. Studien», VII, 359—361.

могутъ вызывать недовѣріе и вслѣдствіе того, что изслѣдователь, во время своихъ наблюденій, повидимому, не принялъ всѣхъ нужныхъ предосторожностей. Смитъ, производившій впослѣдствіи въ той же лабораторіи Вундта опыты по методу Скрипчюра, не только самъ пришелъ къ совершенно отрицательнымъ результатамъ, но, изучая подлинные протоколы опытовъ Скрипчюра (предоставленные въ его распоряженіе Вундтомъ), убѣдился, что, при обработкѣ своего матеріала, этотъ изслѣдователь не достаточно обращалъ вниманія на исключеніе подозрительныхъ случаевъ [1]).

Повторивъ опыты Скрипчюра, съ принятіемъ большихъ предосторожностей при оцѣнкѣ результатовъ, Смитъ пришелъ къ выводу, что ни одна изъ группъ произведенныхъ имъ опытовъ не даетъ перевѣса въ пользу «опосредствованныхъ» (mittelbaren) ассоціацій. По мнѣнію изслѣдователя, при ассоціаціонномъ теченіи представленій даны только три возможности: посредствующее представленіе или забыто и не оказываетъ дѣйствія, или сознается и дѣйствуетъ, или, наконецъ, находится на извѣстной границѣ обоихъ случаевъ. По его наблюденіямъ, двѣ первыя возможности довольно часто осуществляются, между тѣмъ какъ для третьей не хватаетъ фактическихъ доказательствъ.

Кромѣ Скрипчюра и Смита, къ изслѣдованію безсознательныхъ ассоціацій, при помощи экспериментальныхъ методовъ, подходили Мюнстербергъ, Ашаффенбургъ и Кордесъ.

Мюнстербергъ [2]) производилъ опыты надъ семью испытуемыми по семи методамъ:

---

[1]) W. G. Smith. «Zur Frage der mittelbaren Association». Inaugural-Dissertation. Leipzig. 1894. См. стр. 4, 15, 20.

[2]) Hugo Münsterberg. «Beiträge zur experimentellen Psychologie». Heft 4. 1892.

1) Одинъ изъ ассистентовъ экспериментатора произносилъ передъ испытуемымъ рядъ изъ 5 словъ, причемъ послѣ каждаго изъ этихъ словъ (другимъ ассистентомъ) произносился слогъ, не имѣющій смысла. Напримѣръ, одинъ ассистентъ произносилъ слово «Brücke», а другой сейчасъ же прибавлялъ «kun» и т. д. Потомъ слѣдовалъ еще рядъ изъ пяти новыхъ словъ, въ связи съ тѣми же безсмысленными слогами. Для примѣра можно привести два слѣдующихъ ряда словъ, которыми пользовался Мюнстербергъ:

1-й рядъ: Brücke—kun, Kaiser—pak, Eiche—sen, Zucker—for, Würde—gan,

2-й рядъ: Flasche — for, Katze — pak, Güte — kun, Fächer—sen, Rose — gan.

Послѣ того, какъ были восприняты оба ряда, испытуемому давалось какое-нибудь одно слово изъ перваго ряда и предлагалось при этомъ вспомнить какое-нибудь слово изъ второго ряда или же оба ряда словъ (безъ сопровождавшихъ ихъ слоговъ) писались на доскѣ, причемъ испытуемому предлагалось соединить ихъ попарно.

При опытѣ съ тѣми рядами словъ, которые сейчасъ были приведены въ примѣръ, вслѣдъ за словомъ Brücke было воспроизведено слово Katze, вслѣдъ за словомъ Eiche—Fächer (съ припоминаніемъ посредствующаго слога sen), вслѣдъ за Zucker—Güte, за словами Würde и Kaiser не было воспроизведено ничего.

Изъ всѣхъ 230 случаевъ, когда, воспринимая слово одного ряда, испытуемый воспроизводилъ слово другого ряда, соотвѣтствующими задуманному плану явились лишь 39 паръ, въ которыхъ дѣйствительно оба слова были соединены съ одними и тѣми же (не сознаваемыми въ моментъ воспроизведенія)

слогами. Такое количество подобнаго рода сочетаній Мюнстербергъ находитъ слишкомъ малымъ для того, чтобы основывать на немъ доказательство существованія безсознательныхъ ассоціацій, такъ какъ, принимая во вниманіе число словъ въ каждомъ данномъ ряду, на основаніи теоріи вѣроятности $\left(\frac{230}{5} = 46\right)$ можно было ждать большаго числа такихъ совпаденій.

2) Второй методъ, примѣненный Мюнстербергомъ, былъ совершенно аналогиченъ первому, съ той только разницей, что вмѣсто слоговъ, не имѣющихъ смысла, брались пять музыкальныхъ тоновъ, замѣтно отличавшихся другъ отъ друга (изъ трехъ октавъ).

Въ результатѣ, изъ 148 случаевъ—32 представляли собою ожидаемыя сочетанія. Это количество благопріятныхъ случаевъ почти соотвѣтствовало тому, что можно было ожидать по теоріи вѣроятности, какъ выраженіе случайнаго совпаденія $\left(\frac{148}{5} = 29\right)$.

3) Испытуемый, слушая слово, долженъ былъ воспринимать запахъ (изъ поднесеннаго къ его носу флакона съ пахучимъ, неизвѣстнымъ ему по имени веществомъ). Слова, данныя въ двухъ разныхъ рядахъ, сопровождались воспріятіемъ одного и того же ряда запаховъ. Испытаніе того вліянія, которое могло оказать данное обонятельное ощущеніе на воспроизведеніе одного слова вслѣдъ за другимъ, происходило по тому же способу, какъ и въ опытѣ первомъ.

Въ результатѣ оказалось, что число сочетаній словъ, сопровождавшихся воспріятіемъ одного и того же запаха, нѣсколько больше того количества, которое можно было ожидать въ силу случайныхъ совпаденій (31 вмѣсто 26). Но изъ этого небольшого

перевѣса (5 случаевъ), по мнѣнію Мюнстерберга, также мало можно заключать о вліяніи на процессъ воспроизведенія данныхъ словъ безсознательныхъ, посредствующихъ ассоціацій, какъ нельзя было бы, въ предыдущихъ опытахъ, на основаніи небольшого недочета (7 случаевъ) противъ количества, опредѣляемаго теоріей вѣроятности, заключать, будто присоединеніе къ извѣстнымъ впечатлѣніямъ одинаковыхъ побочныхъ обстоятельствъ мѣшаетъ воспроизведенію одного изъ нихъ вслѣдъ за другимъ.

4) Четвертый методъ изслѣдованія состоялъ въ томъ, что экспериментаторъ, произнося рядъ изъ пяти словъ, при каждомъ словѣ дотрагивался до одного изъ пальцевъ лѣвой руки испытуемаго. То же происходило при произнесеніи второго ряда словъ. Испытаніе силы «безсознательныхъ ассоціацій» происходило, какъ въ опытѣ первомъ.

Сочетаній, при которыхъ оба слова сопровождались одинаковыми осязательными ощущеніями, было получено 19 изъ 119, т.-е. менѣе, чѣмъ можно было ждать по теоріи вѣроятности.

5) Пятый методъ изслѣдованія заключался въ томъ, что, произнося слово, экспериментаторъ клалъ передъ глазами испытуемаго кусокъ цвѣтной бумаги (неопредѣленнаго, трудно называемаго цвѣта). Остальное все происходило такъ же, какъ и въ опытѣ первомъ.

Въ результатѣ получилось 19 «правильныхъ» сочетаній изъ 119.

6) Вмѣсто словъ, давались большія фотографіи картинъ, причемъ рядомъ съ каждой картиной помѣщалась полоса цвѣтной бумаги. Въ остальномъ порядокъ изслѣдованія соотвѣтствовалъ опыту первому (всѣхъ картинъ было показано 10, по 5 въ каждомъ ряду воспріятій).

*

Въ 127 случаяхъ сохранилось воспоминаніе о побочномъ цвѣтовомъ ощущеніи, въ 37 случаяхъ у испытуемаго не замѣчалось никакой склонности сопоставить одну картину съ другой. Изъ остальныхъ же 86 случаевъ — 15 были «правильны», т.-е. представляли собой сопоставленіе картинъ, сопровождавшихся побочнымъ воспріятіемъ одного и того же цвѣта.

7) Послѣдній рядъ опытовъ былъ произведенъ Мюнстербергомъ по методу Скрипчюра, причемъ только вмѣсто знаковъ японскаго письма употреблялись маленькія, очень сложныя фигуры [1]). Въ результатѣ изъ 181 случая 34 оказались вѣрными.

На основаніи всѣхъ этихъ опытовъ Мюнстербергъ приходитъ къ очень рѣшительному выводу, что «не существуетъ опосредствованныхъ ассоціацій, обусловленныхъ несознаваемыми промежуточными членами».

Конечно, такой выводъ не оправдывается представленнымъ матеріаломъ, который далеко не охватываетъ собою всѣхъ типичныхъ случаевъ воспроизведенія представленій. Правильнѣе было бы сказать, что безсознательныя ассоціаціи не могутъ быть ясно обнаружены при помощи тѣхъ методовъ изслѣдованія, которые примѣнялись Мюнстербергомъ. Самой же слабой стороной какъ методовъ Мюнстерберга, такъ и метода Скрипчюра слѣдуетъ признать недостаточность изученія тѣхъ «случайныхъ вліяній», которыя могли руководить испытуемымъ въ его сопоставленіи впечатлѣній одного ряда съ другимъ. Вѣдь, слыша или видя слово одного ряда, можно

---

[1]) Смитъ указываетъ, что эта замѣна была неправильна, такъ какъ знаки японскаго письма, употребленные Скрипчюромъ, не были ни маленькими, ни очень сложными (Smith, «Zur Frage der mittelbaren Association», 1894, 5).

было испытывать наклонность воспроизвести слово другого ряда, отмѣченное тѣмъ же самымъ побочнымъ впечатлѣніемъ, совсѣмъ не въ силу несознаваемаго дѣйствія этого побочнаго впечатлѣнія, а просто въ силу тѣхъ особенностей, которыя заключаются въ самихъ данныхъ словахъ. Эту мысль можно пояснить даже на томъ немногомъ матеріалѣ, который приводится Мюнстербергомъ въ краткомъ описаніи его опытовъ. Предположимъ, что испытуемый, услышавъ слово Kaiser (изъ перваго ряда), вспомнилъ слово Katze (изъ второго ряда). Есть ли хоть какая-нибудь необходимость предполагать, что въ данномъ случаѣ дѣйствовала безсознательная ассоціація, соотвѣтствующая забытому слогу pak, находившемуся въ сочетаніи съ обоими изъ этихъ словъ? Не проще ли въ данномъ случаѣ предположить прямую ассоціацію сходства между первыми слогами этихъ словъ? Это тѣмъ вѣроятнѣе, что изъ всѣхъ словъ перваго ряда въ данномъ опытѣ только слово Kaiser начинается съ буквы K, точно также какъ и во второмъ ряду съ этой же самой буквы начинается одно лишь слово Katze. Точно также слова Brücke (въ первомъ ряду) и Güte (во второмъ), сопровождавшіяся воспріятіемъ одного и того же слога kun, имѣютъ одну и ту же ударную гласную (ü), которая къ тому же еще особенно оттѣняется гласной побочно воспринимаемаго слога (kun). Поэтому если бы даже испытуемый вслѣдъ за воспріятіемъ слова Brücke вспомнилъ бы Güte, то это можно было бы легко объяснить, не прибѣгая къ предположенію о несознаваемомъ вліяніи слога kun.

Все это показываетъ, до какой степени осторожно слѣдуетъ относиться къ выбору тѣхъ условій, при которыхъ происходитъ исканіе безсознательныхъ

ассоціацій, какъ тщательно слѣдуетъ изучать тѣ «случайныя вліянія», которыя могутъ давать перевѣсъ тѣмъ или другимъ ассоціаціямъ.

Опыты Ашаффенбурга [1]) и Кордеса [2]) преслѣдовали болѣе широкую цѣль, чѣмъ исканіе безсознательныхъ ассоціацій. Тѣмъ не менѣе въ изслѣдованіяхъ обоихъ авторовъ есть матеріалъ и по интересующему насъ вопросу [3]).

Ашаффенбургъ, производя опыты по методу такъ называемыхъ свободныхъ ассоціацій (на данное слово испытуемый реагировалъ любымъ представленіемъ), нашелъ небольшой рядъ случаевъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, можно видѣть обнаруженіе посредствующихъ (несознаваемыхъ) ассоціацій. Это—случаи, когда испытуемый реагировалъ такимъ словомъ, которое находилось въ извѣстномъ отношеніи не къ слову, сказанному экспериментаторомъ, а къ другому, созвучному съ нимъ. Такъ, напримѣръ, на слово Schritt испытуемый реагировалъ словомъ Fahrt, которое стоитъ въ опредѣленной ассоціаціи со словомъ Schlitten, похожимъ по звуку на слово Schritt. Или, напримѣръ, на слово Allmacht испытуемый реагировалъ словомъ mater, которое находится въ ассоціаціи съ alma, напоминающемъ по созвучію Allmacht.

---

[1]) G. Aschaffenburg, «Experimentelle Studien über Associationen», «Psychologische Arbeiten», I—II, 1896—97.

[2]) G. Cordes, «Experimentelle Untersuchungen über Associationen», «Philos. Studien», XVII B., I. H.

[3]) Я не буду останавливаться на тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя произвелъ H. C. Howe («American Journ. of Psychol.», 1894), такъ какъ они дали отрицательные результаты. Точно также я не буду приводить и наблюденій Ціэна надъ ассоціаціями дѣтей (Th. Ziehen, «Die Ideenassociation des Kindes», I. Abh. Berlin, 1898, II. Abh. Berlin 1900), такъ какъ наблюденія надъ дѣтьми (да еще по методу свободныхъ ассоціацій, которымъ пользовался Ціэнъ) представляются мнѣ очень ненадежнымъ средствомъ при изслѣдованіи труднаго вопроса о безсознательныхъ ассоціаціяхъ.

Хотя во всѣхъ этихъ случаяхъ экспериментаторомъ были приняты мѣры къ тому, чтобы имѣть право утверждать, что испытуемый вѣрно воспринялъ данное слово (не ослышался), тѣмъ не менѣе для насъ не исключена возможность, обсуждая данные факты, предположить въ сознаніи испытуемаго смутное мельканіе этихъ посредствующихъ словъ или даже первоначальную слуховую иллюзію, которая затѣмъ быстро разсѣялась.

Часть опытовъ Кордеса [1]) была спеціально направлена на изслѣдованіе безсознательныхъ ассоціацій. Пользуясь методами Скрипчюра и Мюнстерберга (съ незначительными измѣненіями), онъ пришелъ къ совершенно отрицательнымъ результатамъ, не получивъ ни одного сколько-нибудь убѣдительнаго факта. Когда, вслѣдъ за этимъ, Кордесъ попробовалъ примѣнить методъ, аналогичный методу Скрипчюра, съ тѣмъ лишь существеннымъ различіемъ, что побочныя впечатлѣнія были сравнительно сильными, а время, отдѣлявшее одинъ рядъ опытовъ отъ другого—сравнительно длиннымъ, ему удалось получить небольшое количество желанныхъ фактовъ. на Такъ, напр., испытуемому была показана карточка, которой было написано слово «endlos», помѣщенное въ равноугольномъ трехъугольникѣ, къ основанію котораго была проведена параллельная линія. Испытуемый долженъ былъ, получивъ данное зрительное воспріятіе, объяснить, какого рода ассоціаціи у него явились подъ вліяніемъ этого. Въ данномъ случаѣ оказалось, что испытуемый, при словѣ «безконечный», вспомнилъ философскій семинарій профессора Гейнце. Когда послѣ этого черезъ полчаса, наполненныхъ рядомъ опытовъ, заинтересовав-

---

[1]) Цит. выше.

шихъ испытуемаго, послѣднему была показана карточка со словомъ «gewiss», заключеннымъ въ такой же трехъугольникъ, какъ и слово «endlos»,—испытуемый внезапно припомнилъ профессора Гейнце, причемъ въ первое время совершенно не могъ понять, почему у него явилось такое воспоминаніе, и только спустя нѣкоторое время онъ понялъ, что здѣсь имѣлъ значеніе трехъугольникъ, начерченный какъ на данной карточкѣ, такъ и на той, воспринимая которую, онъ припомнилъ имя Гейнце. Этотъ примѣръ заключаетъ въ себѣ полную аналогію со случаемъ, описаннымъ Іерузалемомъ, и такъ какъ этотъ случай нами уже былъ въ свое время разобранъ, то теперь мы не будемъ долго останавливаться на данныхъ опыта Кордеса.

Въ общемъ, Кордесъ получилъ такое небольшое количество фактовъ, которыми возможно было бы воспользоваться для доказательства существованія безсознательныхъ ассоціацій, что на однихъ только этихъ фактахъ, по его мнѣнію, невозможно строить никакихъ рѣшительныхъ утвержденій.

Обсуждая методы, которыми до сихъ поръ пользовались изслѣдователи для констатированія безсознательныхъ ассоціацій, мы видимъ, что главныя усилія экспериментаторовъ должны сводиться къ тому, чтобы выполнять слѣдующія условія:

1) поставить испытуемаго въ такія условія, при которыхъ изъ ряда данныхъ впечатлѣній нѣкоторыя забывались бы скорѣе другихъ;

2) убѣдиться въ томъ, что впечатлѣнія, могущія быть посредствующимъ звеномъ въ процессѣ воспроизведенія, дѣйствительно не сознаются испытуемымъ ни въ моментъ самого воспроизведенія, ни въ моментъ, непосредственно ему предшествующій;

3) какъ можно тщательнѣе изучить «случайныя»

вліянія, обусловливающія воспроизведеніе представленій, аналогичныхъ тѣмъ, которыя считаются находящимися въ зависимости отъ «безсознательныхъ» ассоціацій.

Къ разрѣшенію этой задачи были направлены опыты М. И. Конорова, произведенные въ 1904 году въ находящейся подъ моимъ завѣдываніемъ лабораторіи экспериментальной педагогической психологіи (при педагогическихъ курсахъ военно-учебнаго вѣдомства въ Петербургѣ).

Опыты М. И. Конорова [1]) были произведены надъ 35 лицами (преимущественно женщинами), средній возростъ которыхъ приблизительно былъ равенъ 20 годамъ.

Такъ какъ при этихъ опытахъ экспериментаторомъ примѣнялись разныя формы наблюденій, то всего удобнѣе описать ходъ этихъ опытовъ по порядку,

Форма перваго опыта (№ 1) заключалось въ слѣдующемъ.

Испытуемый садился у стола, окрашеннаго въ черную краску. Противъ него помѣщался экспериментаторъ, который молча выкладывалъ на столъ бѣлыя карточки (разной формы) съ написанными на нихъ слогами. Каждая карточка оставалась передъ глазами испытуемаго 5 секундъ. Промежутокъ времени между удаленіемъ стараго слога и появленіемъ новаго равнялся тоже 5 секундамъ. Испытуемому предлагалось обращать все свое вниманіе на слогъ, написанный на карточкѣ, а не на ея форму, которая у каждой карточки была особая, рѣзко отличная отъ

---

1) Результаты этихъ опытовъ первоначально были доложены М. И. Коноровымъ въ засѣданіи Русскаго Общества Нормальной и Патологической Психологіи, въ ноябрѣ 1904 г.

другихъ. Показавъ, такимъ образомъ, одну за другою, четыре карточки, экспериментаторъ предлагалъ испытуемому назвать по памяти воспринятые имъ слоги, причемъ тщательно отмѣчались всѣ ошибки, сдѣланныя испытуемымъ. При этихъ опытахъ давались слѣдующія группы слоговъ:

1-я группа—луф, роч, хяз, мещ,
2-я группа—тах, баж, зяц, бям,
3-я группа—моц, тяс, кун, гед,
4-я группа—тоф, чеж, кюж, няр,
5-я группа—кеб, фяш, цеч, мяб.

Всѣ эти группы слоговъ появлялись передъ глазами испытуемаго четыре раза, непрерывно одна за другою. Послѣ этого производился контроль, имѣвшій цѣлью установить, не образовалось ли въ сознаніи испытуемаго невольной ассоціаціи между формой карточки, и написаннымъ на ней слогомъ. Для этого всѣ 20 карточекъ, одна за другою, показывались испытуемому своей обратной (чистой) стороной, причемъ требовалось припомнить стоявшій на этой карточкѣ слогъ. Если испытуемый (правильно или ложно) соединялъ съ формой карточки какой-нибудь слогъ, то это немедленно регистрировалось.

Непосредственно вслѣдъ за контролемъ, передъ глазами испытуемаго появлялись новые слоги, написанные на карточкахъ, соотвѣтствующихъ по своей формѣ тѣмъ, которыя только что показывались. Существенное отличіе воспріятія этихъ слоговъ отъ предшествующихъ состояло въ томъ, что 1) опросъ производился послѣ воспріятія не четырехъ, а десяти слоговъ, и 2) всѣ слоги проходили передъ глазами испытуемаго только три раза. Слоги, данные при этомъ опытѣ, составляли двѣ слѣдующія группы:

1-я группа—гиш, мяф, фац, воф, зюж, муц, гел, фод, няк, нув,

2-я группа—рех, люц, кес, кят, чип, фюд, мяш, цом, бов, пащ.

Первый слогъ первой группы (гиш) былъ написанъ на карточкѣ такой же формы, какъ и первый слогъ первой группы предшествующаго опыта (луф). Второй слогъ первой группы (мяф) былъ написанъ на карточкѣ такой же формы, какъ и второй слогъ первой группы предшествующаго опыта (роч), и т. д. Такимъ образомъ на карточкахъ одной и той же формы были написаны слѣдующіе парные слоги:

луф	гиш
роч	мяф
хяз	фац
мещ	воф
тах	зюж

и т. д.

По этому методу были произведены опыты надъ 10 лицами. Послѣ этого, 8 новыхъ лицъ были подвергнуты аналогичному опыту (**№ 2**), съ тою только разницей, что подлежавшіе запоминанію слоги писались на карточкахъ одинаковой формы, но разнаго цвѣта (съ обратной стороны). При производствѣ опыта, каждая карточка сначала (на 1 сек.) поворачивалась къ испытуемому своею цвѣтной стороной, а потомъ—бѣлой, на которой былъ написанъ слогъ. Слоги (при заучиваніи группами по четыре и при заучиваніи группами по десяти) давались въ слѣдующемъ соотвѣтствіи (парные слоги были написаны на карточкахъ одного цвѣта):

При заучиваніи группами по 4 слога:	При заучиваніи группами по 10 слоговъ:	При заучиваніи группами по 4 слога:	При заучиваніи группами по 10 слоговъ:
гиш	кун	муц	баж
люц	кес	кеб	нув
тяс	фюд	зяц	тах
гед	мяб	фюж	няр
тоф	веч	рех	зюж
чеж	кят	воф	мещ
мяш	цом	роч	маф
бов	цеч	фяш	гел
пащ	луф	хяз	фац
кюж	чип	бяк	цав

Надъ слѣдующими 10 испытуемыми были произведены аналогичные опыты (**№ 3**) съ той только разницей, что слоги писались на бѣлыхъ карточкахъ одинаковой формы, причемъ около каждаго слога, подлежащаго запоминанію, стояло какое-нибудь русское слово, на которое испытуемый не долженъ былъ, по возможности, обращать никакого вниманія. Разныхъ русскихъ словъ (точно такъ же, какъ разныхъ цвѣтовъ и формъ въ предшествующихъ опытахъ) было взято 20, такъ что одно и то же русское слово встрѣчалось въ соединеніи съ незнакомыми слогами, воспринимавшимися по четыре и по десяти. Слоги давались въ слѣдующемъ соотвѣтствіи:

При заучиваніи группами по 4 слога:		При заучиваніи группами по 10 слоговъ:
гиш	столъ	кун
тяс	моль	фюд
кес	громъ	люц
мяб	воръ	гед
веч	руль	тоф
цом	пудъ	кян
тят	кровь	чеж

При заучиваніи группами по 4 слога:		При заучиваніи группами по 10 слоговъ:
бод	мышь	пащ
луф	дымъ	соч
кюж	полъ	муц
чип	ледъ	баж
деб	шкафъ	нур
зяц	лѣсъ	тах
фюл	гусь	зар
вом	звукъ	мещ
рех	дубъ	зож
фяш	кротъ	гел
роч	кустъ	маф
хаз	дочь	сеп
фац	лобъ	жун

Послѣдняя серія опытовъ (№ 4) произведена надъ 7 испытуемыми. Слоги, подлежавшіе запоминанію, были (такъ же, какъ при первомъ рядѣ опытовъ) написаны на карточкахъ разной формы, причемъ подборъ этихъ слоговъ отличался особенной осторожностью, такъ какъ при этомъ были приняты во вниманіе результаты трехъ предшествующихъ серій опытовъ. Слоги давались въ слѣдующемъ соотвѣтствіи:

При заучиваніи группами по 4 слога:	При заучиваніи группами по 10 слоговъ:	При заучиваніи группами по 4 слога:	При заучиваніи группами по 10 слоговъ:
кеш	рач	бяк	цущ
тюф	жих	тай	соч
няр	щом	гим	щеб
хиб	фун	пов	жуж
маг	шет	мяц	зеш
чав	люц	чид	реф
бож	сик	хян	шоз
гед	зюс	дюс	вил
пащ	фол	нут	лах
дип	вер	коп	цез

Главною цѣлью всѣхъ этихъ опытовъ было установить вліяніе на процессъ воспроизведенія представленій такихъ впечатлѣній, которыя хотя и были получены испытуемыми, но совершенно не сознавались имъ ни въ моментъ воспроизведенія другихъ, ассоціированныхъ съ ними представленій, ни даже въ моменты, почти непосредственно слѣдующіе за ихъ первоначальнымъ появленіемъ въ сознаніи.

Обнаружить это явленіе предполагалось при помощи изслѣдованія тѣхъ случаевъ, когда испытуемый, воспроизводя слоги второго ряда (воспринимавшіеся имъ по 10), невольно, среди нихъ, станетъ называть тѣ слоги перваго ряда (воспринятыя имъ группами по 4), которые были прежде связаны въ его сознаніи съ тѣмъ же самымъ побочнымъ представленіемъ (цвѣтомъ, формой или словомъ). При всѣхъ опытахъ М. И. Конорова подобнаго рода случаевъ было обнаружено 29 (При опытахъ № 1 и № 2—13, при опытѣ № 3—13 и при опытѣ № 4—3). Изъ этихъ 29 случаевъ только въ 6 предварительный контроль (послѣ заучиванія слоговъ группами по 4) обнаружилъ существованіе сознаваемой ассоціаціи между даннымъ слогомъ и извѣстнымъ побочнымъ представленіемъ. Въ остальныхъ 23 случахъ были воспроизведены слоги, связь которыхъ съ только что воспринятыми формами, словами или цвѣтомъ не сознавалась испытуемымъ даже тотчасъ послѣ первоначальнаго воспріятія этихъ слоговъ (группами по 4).

Можно ли эти случаи разсматривать какъ примѣры вліянія безсознательныхъ ассоціацій? Нельзя ли предположить здѣсь вліяніе какихъ-нибудь иныхъ факторовъ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, прежде всего приходится отвергнуть вліяніе чисто случайнаго припоминанія. Дѣйствительно, испытуемый, воспроизводя

слоги одной половины второго ряда, легче всего могъ смѣшать ихъ со слогами только что передъ этимъ воспринятой другой половины того же самаго ряда [1]) (вспомнимъ, что каждая половина этого ряда воспринималась и сейчасъ же воспроизводилась одна за другою, по три раза). Между тѣмъ мы видимъ обратное: слоговъ того же самаго (второго) ряда было воспроизведено меньше (24), чѣмъ слоговъ перваго (36). Съ другой стороны, слоги перваго ряда повторялись и воспроизводились испытуемыми, одинъ за другимъ, группами по 4 слога. Такимъ образомъ, каждая изъ этихъ группъ находилась приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ для того, чтобы ее можно было случайно воспроизвести, припоминая второй рядъ. Почему же, при воспроизведеніи половины второго ряда, только въ 7 случаяхъ воспроизводились слоги перваго ряда, не соотвѣтствующіе даннымъ побочнымъ впечатлѣніямъ и въ 29 случаяхъ — соотвѣтствующіе имъ?

Для выясненія того, насколько въ этихъ фактахъ, помимо случайности и безсознательныхъ ассоціацій, возможно видѣть вліяніе другихъ причинъ, необходимо было обратиться къ подробному анализу всѣхъ ошибокъ, сдѣланныхъ испытуемыми при воспроизведеніи слоговъ перваго и второго ряда.

При воспроизведеніи слоговъ перваго ряда (группами по 4), при всѣхъ опытахъ было сдѣлано 267 ошибокъ (при опытахъ № 1 и № 2—117, при опытѣ № 3—90 и при опытѣ № 4 — 60). Изъ нихъ большинство (44,5%) заключалось въ замѣнѣ одной согласной воспроизводимаго слога согласной другого

---

[1]) Подобное явленіе, дѣйствительно, и наблюдалось при воспроизведеніи слоговъ перваго ряда (воспринимавшихся группами по 4), когда, по ошибкѣ, воспроизводились слоги изъ другихъ группъ того же ряда: эти группы всегда бывали смежными.

слога (изъ той же или смежной группы). Въ 25,5% случаевъ наблюдалась подобнаго же рода подмѣна гласныхъ. [1]). Значительно меньшее количество ошибокъ (9,7%) представляло собою замѣну данныхъ согласныхъ другими, сходными съ ними по произношенію [2]).

Въ 8,6% случаевъ наблюдалось появленіе прежде воспринятыхъ слоговъ (изъ другихъ группъ того же ряда), въ 5,4%—смягченіе или отвердѣніе гласныхъ [3]), въ 4,4%—появленіе новыхъ слоговъ неяснаго происхожденія и въ 1,9%—вліяніе ошибокъ сдѣланныхъ при предшествующемъ воспроизведеніи данной группы слоговъ.

При воспроизведеніи слоговъ второго ряда (воспринятыхъ группами по 10), при всѣхъ вышеописанныхъ опытахъ было сдѣлано 286 ошибокъ. Изучая эти ошибки, мы прежде всего убѣждаемся въ необходимости объяснять ихъ происхожденіе не только вліяніемъ слоговъ того же самаго (т.-е. второго) ряда, но и предшествующаго (т.-е. перваго, воспринимавшагося группами по 4 слога), такъ какъ, въ противномъ случаѣ, количество необъяснимыхъ ошибокъ возросло бы до 25% (При обращеніи къ слогамъ перваго ряда, количество необъяснимыхъ ошибокъ составитъ лишь 7,9%) [4]).

---

[1]) Если при воспроизведеніи одного и того же слога замѣчалось два искаженія (напр., подмѣна согласной и гласной) то каждое искаженіе принималось за ½ ошибки.

[2]) При этомъ наблюдались слѣдующія измѣненія: переходъ *в* въ *ф* (3 случая), *д—т* (2), *ж—з* (1), *ж—ш* (2) *к—х* (1) *п—ф* (2), *ц—ч* (1), *ч—ц* (3), *ш—ж* (3), *ф—в* (1), *т—ц* (1), *ф—п* (2), *б—п* (1), *п—б* (1) и *м—н* (1).

[3]) Случаевъ отвердѣнія наблюдалось 11, смягченія 1.

[4]) При воспроизведеніи слоговъ перваго ряда (воспринимавшихся группами по 4) ошибокъ оставшихся необъясненными, оказалось 4,4%. Спеціально постановленные опыты показали, что при воспроизведеніи слоговъ, воспринимаемыхъ (при другихъ равныхъ условіяхъ) группами по 10, количество ошибокъ, не поддающихся объясненію на основаніи вышеуказанныхъ принциповъ, лишь на ничтожное количество больше, чѣмъ при воспроизведеніи слоговъ, воспринимаемыхъ группами по 4.

Сравнивая % количество разнаго рода ошибокъ, сдѣланныхъ при воспроизведеніи слоговъ второго ряда, съ ошибками, сдѣланными при воспроизведеніи слоговъ перваго ряда, нельзя не замѣтить, съ одной стороны, общаго сходства въ характерѣ и взаимномъ отношеніи этихъ ошибокъ, а, съ другой, появленія, при воспроизведеніи слоговъ второго ряда, большого количества прежде воспринятыхъ слоговъ. Сравнительное количество ошибокъ разнаго рода, сдѣланныхъ въ томъ и другомъ случаѣ, даетъ слѣдующая таблица:

Ошибки сдѣланныя при воспроизведеніи слоговъ	Измѣненіе согласныхъ подъ вліяніемъ согласныхъ другихъ слоговъ	Измѣненіе гласныхъ подъ вліяніемъ гласныхъ другихъ слоговъ	Измѣненіе согласныхъ въ сходныя по произношенію	Появленіе прежде воспринятыхъ слоговъ	Смягченіе и отвердѣніе гласныхъ	Вліяніе предшествующихъ ошибокъ	Необъясненныя ошибки
Перваго ряда (воспринятыхъ группами по 4)	44,5%	25,5%	9,7%	8,6%	5,4%	1,9%	4,4%
Второго ряда (воспринятыхъ группами по 10)	29,3%	18,2%	15,5%	**20,3%**	3,7%	5,1%	7,9%

Слѣдуетъ ли, при объясненіи большого количества (20,3%) прежде воспринятыхъ слоговъ, появившихся при воспроизведеніи слоговъ второго ряда, указывать на вліяніе побочныхъ представленій, когда то воспринимавшихся вмѣстѣ съ ними? Нельзя ли объяснить это вліяніемъ другихъ (ясно сознаваемыхъ испытуемымъ) факторовъ?

Изучая соотвѣтствующія ошибки, полученныя при воспроизведеніи слоговъ перваго ряда, мы видимъ, что испытуемый ошибочно воспроизводитъ

старый слогъ, вмѣсто только что воспринятаго только тогда, когда этотъ прежній слогъ имѣетъ съ какимъ нибудь изъ только что воспринятыхъ, по крайней мѣрѣ, одинъ общій звукъ. При этомъ въ 36% случаевъ воспроизведенія старыхъ слоговъ (вмѣсто только-что воспринятыхъ) имѣлась общая согласная, въ 17%—общая гласная и согласная (стоящая на томъ же мѣстѣ), въ 26%—гласная и согласная (стоящая на другомъ мѣстѣ), въ 12% — одна общая согласная (на другомъ мѣстѣ) и въ 9%—одна общая гласная.

При анализѣ старыхъ слоговъ, ошибочно названныхъ (вмѣсто только-что воспринятыхъ) при воспроизведеніи второго ряда, оказалось, что въ 50% случаевъ у нихъ имѣлась общая согласная, въ 13%—общая гласная и согласная (стоящая на томъ же мѣстѣ), въ 22,5%—гласная и согласная (стоящая на другомъ мѣстѣ), въ 4,5%—одна общая согласная (на другомъ мѣстѣ), въ 2%—двѣ общихъ согласныхъ, въ 4,5%—одна общая гласная и въ 3,5% не было ни одного общаго звука, въ сравненіи съ тѣми слогами, которые подлежали воспроизведенію, причемъ всѣ эти ошибочно воспроизведенные слоги первоначально были восприняты съ побочными впечатлѣніями, соотвѣтствующими тѣмъ, которыми сопровождались воспріятія слоговъ, подлежавшихъ воспроизведенію. Очень важно отмѣтить, что въ этихъ послѣднихъ случаяхъ (3,5%) контролемъ, произведеннымъ послѣ четырехкратнаго воспріятія слоговъ перваго ряда (группами по 4) не было обнаружено сознанной ассоціаціи между даннымъ слогомъ и сопровождавшимъ его побочнымъ впечатлѣніемъ. И тѣмъ не менѣе эта ассоціація потомъ, повидимому, обнаружила свое

дѣйствіе! Конечно, количество этихъ (такъ сказать, чистыхъ) случаевъ, установленныхъ опытами М. И. Конорова, слишкомъ мало, чтобы можно было на основаніи ихъ однихъ утверждать существованіе «безсознательныхъ ассоціацій», какъ посредствующихъ факторовъ сознаваемаго процесса воспроизведенія. Но слѣдуетъ помнить, что въ данныхъ опытахъ вліяніе такъ называемыхъ безсознательныхъ ассоціацій могло обнаруживаться еще и въ другихъ, менѣе рѣзкихъ формахъ.

Во-первыхъ, эти безсознательныя ассоціаціи могли иногда являться въ формѣ вспомогательнаго фактора, усиливающаго вліяніе сознательныхъ ассоціацій. Воспринятый раньше слогъ могъ ошибочно воспроизводиться испытуемымъ, вмѣсто только-что даннаго, сразу по двумъ причинамъ: 1) потому что у него былъ съ нимъ какой-нибудь общій звукъ и 2) потому что оба они были прежде восприняты вмѣстѣ съ одинаковымъ побочнымъ впечатлѣніемъ. Вспомогательное вліяніе безсознательныхъ ассоціацій въ опытахъ Конорова выразилось, какъ мы уже отмѣтили выше (стр. 255), въ значительномъ перевѣсѣ случаевъ ошибочнаго воспроизведенія слоговъ перваго ряда, воспринимавшихся съ тѣми же побочными впечатлѣніями, съ которыми были связаны слоги, подлежавшіе воспроизведенію, надъ случаями ошибочнаго воспроизведенія другихъ слоговъ того же (перваго) ряда. Процентное отношеніе первыхъ случаевъ ко вторымъ=80 : 20.

Во-вторыхъ, вліяніе безсознательныхъ ассоціацій могло сказаться въ томъ, что слоги, воспринятые прежде съ извѣстными побочными впечатлѣніями, воспроизводились не цѣликомъ, а только частью, сливаясь съ другою частью соотвѣтствующаго ему слога, подлежавшаго воспроизведенію въ данный мо-

ментъ. Точное опредѣленіе такихъ случаевъ очень трудно, такъ какъ здѣсь необходимо доказать, что данное искаженіе воспроизведеннаго слога произошло именно подъ вліяніемъ слога перваго ряда, съ соотвѣтствующимъ побочнымъ впечатлѣніемъ, а не вслѣдствіе какой-нибудь другой причины. Факты, полученные при опытахъ Конорова, въ этомъ отношеніи довольно краснорѣчивы. При анализѣ ошибокъ, состоявшихъ въ искаженіи звуковъ воспроизводимаго слога подъ вліяніемъ другихъ, прежде воспринятыхъ слоговъ, обнаружилось не одинаковое вліяніе слоговъ, близко и далеко отстоявшихъ отъ даннаго. А именно, при опытахъ съ воспроизведеніемъ слоговъ, воспринимавшихся группами по 4,

въ 81% случаевъ обнаружилось вліяніе смежныхъ слоговъ,
въ 16% вліяніе слоговъ, находящихся черезъ одинъ отъ даннаго, и
въ 3% вліяніе другихъ слоговъ.

При опытахъ же съ воспроизведеніемъ слоговъ, воспринимавшихся группами по 10,

въ 65% случаевъ обнаружилось вліяніе слоговъ смежныхъ,
въ 17%—вліяніе слоговъ, находящихся черезъ одинъ отъ даннаго, и
въ 18%—вліяніе другихъ слоговъ.

Сравненіе этихъ чиселъ ясно показываетъ, что на появленіе большого количества ошибокъ при воспроизведеніи слоговъ второго ряда вліяла какая-то особая причина, усиливавшая возможность смѣшенія даннаго слога съ другими, довольно отдаленными отъ него по времени воспріятія. Какая же это была причина? Всѣ 18% случаевъ вліянія другихъ (не близкихъ по времени воспріятія) слоговъ на искаженіе

даннаго слога (при воспроизведеніи второго ряда) представляютъ собою случаи вліянія слоговъ перваго ряда, связанныхъ съ одинаковыми побочными впечатлѣніями, причемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ контрольный опросъ, произведенный послѣ четырехкратнаго воспріятія слоговъ перваго ряда, не обнаружилъ наличности сознанной ассоціаціи между даннымъ слогомъ и соотвѣтствовавшимъ ему побочнымъ впечатлѣніемъ. Въ виду большой важности этого факта, не лишнимъ будетъ привести здѣсь полный перечень этого рода ошибокъ.

При опытахъ №№ 1 2,

вмѣсто	*мяф*,	подъ вліяніемъ	*роч*,	было воспроизв.	*моч*,
»	*зюж*	»	*тах*	»	*таж*
»	*фац*	»	*хяз*	»	*хац*
»	*кят*	»	*чеж*	»	*чяж*
»	*цеч*	»	*цом, бов*	»	*бом*
»	*мяб*	»	*гед*	»	*геб*
»	*кес.*	»	*люц*	»	*кец*
»	*кят*	»	*чеж*	»	*кяж*
»	*фац*	»	*хяз*	»	*фаз*
»	*кят*	»	*чеж*	»	*кяж*
»	*маф*	»	*роч*	»	*моф*

При опытѣ № 3,

вмѣсто	*люц*,	подъ вліяніемъ	*кес*,	было воспроизв.	*кец*,
»	*соч*	»	*луф*	»	*лоч*
»	*гед*	»	*мяб*	»	*мед*
»	*тах*	»	*зяц*	»	*зац*
»	*сеп*	»	*жун, хаз*	»	*хаж*
»	*маф*	»	*роч*	»	*моч*

При опытѣ № 4,

вмѣсто *зеш*, подъ вліяніемъ *мяц*, было воспроизв. *зец*,
» *вил* » *дюс* » *дил*

Если обозначить слогъ прежде воспринятаго ряда буквой *a*, слогъ позднѣе воспринятаго ряда буквой *b* и побочное впечатлѣніе, соотвѣтствующее имъ обоимъ,—буквой *m*, то на основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ изъ опытовъ Конорова, можно утверждать, что *a* воспроизводится подъ вліяніемъ *b* даже въ тѣхъ случаяхъ, когда связь посредствующаго между ними *m* съ *a* не сознается воспроизводящимъ субъектомъ, не смотря даже на его стремленіе возстановить эту связь въ періодъ времени, отдѣляющій моментъ воспріятія *a* въ связи съ *m* отъ момента воспріятія *b*. Но можно ли утверждать, что эта связь *m* съ *a* не сознается имъ и въ самый моментъ воспроизведенія *a* вмѣсто *b*? Нельзя ли допустить, что испытуемый, только что воспринявшій *b* въ связи съ *m*, прежде всего припоминаетъ, хотя бы смутно, одно только *m*, которое, вслѣдъ за тѣмъ, пробуждаетъ въ его сознаніи *a*.

Это *a*, появившись въ сознаніи цѣликомъ или частью, можетъ остаться неузнаннымъ, и тогда возникнетъ иллюзія, что оно было воспринято непосредственно передъ актомъ воспроизведенія. Кончено, выставляя такую гипотезу, надо показать, что могутъ быть случаи, когда слабая ассоціація, установленная между *a* и *m*, бездѣйствуетъ въ моменты, близкіе къ воспріятію *a*, и обнаруживается позднѣе, послѣ воспріятія *b*. При опытахъ Конорова, въ этомъ отношеніи былъ полученъ интересный матеріалъ.

По окончаніи опытовъ №№ 1 и 3, экспериментаторъ показывалъ испытуемымъ обратную (чистую) сторону карточекъ разной формы и предлагалъ вспом-

нить тотъ слогъ, который былъ на ней написанъ при запоминаніи слоговъ группами по 10, или показывалъ карточку съ написаннымъ на ней русскимъ словомъ (столъ, моль, громъ и т. д.), предлагая вспомнить слогъ, воспринятый рядомъ съ даннымъ словомъ при заучиваніи группами по 10 словъ. При этихъ опросахъ всего было получено 147 отвѣтовъ, при чемъ:

въ 22 (15%)—случаяхъ воспроизводились невоспринимавшіеся слоги,

въ 62 (42%)—слоги второго ряда (т.-е. воспринимавшіеся группами по 10 слоговъ), написанные на карточкахъ несоотвѣтствующей формы,

въ 35 (24%)—слоги второго ряда, написанные на карточкахъ соотвѣтствующей формы,

въ 10 (7%)—слоги перваго ряда (т.-е. воспринимавшіеся группами по 4 слога), написанные на карточкахъ несоотвѣтствующей формы,

въ 18 (12%)—слоги перваго ряда, написанные на карточкахъ соотвѣтствующей формы.

Изъ этихъ 18 послѣднихъ случаевъ въ девяти, при взглядѣ на данную карточку были воспроизведены такіе слоги, связь которыхъ съ данной формой не была обнаружена контролемъ, произведеннымъ непосредственно вслѣдъ за многократнымъ воспріятіемъ слоговъ перваго ряда (группами по 4). При этомъ въ шести случаяхъ испытуемый былъ увѣренъ что имъ воспроизводятся слоги второго (только что воспринимавшагося, группами по 10 слоговъ) ряда.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію матеріала по

вопросу о вліяніи безсознательныхъ ассоціацій на количественныя измѣненія состояній сознанія.

Изслѣдованіе этого вопроса находится въ тѣсной связи съ тѣми общими положеніями, которыя удалось установить психологамъ-экспериментаторамъ при наблюденіяхъ скорости воспроизведенія представленій различнаго вида [1]). Изъ этихъ положеній особенное значеніе для нашего вопроса имѣютъ слѣдующія:

1) болѣе привычныя ассоціаціи обнаруживаются въ болѣе быстрыхъ процессахъ воспроизведенія представленій, чѣмъ ассоціаціи менѣе привычныя [2]);

2) воспроизведеніе представленій по ассоціаціи можетъ происходить быстрѣе или медленнѣе въ зависимости отъ характера тѣхъ побочныхъ состояній сознанія, которыя связаны съ данными представленіями [1]).

Исходя изъ этихъ фактовъ, можно было бы построить такую схему: переживъ (въ моментъ времени x) рядъ представленій $A+B+C$, мы получаемъ (въ моментъ времени y) представленіе D (равнозначное представленію A), вслѣдъ за которымъ возникаетъ представленіе E (равнозначное представленію C),

---

[1]) Начало такимъ изслѣдованіямъ, теоретическое значеніе которыхъ предугадывалъ еще Herz («Versuch über den Schwindel», 1791) положилъ Гальтонъ (Francis Galton, Brain, 1879, 149).

[2]) M. Trautscholdt, «Experimentelle Unfersuchungen über die Association der Vorstellungen». Philos. Studien, I, 1. 1881. James Mckeen Cattell, «Experiments on the Association of Ideas». Mind, Vol. XII, 1887.

[3]) A. Mayer und J. Orth, «Zur qualitativen Untersuchung der Association». Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1901. Наблюденія надъ развитіемъ интересовъ и памяти въ школьномъ возрастѣ, произв. слуш. Пед. Курсовъ В. У. В. подъ руков. А. П. Нечаева. Спб. 1901, стр. 7 слѣд. М. Л. Кауфманъ, А. П. Нечаевъ и Н. Н. Тычино, «Наблюденія надъ развитіемъ зрительной памяти и ассоціацій у дѣтей дошкольнаго возроста», «Русская Школа», 1903 года, янв. Е. Кармазина и В. Сухова, «Вліяніе настроенія на характеръ и быстроту ассоціацій», «Вѣстникъ Психологіи», 1904, 8.

причемъ на скорости возникновенія *E* сказывается вліяніе переживанія, отмѣченнаго (въ моментъ времени *x*) сознаніемъ представленія *B*, хотя въ моментъ времени *y* не сознается ни одного представленія, которое можно было бы признать равнозначнымъ представленію *B*.

Такова общая схема, которую въ данномъ случаѣ можно построить чисто теоретически. Но спрашивается, въ какой степени она соотвѣтствуетъ даннымъ опыта? Возможно ли указать опредѣленные факты, которые явились бы ея выраженіемъ?

Изъ области матеріала, добытаго экспериментально-психологическими изслѣдованіями, всего ближе подходятъ къ построенной нами схемѣ тѣ данныя, которыя были получены Н. С. Корольковымъ при его опытахъ, произведенныхъ втеченіе 1903 года въ нашей лабораторіи экспериментальной педагогической психологіи. [1]).

При своихъ опытахъ Корольковъ измѣрялъ скорость возникновенія разнаго рода представленій, вызванныхъ въ сознаніи испытуемыхъ только что воспринятыми трехсложными словами. Такихъ словъ, являвшихся исходнымъ пунктомъ ассоціаціи, давалось каждому испытуемому 72, Всѣ эти слова были раздѣлены на слѣдующіе 6 рядовъ:

1.	2.	3.
Коляска	Музыка	Пахучій
Пуговка	Мычанье	Прокислый
Ножницы	Ворчанье	Душистый
Карандашъ	Журчанье	Соленый
Озеро	Хлопанье	Горчица

[1]) Н. С. Корольковъ, «Экспериментальныя данныя къ вопросу объ ассоціаціяхъ». (Докладъ, сдѣланный въ Обществѣ Нормальной и Патологической Психологіи, «Вѣстникъ Психологіи», 1904, вып. 5).

Колесо	Гудѣнье	Протухлый
Памятникъ	Рычанье	Уксусный
Картина	Свистанье	Сладенькій
Канава	Щелканье	Невкусный
Дерево	Жужжанье	Лакомый
Самоваръ	Топанье	Кислота
Бумага	Шипѣнье	Табачный

4.	5.	6.
Холодный	Сердечный	Дѣйствіе
Шершавый	Веселость	Прямота
Горячій	Отважный	Возможность
Теплота	Пугливость	Пространство
Морозный	Обида	Правдивость
Щекотка	Радостный	Простота
Колючій	Блаженство	Качество
Обжоги	Тревожный	Дѣленье
Пушистый	Желанье	Множество
Щипанье	Несчастье	Правильность
Прохладный	Мученье	Сложенье
Ледяной	Рѣшимость	Причина

Испытуемый помѣщался въ особой комнатѣ, причемъ ему давались въ слуховой формѣ слова, входящія въ составъ указанныхъ выше родовъ. Задача испытуемаго состояла въ томъ, чтобы назвать первое слово, которое будетъ вызвано въ его сознаніи даннымъ раздражителемъ. Для регистраціи скорости возникновенія данной ассоціаціи употреблялись два губныхъ ключа, соединенныхъ въ электрической цѣпи съ хроноскопомъ Гиппа. Экспериментаторъ обыкновенно имѣлъ при себѣ двухъ ассистентовъ, изъ которыхъ одинъ слѣдилъ за хроноскопомъ, а другой велъ подробный протоколъ. По слову «начинаю» испытуемый и экспериментаторъ брали въ ротъ губные ключи. Затѣмъ пускался въ ходъ хроноскопъ.

Черезъ 2—3 секунды послѣ этого экспериментаторъ произносилъ опредѣленное слово, причемъ, въ моментъ произнесенія перваго слога, токъ замыкался и стрѣлки хроноскопа начинали двигаться. При первомъ слогѣ, произнесенномъ испытуемымъ, токъ размыкался и стрѣлки останавливались. Послѣ этого записывалось время реакціи и испытуемый подвергался подробному опросу относительно качественной стороны возникшихъ у него ассоціацій. Опытъ съ каждымъ лицомъ продолжался обыкновенно немного болѣе часа. При этомъ принимались мѣры къ тому, чтобы на большую или меньшую скорость возникновенія ассоціацій при словахъ опредѣленнаго ряда не оказывало значительнаго вліянія утомленіе. Для этого: 1) періодически дѣлались небольшіе перерывы въ работѣ и 2) слова, принадлежащія къ одному и тому же ряду, давались не подрядъ, но въ чередованіи со словами другихъ рядовъ.

При этихъ опытахъ было изслѣдовано 15 человѣкъ въ возрастѣ отъ 20 то 43 лѣтъ, а именно: 4 воспитателя кадетскихъ корпусовъ, 7 слушательницъ Фребелевскихъ педагогическихъ курсовъ, одно лицо, окончившее университетъ, одинъ студентъ университета, одинъ художникъ, пять лѣтъ тому назадъ потерявшій зрѣніе, и одинъ сторожъ педагогическаго музея. Надъ каждымъ лицомъ было произведено 72 измѣренія скорости ассоціацій, такъ что въ общей сложности сдѣлано было болѣе тысячи наблюденій.

При изслѣдованіи качественной стороны представленій, возникавшихъ въ сознаніи испытуемыхъ вслѣдъ за даннымъ словомъ, обнаружилось, что каждый изъ данныхъ рядовъ словъ способствовалъ по преимуществу вызову представленій опредѣленнаго рода. Такъ, напримѣръ, ни одинъ рядъ словъ не вызвалъ въ сознаніи испытуемыхъ такого громаднаго

количества зрительныхъ представленій, какъ рядъ № 1 (84,3% всѣхъ вызванныхъ и зарегистрованныхъ. представленій; при другихъ рядахъ количество зрительныхъ представленій колебалось отъ 17,1 до 42%); ни одинъ рядъ словъ не вызвалъ такого количества слуховыхъ представленій, какъ рядъ № 2 (34%; количество слуховыхъ представленій, вызванныхъ другими рядами словъ, колебалось отъ 0 до 2,8%), и т. д. Слѣдующая таблица указываетъ % количество ассоціацій разнаго характера (зрительныя представленія, слуховыя, вкусовыя и обонятельныя, термическія и осязательныя, эмоціональныя состоянія, словесные образы), возникавшихъ въ сознаніи испытуемыхъ при воспріятіи словъ, входившихъ въ составъ каждаго изъ шести вышеуказанныхъ рядовъ.

	Характеръ ассоціацій					
	Зрит.	Слухов.	Вкус. обонят.	Терм. осязат.	Эмоціон.	Словесн.
1-й рядъ	84,3	—	0,9	0,6	3,2	11,0
2-й „	42,0	34,0	—	0,5	1,4	22,1
3-й „	36,3	1,1	32,0	0,3	5,3	25,0
4-й „	39,9	—	1,5	26,0	12,1	20,5
5-й „	17,1	2,8	0,6	—	29,5	50,0
6-й „	34,1	2,0	—	1,4	13,0	49,5

При изслѣдованіи скорости воспроизведенія представленій разнаго вида, оказалось, что 1) чисто словесныя ассоціаціи возникали, въ среднемъ, скорѣе, чѣмъ образы реальнаго характера, и 2) представленія

реальнаго характера разныхъ видовъ возникали не съ одинаковой средней скоростью, причемъ скорѣе всего воспроизводились термическія, осязательныя, вкусовыя и обонятельныя представленія, затѣмъ, по скорости воспроизведенія, слѣдовали зрительные и слуховые образы и, наконецъ, эмоціональныя состоянія. Среднее время воспроизведенія, вмѣстѣ съ временемъ воспріятія слова, служившаго исходнымъ пунктомъ ассоціаціи, и временемъ реакціи, равнялось: для термическихъ и осязательныхъ представленій—2,03″, для вкусовыхъ и обонятельныхъ—2,44″, для зрительныхъ—2,44″, для слуховыхъ—2,49″ и для эмоціональныхъ состояній—2,57″.

Такъ какъ каждый изъ шести рядовъ словъ, предлагавшихся воспріятію испытуемыхъ, не въ одинаковой степени способствовалъ воспроизведенію представленій разнаго вида, то и средняя скорость ассоціацій, возникавшихъ при каждомъ изъ данныхъ рядовъ была неодинакова.

При этомъ особый интересъ представляли тѣ случаи, когда въ сознаніи испытуемыхъ возникали чисто словесные образы, повидимому, безъ всякаго воспоминанія о какихъ бы то ни было реальныхъ впечатлѣніяхъ. Такихъ случаевъ всего наблюдалось 30%, причемъ изъ всѣхъ представленій, возникшихъ при воспріятіи ряда № 1, словесные образы занимали 11%, при воспріятіи ряда № 1—22,1%, при воспріятіи ряда № 3—25%, при рядѣ № 4—20,5% и при рядѣ № 5—50%.

Въ общемъ, какъ было сказано, возникновеніе чисто словесныхъ ассоціацій, отличалось сравнительной быстротою. Но эта быстрота оказывалась далеко неодинаковой при возникновеніи чисто словесныхъ образовъ, возбужденныхъ словами разныхъ рядовъ. Чисто словесныя ассоціаціи, въ среднемъ, требовали

меньше всего времени, когда они возникали при воспріятіи словъ, взятыхъ изъ ряда № 4 (1,52″, вмѣстѣ съ временемъ реакціи и слухового воспріятія) и ряда № 3 (1,76″), т.-е. изъ тѣхъ рядовъ, которые давали поводъ къ наиболѣе частому возникновенію термическихъ, осязательныхъ, вкусовыхъ и обонятельныхъ образовъ. Медленнѣе возникали чисто словесныя ассоціаціи при воспріятіи словъ изъ рядовъ № 2 (1,94″) и № 1 (2,22″), при которыхъ, какъ было указано, возникало наибольшее количество слуховыхъ и зрительныхъ образовъ. Еще медленнѣе возникали чисто-словесныя ассоціаціи при воспріятіи словъ изъ ряда № 5 (2, 32″), который вызывалъ наибольшее количество ассоціацій эмоціональнаго характера.

Чѣмъ объяснить эту разницу въ скорости возникновенія чисто-словесныхъ ассоціацій при воспріятіи словъ изъ разныхъ рядовъ?

Для этого объясненія мы не находимъ, прежде всего, никакихъ данныхъ въ показаніяхъ испытуемыхъ. Лица, подвергавшіяся изслѣдованію, въ указанныхъ случаяхъ заявляли, что, на основаніи самонаблюденія, они могли утверждать наличность только чисто-словесныхъ ассоціацій, вызываемыхъ даннымъ словомъ, и не замѣчали никакихъ побочно возникавшихъ представленій реальнаго характера.

Но если мы попробуемъ воспользоваться гипотезой «безсознательныхъ ассоціацій», всѣ факты получаютъ объясненіе. Въ данныхъ наблюденіяхъ мы найдемъ тогда матеріалъ, какъ разъ соотвѣтствующій той схемѣ, при помощи которой мы пытались выяснить общій планъ изслѣдованія вліянія безсознательныхъ ассоціацій на количественную сторону состояній сознанія (см. выше, стр 264).

Прилагая эту схему къ даннымъ фактамъ, можно сказать, что словесный образъ *E* возникаетъ съ

большей или меньшей скоростью подъ вліяніемъ того, что подобнаго же рода словесный образъ (*C*) сопровождался, въ прежнемъ опытѣ, представленіемъ реальнаго характера (*B*), которое въ данный моментъ не сознается. Съ этой точки зрѣнія, становится понятной та аналогія между скоростью воспроизведенія разныхъ представленій реальнаго характера, разные виды которыхъ преобладали при воспріятіи разныхъ рядовъ, и скоростью чисто-словесныхъ представленій, возникавшихъ у испытуемыхъ при воспріятіи разныхъ рядовъ. Слѣдующая таблица даетъ наглядное сопоставленіе относящихся сюда результатовъ.

№ ряда словъ.	4	3	2	1	5
Видъ ассоціацій, наиболѣе свойственныхъ данному ряду.	терм. осяз.	вкус. обон.	слух.	зрит.	эмоц.
Средняя скорость ассоціацій даннаго вида (безъ различія ряда словъ, служившихъ исходнымъ пунктомъ воспроизведенія).	2,03 2,44		2,49 2,44		**2,57**
	$\frac{2,03+2,44}{2} = \mathbf{2,23}$		$\frac{2,49+2,44}{2} = \mathbf{2,46}$		
Средняя скорость чисто-словесныхъ ассоціацій, возникавшихъ при воспріятіи даннаго ряда.	1,52 1,76		1,94 2,22		**2,32**
	$\frac{1,52+1,76}{2} = \mathbf{1,64}$		$\frac{1,94+2,22}{2} = \mathbf{2,8}$		

Главное возраженіе, которое можно сдѣлать противъ попытки утверждать, на основаніи этихъ данныхъ, существованіе «безсознательныхъ ассоціацій», заключается въ томъ, что невозможно доказать отсутствія въ сознаніи испытуемыхъ смутныхъ мимолетныхъ представленій, вызванныхъ тѣмъ или другимъ словомъ и моментально пропавшихъ изъ сознанія. Испытуемый, на основаніи самонаблюденія, не можетъ отдать отчета въ этихъ представленіяхъ,

но изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ ихъ не имѣлъ. Они существовали, но были забыты. Быть можетъ, даже они существуютъ въ моментъ самонаблюденія, но отличаются такой слабостью и неясностью что испытуемый затрудняется ихъ обозначить опредѣленнымъ словомъ.

Въ близкомъ отношеніи ко всѣмъ указаннымъ примѣрамъ «безсознательныхъ ассоціацій» стоятъ случаи такъ называемаго «непосредственнаго узнаванія», которые играли такую видную роль въ полемикѣ Лемана и Геффдинга. Мы знаемъ, что главный спорный пунктъ въ вопросѣ о непосредственныхъ узнаваніяхъ заключался въ томъ, насколько возможно доказать во всѣхъ процессахъ узнаванія вліяніе воспроизводимыхъ представленій. Основывая всякій процессъ узнаванія на воспроизведеніи представленій по смежности, Леманъ утверждалъ, что типичными случаями узнаванія слѣдуетъ признать тѣ, въ которыхъ ясно выступаетъ связь узнаваемаго представленія съ другими, при помощи которыхъ оно узнается. По аналогіи съ этими случаями, по мнѣнію Лемана, слѣдуетъ объяснять и случаи «непосредственнаго узнаванія», когда путемъ самонаблюденія нельзя бываетъ опредѣлить тѣхъ побочныхъ психическихъ явленій, которыя обусловливаютъ возможность узнаванія. Эти побочныя психическія явленія (какъ показала полемика Лемана съ Гефдингомъ) сознаются нами часто только въ формѣ неяснаго чувства, которому очень трудно бываетъ подыскать подходящее имя. Такою же неясностью могутъ отличаться и многіе процессы интеллектуальнаго характера, при помощи которыхъ совершается узнаваніе. Леманъ приводилъ характерные примѣры (съ узнаваніемъ запаховъ), хорошо иллюстрировавшіе процессъ постепеннаго узнаванія даннаго ощу-

щенія, параллельно съ постепеннымъ проясненіемъ побочныхъ представленій, служащихъ опорой этого узнаванія. (Испытуемый признаетъ знакомымъ запахъ сивушнаго масла, но не можетъ опредѣлить его; подъ вліяніемъ вопроса, не помнитъ ли онъ гимназическаго класса № X, испытуемый сразу составляетъ опредѣленіе «пахнетъ спиртовыми препаратами»). Случаи подобнаго рода постепеннаго узнаванія очень интересны, какъ матеріалъ для разъясненія интересующаго насъ вопроса о безсознательныхъ ассоціаціяхъ. Они показываютъ, какъ близко иногда подходитъ понятіе «бсзсознательнаго» къ понятію «безотчетнаго», «неяснаго», «смутнаго».

Здѣсь кстати будетъ привести нѣкоторыя данныя изъ опытовъ (еще не опубликованныхъ) К. М. Добропнсцева, производившаго въ теченіе 1904 г., по методу Лемана, изслѣдованія процесса узнаванія въ руководимой мною лабораторіи экспериментальной педагогической психологіи (при Педагогическихъ курсахъ военно-учебнаго вѣдомства).

К. М. Добропнсцевъ цредлагалъ 12-ти испытуемымъ (изъ которыхъ было 10 женщинъ и 2 мужчинъ) нюхать баночки съ пахучими веществами, причемъ надъ каждымъ лицомъ было произведено по 40 опытовъ, изъ которыхъ 20—съ веществами, хорошо извѣстными въ домашнемъ обиходѣ (скипидаръ, карболовая кислота, малина и проч.), и 20—съ веществами, неизвѣстными по имени (разныя химическія соединенія, не имѣющія опредѣленнаго названія въ обиходѣ). Изъ 480 опытовъ 30 дали результатъ, аналогичный тому, который въ изслѣдованіи Лемана былъ отмѣченъ именемъ «непосредственнаго узнаванія». Интересно отмѣтить, что процентное количество случаевъ непосредственнаго узнаванія (6,3%) очень близко подходитъ къ даннымъ Лемана, полу-

чившаго при подобнаго рода опытахъ 7% такихъ же случаевъ. Ближайшій анализъ случаевъ «непосредственнаго узнаванія», полученныхъ при отытахъ К. М. Доброписцева, даетъ основаніе предполагать, что тѣ «представленія, дѣйствующія подъ порогомъ сознанія», на которыя въ аналогичныхъ случаяхъ ссылался Леманъ [1]), являются ничѣмъ инымъ, какъ смутными, неотчетливыми представленіями. Это доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что непосредственное узнаваніе чаще всего наблюдается у лицъ, съ трудомъ припоминающихъ нужныя имъ опредѣленія, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что при даннаго рода опытахъ нерѣдко можно прямо наблюдать, какъ первоначально неясное представленіе, сопровождающее наличное обонятельное ощущеніе, начинаетъ все болѣе и болѣе проясняться подъ вліяніемъ направленнаго на него вниманія.

Первое положеніе можно иллюстрировать рядомъ слѣдующихъ данныхъ изъ опытовъ К. М. Доброписцева:

Испытуемыя лица.	Макс.	Мор.	Б. 1.	Б. 2.	Зац.	Сид.	Итого.	Кон.	Григ.	Лук.	Ал.	Чер.	Нек.	Итого.
Количество случаевъ „непосредственнаго“ узнаванія . .	0	0	1	1	1	2	**5**	3	3	4	4	4	8	**26**
Количество случаевъ правильнаго узнаванія, съ опредѣленнымъ указаніемъ имени.	4	7	7	7	4	2	**31**	2	8	3	5	4	2	**24**
Количество случаевъ правильнаго узнаванія, съ моментальнымъ, неопредѣленнымъ указаніемъ обстоятельствъ предшествующаго воспріятія.	0	10	4	7	4	5	**30**	6	2	6	6	7	2	**29**
Количество случаевъ правильнаго узнаванія, съ послѣдующимъ воспроизведеніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ предшествующаго воспріятія.	4	3	4	4	2	1	**18**	3	2	2	4	6	0	**17**

[1]) Philosoph. Studien, VII, 192.

Примѣромъ постепеннаго проясненія смутныхъ представленій, обусловливающихъ процессъ узнаванія обонятельныхъ ощущеній, можетъ служить слѣдующій случай. Испытуемому предлагаютъ понюхать ваниль. Онъ сначала заявляетъ что это — какая-то прянность. Черезъ нѣкоторое время слѣдуетъ его замѣчаніе, что прянность эту кладутъ въ пасхальные куличи. И наконецъ дается опредѣленный отвѣтъ: «это—ваниль». Подобнаго рода случаевъ всего наблюдалось 50 при 240 опытахъ, когда испытуемымъ предлагали нюхать несомнѣнно знакомое имъ вещество.

Какой же выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ всѣхъ указанныхъ фактовъ по вопросу о безсознательныхъ ассоціаціяхъ?

На основаніи всего, приведеннаго въ этой главѣ матеріала, мы можемъ установить слѣдующія положенія:

1) въ состояніяхъ сознанія наблюдаются такія измѣненія качественнаго и количественнаго характера, которыя не могутъ быть объяснены при помощи самонаблюденія, дѣйствующаго въ моменты, близкіе къ даннымъ состояніямъ сознанія;

2) измѣненія состояній сознанія, отмѣченныя въ пунктѣ первомъ, могутъ быть объясняемы вліяніемъ предшествующихъ переживаній—по аналогіи съ тѣми случаями, когда появляется дѣйствіе такъ называемаго закона ассоціаціи представленій;

3) вводя подобнаго рода объясненія, никогда нельзя съ увѣренностью провести границу между такими состояніями духа, при которыхъ совершенно отсутствовало сознаніе предполагаемаго нашимъ объясненіемъ члена ассоціаціоннаго процесса, и когда этотъ членъ только мимолетно, неясно сознавался;

4) предполагая ассоціаціонные процессы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ данныя самонаблюденія оказываются недостаточными для точной установки всѣхъ моментовъ дѣйствующей ассоціаціи, мы можемъ условно пользоваться выраженіемъ «безсознательная ассоціація».

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

Аристотель—1—9, 19, 27, 47, 79, 196.
Ашаффенбургъ—240, 246.
Баумгартенъ—236, 237.
Беркли—159.
Біунде—26, 48—50, 52.
Бонне—19.
Брошаръ—66, 68, 69, 70, 72, 197, 208, 225.
Бэконъ—8.
Бэнъ—43, 54, 58, 62—78, 197, 222, 226.
Вольфе—89.
Вольфъ—18—22, 48, 196.
Вундтъ—20, *79*, 81, 133—152, 173, 197, 198, 202, 216, 226—228, 236, 239, 240.
Гальтонъ—264.
Гамильтонъ—24, 47—58, 67, 68, 121, 177, 196.
Гегель—41.
Гербартъ—15—18, 29—69, 140, 143, 161, 196, 201, 204—206.
Гертли—17, 18, 26, 175, 196, 197.
Герцъ—18, 19, 21, 264.
Геффдингъ—78, *79*, 99—174, 197, 222, 225, 226, 229, 230, 272.
Гиссманъ—17, 27.
Гоффбауеръ—25, 26, 48, 50, 52, 69.
Джэмсъ—67, 151, 175, 178.
Декартъ—19.
Дессуаръ—17, 18, 19, 21, 23, 27.
Добросицевъ—273.
Ейкенъ (Eucken)—1.
Ирвингъ—18.
Іерузалемъ—236, 248.
Іодль—186, 187, 198.
Кантъ—18.
Кармазина—264.
Кауфманъ—264.
Кеттель (Cattel)—264.
Коноровъ—249—262.
Кордесъ—240, 246—248.
Корольковъ—265.
Кроманъ—81.
Куссмауль—105.
Кюльпе—179, 180, 183, 198.
Лейбницъ—16.
Леманъ—78—174, 197, 225, 227, 229, 230, 272.
Лехенъ—105—107.
Лихтгеймъ—105.
Липпсъ—175.
Локкъ—1, 9, 10, 13, 16.
Маасъ—18—26, 48—54, 57, 69, 196 225.
Майеръ (Mayer)—264.
Малебраншъ—21, 196.
Марти (Marty)—109.
Милль, Джемсъ—17, 43, 57, 66, 69, 121, 197.
Милль, Дж. Ст.—*15*, 54, 57, 67—69, 121, 197.
Мюнстербергъ—240—247.
Ортъ—264.
Охоровичъ—224.

Пильонъ—72, 77, 208.
Платтнеръ—26.
Поланъ—76.
Рабье—70—76, 225.
Ремке—184.
Ридъ (Reid)—24, 47, 68.
Риль—81, 82, 147.
Сидисъ—224.
Скрипчюръ—136, 137, 141, 238—240, 244, 247.
Смитъ—240, 244.
Сократъ—6, 7.
Спиноза—24.
Сухова—264.
Тетенсъ—16, 26.
Траутшольдъ—264.
Тычино—264.
Тэнъ—71.
Ульрици—42.
Фихте—42.
Фолькманъ—21, 26, 41.
Хоу (Howe)—246.
Хризиппъ—6.
Цiэнъ—192, 193, 195, 246.
Шарко—105.
Шенье—1, 7, 8.
Штриккеръ (Stricker)—105.
Шульце—26, 27.
Эббинггаусъ—190, 192, 198,
Юбервассеръ—23.
Юмъ—9—17, 21, 27, 46, 108, 120, 196.
Якобъ—26—28.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Цѣна 3 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Н. П. Карбасникова

(Спб., Литейный пр., 46).

Тамъ же и въ другихъ извѣстныхъ магазинахъ продаются сочиненія:

Александра Нечаева. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Александра Нечаева. Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей. Ч. I. Процессы умственной жизни. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Педагогическая Библіотека подъ редакціей **Александра Нечаева.** Выпускъ I: *Контейре,* Спенсеръ и научное [illegible] (Спб., 1903, п. 50 коп.) Выпускъ II: *Ком-* [illegible] Песталоцци и элементарное воспитаніе (Спб., 1904, п. 50 к.). Выпускъ III: **Педагогика и педологія** [illegible] 1904, ц. 40 к.).

Гербарта. Психологія. Перев. съ примѣчаніями **Александра Нечаева.** Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

A. Netschajeffs. Über Memorieren. Eine Skizze aus dem Gebiete der experimentellen pädagogischen Psychologie. Berlin. 1902. Preis 1 M.

A. Netschajeffs. Über Auffassung. Berlin. 1904. Preis 60 Pf.

ИЗДАНІЕ:

Труды по экспериментальной педагогической психологіи слушателей Педагогическихъ курсовъ военно-учебнаго вѣдомства, подъ ред. **А. П. Нечаева** (вып. I. 1901, и II. 1902) ***распродажо.***